

КЛЮЧИ

ОТ ТВОЕГО СЕРДЦА

Они полюбили впервые.
Но они еще не знают,
какие сюрпризы
приготовила им судьба...

КОЛИН ГУВЕР

СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

АЗБУКА

Колин Гувер

Ключи от твоего сердца

*Посвящается группе «Братья Эйвтт» –
благодаря им я смогла «решишь, кем быть, и
сделать мечту реальностью»*

Роман является художественным произведением. Имена, герои, места и ситуации являются плодом воображения автора или же используются в художественных целях. Любое сходство с реальными лицами, живыми или умершими, событиями или местами является чистым совпадением.

Благодарности

Спасибо Эбигейл Эн из компании «Поэтри слэм инк.» за то, что она молниеносно отвечала на все мои вопросы. Дольфусу Рамсёру из «Ramseur Records» за разрешение на использование текстов группы «Братья Эйвитт» в начале каждой главы этой книги. Спасибо моим сестрам Лин и Мёрфи за то, что они разделили со мной все потрясающие составляющие ДНК нашего отца. Спасибо моей матери Вэнной за то, что она любит «Mystery Bob» и поддерживает мои увлечения. Спасибо Жан-Энн и Экси за дизайн обложки. Спасибо моему великолепному мужу и детям за то, что целых четыре недели они сами стирали белье и мыли посуду, пока я запиралась в спальне и писала. Спасибо Джессике Бенсон-Спаркс за ее доброе сердце и готовность помочь. И наконец, огромное спасибо моему «тренеру по жизни» Стефани Коэн – она невероятно потрясающая!

Часть 1

Глава 1

*...I'm as nowhere as I can be,
Could you add some somewhere to me?*

«The Avett Brothers». Salina^Ц

Мы с Келом ставим в фургон последние коробки. Я захлопываю дверь и запираю на замок восемнадцать лет воспоминаний, каждое из которых так или иначе связано с папой.

Со дня его смерти прошло уже шесть месяцев. Вполне достаточно, чтобы мой девятилетний братишка Кел уже не плакал каждый раз, когда мы вспоминаем папу, и в то же время слишком мало, чтобы смириться с финансовыми последствиями нашего превращения в «семью с одним кормильцем». Семью, которая не может позволить себе остаться в Техасе – месте, где я родилась и выросла...

– Лейк, не будь пессимисткой, – говорит мама, протягивая мне ключи от дома. – Думаю, тебе очень понравится в Мичигане!

Она никогда не называет меня моим настоящим именем. Все девять месяцев они с папой спорили, как меня назвать. Маме нравилось имя Лейла, потому что она обожала песни Эрика Клэптона, а папа настаивал на Кеннеди, потому что обожал Кеннеди. «Не важно, какого именно Кеннеди, я в восторге от всей этой семейки», – говорил он.

Через три дня после моего рождения регистратура роддома все-таки заставила их сделать выбор. Родители решили взять первые три буквы от обоих имен и сошлись на компромиссном варианте – Лейкен, но так меня никто никогда не называет.

– Мама, не будь такой оптимисткой! – передразниваю ее я. – Думаю, мне очень не понравится в Мичигане!

У мамы есть поразительная способность прочитать целую лекцию с помощью одного-единственного взгляда. И сейчас этот взгляд предназначается мне.

Поднявшись на крыльцо, я открываю дверь и обхожу весь дом, прежде чем в последний раз повернуть ключ в замке. В комнатах царит зловещая пустота. Даже не верится, что я иду по тому самому дому, где прожила всю жизнь, с самого рождения. В последние полгода на нас обрушился целый шквал переживаний, причем совершенно нерадостных. Да, я прекрасно

понимала, что нам все равно пришлось бы переехать, но все-таки надеялась, что успею окончить школу.

Я стою в тепер уже не нашей кухне и вдруг на полу под навесным шкафчиком, там, где раньше был холодильник, замечаю фиолетовую пластмассовую заколку. Я поднимаю ее, стираю пыль и долго верчу в руках. «Они отрастут», – утешал меня папа.

Мне было тогда лет пять. Мама случайно оставила парикмахерские ножницы на столике в ванной, и я, разумеется, сделала то, что сделал бы любой ребенок в этом возрасте, – обрезала себе волосы.

– Мама рассердится! – разрыдалась я.

Я-то думала, что волосы отрастут почти сразу и никто ничего не заметит! Умудрившись отрезать довольно большую прядь от челки, я уселась перед зеркалом и примерно час провела в ожидании, что волосы чудесным образом отрастут. Потом подняла с пола прямые каштановые прядки и, зажав их в кулаке, принялась думать, как же приделать их обратно, а потом разревелась.

Папа вошел в ванную, увидел, что я натворила, рассмеялся, взял меня на руки и посадил на столик.

– Мамочка ничего не заметит, Лейк, – заверил он меня, доставая что-то из шкафчика. – У меня есть одно волшебное средство! – Он разжал кулак и показал фиолетовую заколку. – Пока ты носишь эту заколку, мамочка ничего не заметит! Видишь? – Он закрепил заколкой остатки моей несчастной челки и развернул меня лицом к зеркалу. – Совсем как новенькая!

Глядя на нас в зеркало, я считала себя самой счастливой девочкой на свете. Ну у кого еще есть такой папа с волшебными заколками?!

На протяжении двух месяцев я не снимала заколку, и мама ни разу ничего мне не сказала. Сейчас я понимаю, что папа наверняка рассказал ей о моей проделке, но в пять лет я свято верила, что мой папа – настоящий волшебник.

Внешне я больше похожа на маму, чем на отца. Мы с ней одного роста. Конечно, родив двоих детей, она уже не влезает в мои джинсы, но остальной одеждой мы вполне можем меняться. У нас обеих каштановые волосы – прямые или вьющиеся в зависимости от погоды. Ее глаза более глубокого изумрудного оттенка, чем мои, а может быть, у нее просто более светлая кожа, поэтому глаза и кажутся ярче.

Но вот в остальном я копия моего папы: у нас обоих жестковатое чувство юмора, одинаковый характер, мы оба обожаем музыку, даже смеемся одинаково. Кел совсем другой. Он похож на папу внешне: те же

светлые волосы пепельного оттенка и мягкие черты лица. Для своих девяти лет Кел маловат ростом, но в остальном развит не по годам.

Подойдя к раковине, я открываю кран, подставляю заколку под струю воды и оттираю въевшуюся за тринадцать лет грязь. Я уже вытираю руки о джинсы, когда в кухню, пятясь, входит Кел. Он странноватый ребенок, но я его просто обожаю. Любимая игра брата называется «наоборотошный день»: он почти все время ходит спиной вперед, говорит задом наперед и даже просит, чтобы ему сначала подавали десерт, а потом горячее. Других братьев и сестер у него нет, разница в возрасте у нас большая, поэтому ему, видимо, пришлось научиться как-то развлекать себя самостоятельно.

– Скорее давай, говорит мама, Лейкен! – выпаливает он задом наперед.

Я убираю заколку в карман, выхожу на крыльцо и в последний раз запираю за собой дверь родного дома.

* * *

Следующие несколько дней мы с мамой по очереди ведем мой джип и фургон, всего два раза останавливаясь переночевать в гостинице. Кел едет в фургоне то со мной, то с мамой. В последний день он сидит рядом со мной. Ночью мы совершаем последний девятичасовой рывок всего с одной короткой остановкой. По мере приближения к нашему новому месту жительства, городу Ипсиланти, я разглядываю окрестности, пытаюсь смириться с тем, что в начале сентября здесь уже приходится включать печку. Похоже, мне понадобится обновить гардероб...

Последний поворот направо – и навигатор сообщает, что мы «прибыли в ваш пункт назначения».

– Мой пункт назначения! – смеюсь я.

Навигатор даже не подозревает, насколько он далек от истины!

Улочка совсем небольшая, примерно по восемь одноэтажных кирпичных домиков с каждой стороны. Между домами виднеется баскетбольная площадка, – надеюсь, Келу будет с кем покидать мячик. Похоже, район вполне приличный: аккуратно постриженные лужайки, безусловно чистый тротуар... Но слишком много бетона. Просто до неприличия много! Я уже хочу обратно домой...

Наш новый хозяин скидывал нам по почте фотографии дома, поэтому я сразу понимаю, какой из них наш. Маленький. Очень маленький! В Техасе у нас было ранчо и несколько акров земли, а здесь крошечная, залитая бетоном площадка, на которой стоит пара садовых гномов... Входная дверь открыта, на крыльцо выходит пожилой мужчина и машет нам рукой – судя по всему, хозяин дома.

Я проезжаю метров пятьдесят мимо дома и задом заезжаю во двор, чтобы прицеп оказался поближе к входу. Перед тем как сдать назад, я поворачиваюсь к спящему Келу и трясую его за плечо. Он дрыхнет с самой Индианы.

– Кел, просыпайся! – шепчу я. – Мы прибыли в пункт нашего назначения!

Он потягивается, зевает, а потом прижимается лбом к стеклу, разглядывая наш новый дом.

– Смотри, а там во дворе какой-то мальчик! Как ты думаешь, мы в одном доме живем?

– Надеюсь, что нет, – отзываюсь я. – Наверное, наш сосед. Беги знакомиться, а я пока машину поставлю.

Загнав фургон во двор, я переключаюсь в режим парковки, закрываю окна и глушу двигатель. Мама заезжает во двор на моем джипе, паркуется рядом, выходит из машины и здоровается с хозяином. Я немного съезживаюсь и съезжаю вниз по сиденью, упираясь ногами в пол. Кел и его новый друг дерутся на воображаемых мечях... Как же я ему завидую! Он относится к нашему переезду с такой легкостью, а я... Я веду себя, как сердитый, обиженный ребенок.

Когда мама решила, что мы переезжаем, Кел расстроился. В основном из-за того, что был самый разгар чемпионата малой лиги. Конечно, у него остались друзья, по которым он будет скучать, но когда тебе девять лет, твой лучший друг обычно воображаемый и живет где-нибудь за океаном. Мама ловко управилась с ним, пообещав, что обязательно запишет его на хоккей, как только мы переедем в Мичиган. В Техасе, да и вообще на Юге, хоккей не очень-то жалуют. Стоило маме пообещать ему это, как он сразу повеселел и чуть ли не с нетерпением ждал переезда.

Я понимаю, почему нам приходится уехать из Техаса. Папа неплохо зарабатывал – он был управляющим в магазине красок. При необходимости мама подрабатывала медсестрой, но боольшую часть времени проводила с нами дома. Спустя месяц после его смерти ей удалось найти постоянную работу. Я прекрасно видела, в каком шоке она пребывает после смерти папы, а тут на нее свалились еще и обязанности главы семейства.

Однажды за ужином она объяснила, что ее заработка не хватит, чтобы оплачивать все счета и погашать ипотеку, и что ей предложили более высокооплачиваемую работу, но нам придется переехать. Ее старая школьная подруга Бренда нашла хороший вариант. Мама и Бренда родились и выросли в городке под названием Ипсиланти, недалеко от

Детройта. Там зарплаты были куда выше, чем в Техасе, так что особенного выбора у нас не было. Я не виню ее за то, что нам пришлось переехать. Бабушка с дедушкой умерли, помочь ей некому. Я понимаю, почему мы были вынуждены так поступить, но иногда оттого, что ты понимаешь, легче не становится.

– Лейкен, ты убита! – кричит Кел через открытое окно, вонзая воображаемый меч мне в горло и ожидая, что сейчас ему влетит, но я лишь закатываю глаза. – Я заколол тебя! Ты должна умереть!

– Поверь мне, я и так уже практически труп! – бурчу я себе под нос, выходя из машины.

Кел ссутуливается и грустно смотрит себе под ноги, воображаемый меч волочится по бетону. Его новый друг выглядит не лучше, и я тут же жалею, что сорвала на детях свое плохое настроение.

– Я уже умерла, – глухо рычу я, изображая жуткое чудовище, – потому что я зомби!

Подняв руки перед собой и склонив голову на сторону, я направляюсь в их сторону. Мальчики визжат от ужаса и восторга и прячутся от меня за прицепом.

– Мозг! – хриплю я и, прихрамывая, бреду за ними. – Я съем ваш мозг!

Медленно обойдя кабину фургона, я вдруг обнаруживаю, что кто-то держит моего брата и его нового друга за воротники рубашек.

– Поймал! – кричит незнакомец, не выпуская орущих мальчишек из рук.

Он намного выше меня ростом и выглядит на пару лет старше. Большинство девчонок назвали бы его красавчиком, но я не большинство. Мальчики извиваются в его руках, но он держит их крепко, и я вижу, как напрягаются под рубашкой его мышцы.

В отличие от нас с Келом в этих двоих сразу видно сходство, и ясно, что они братья. За исключением очевидной разницы в возрасте, они похожи как две капли воды: мягкая, слегка смуглая кожа, черные как смоль волосы... Да у них даже стрижки одинаковые! Кел вырывается из его рук и начинает рубить его «мечом», а он громко смеется, смотрит на меня и, беззвучно шевеля губами, зовет на помощь. И тут я понимаю, что до сих пор стою в позе зомби!

Сначала мне хочется быстренько залезть обратно в кабину фургона и спрятаться под сиденьем на всю оставшуюся жизнь. Но нет. Вместо этого я громко кричу: «Мозг!» – и бросаюсь к ним, притворяясь, что вот-вот укушу его младшего брата за макушку. Я хватаю Кела и его нового друга и начинаю щекотать их, пока они от смеха не валятся на землю, точнее, на

бетонное покрытие въезда во двор.

Выпрямившись, я обнаруживаю, что старший брат протягивает мне руку.

– Привет! Меня зовут Уилл. Мы живем в доме напротив, – сообщает он, показывая рукой через дорогу.

– Я Лейкен. Кажется, я живу здесь, – неуверенно произношу я, пожимая ему руку и бросая через плечо взгляд на наш новый дом.

Он улыбается. Рукопожатие длится бесконечно долго, мы оба неловко молчим. Ненавижу такие моменты!

– Ну что ж, добро пожаловать в Ипсиланти! – Уилл убирает руку в карман куртки. – А откуда вы приехали?

– Из Техаса? – говорю я, не понимая, почему вместо ответа у меня получается вопрос.

А еще я не понимаю, зачем пытаюсь думать о том, почему у меня вместо ответа получается вопрос. Не понимаю, зачем я пытаюсь думать о том, почему я пытаюсь думать, – я просто в шоке! Наверное, это все от недосыпа за последние трое суток.

– Техас, значит? – переспрашивает он, качаясь с пятки на носок.

Я чувствую себя совсем неловко из-за того, что не знаю, как ответить. Уилл смотрит на лежащего на земле младшего брата, наклоняется и поднимает его за щиколотки.

– А кое-кому, кстати, пора в школу, – заявляет он, закидывая мальчика себе на плечи. – К вечеру обещают холодный фронт, поэтому постарайтесь разгрузить большую часть сегодня. Холода простоят несколько дней, так что если вам, ребята, потребуется помощь сегодня вечером – позовите. Мы вернемся часам к четырем.

– Конечно, спасибо! – благодарю я.

Братья переходят через улицу, я смотрю им вслед, и тут Кел вонзает «меч» прямо мне в поясницу. Я падаю на колени, хватаюсь за живот и валюсь навзничь. Кел тут же забирается на меня, намереваясь добить жертву. Украдкой бросив еще один взгляд на дом напротив, я замечаю, что Уилл смотрит на нас. Он сажает брата в машину, закрывает дверь, садится за руль и машет нам на прощание.

* * *

У нас столько коробок и мебели, что большая часть дня уходит на разгрузку. Хозяин дома помогает занести внутрь крупные предметы, которые нам с мамой самим не поднять. Вконец устав, мы решаем отложить разгрузку коробок из джипа до завтра. Я немного разочарована,

что мы успели разобраться с прицепом, – теперь у меня нет повода попросить Уилла о помощи. Как только мы собрали мою кровать, я начинаю переносить коробки с пометкой «Лейкен» из коридора в свою новую комнату. Разобрав большую часть вещей и застелив кровать, я замечаю, что мебель отбрасывает длинные тени на стены, выглядываю в окно и вижу, что солнце стоит низко над горизонтом: то ли дни здесь намного короче, то ли я совсем потеряла счет времени.

Я выхожу на кухню. Мама и Кел расставляют посуду по шкафчикам. Я залезаю на один из шести стульев у барной стойки, которая одновременно служит и столовой, потому что столовой как таковой у нас теперь нет. Дом как дом, ничего особенного: войдя, сразу попадаешь в крошечный холл, а потом в гостиную. Слева гостиная отделяется от кухни небольшим коридором, а справа – окном. На полу лежит бежевый ковер, а в остальных комнатах – просто паркет.

– Здесь так чисто, – замечает мама, продолжая расставлять посуду. – Я ни единого жучка не видела!

В Техасе насекомых больше, чем травы: обычно если вы не отмахиваетесь от мух, то пытаетесь избавиться от ос.

– На этом достоинства Мичигана, похоже, заканчиваются, – мрачно отвечаю я, открывая коробку с пиццей и разглядывая содержимое.

– Заканчиваются? Неужели? – подмигивает мама, перегибается через стойку, берет кусочек с пеперони и кладет его в рот. – А я-то думала, что ты уже нашла как минимум еще одно...

Я делаю вид, что не понимаю, куда она клонит.

– А как же тот парень, с которым ты говорила утром? – с улыбкой спрашивает она.

– Мама, перестань! – отмахиваюсь я с совершенно равнодушным видом. – Думаю, ты не станешь со мной спорить: особи мужского пола и правда обитают не только в Техасе! – пытаюсь отшутиться я, доставая из холодильника лимонад.

– Что такое «обитают»? – спрашивает Кел.

– Обитают, – поправляю его я. – «Обитать» значит «присутствовать, занимать территорию, иметь ареал, быть распространенным, населять» – в общем, «жить», – тарабаню я, думая о том, что, судя по всему, подготовительные курсы все-таки окупались.

– А, понятно! Значит, мы убитаем в Ипсиланти?

– Обитаем, – терпеливо поправляю его я, доедаю свой кусочек пиццы и допиваю лимонад. – Все, ребята, я совсем никакая, пойду спать.

– Значит, ты пойдешь обитать к себе в комнату? – не унимается Кел.

– А ты схватываешь на лету, кузнечик. – Я целую его в макушку и удаляюсь к себе.

Как приятно наконец-то забраться под одеяло! В свою родную кровать! А что еще у меня осталось? Закрыв глаза, я пытаюсь представить, что нахожусь в старой спальне. В моей старой спальне, где так тепло и уютно... Простыни и подушка просто ледяные, поэтому я накрываюсь одеялом с головой, чтобы надышать, и напоминаю себе: с утра первым делом надо отрегулировать термостат.

* * *

Именно этим я и собираюсь заняться, едва встав с постели и коснувшись ногами ледяного пола. Быстро нашарив в шкафу первый подвернувшийся под руку свитер, я натягиваю его прямо на пижаму и срочно ищу носки, но без особого успеха. Тихонько семеня на цыпочках по коридору, я стараюсь никого не разбудить, но при этом свести к минимуму площадь соприкосновения ног с холодным твердым паркетом. У входа в комнату Кела стоят его тапочки с Дартом Вейдером^[2]. Я быстро влезаю в них и вздыхаю с облегчением.

Ищу на кухне кофейник, но он как сквозь землю провалился! И тут я вспоминаю, что он в одной из коробок в джипе. Плохая новость, поскольку джип припаркован на улице, а там до неприличия холодно.

Куртку найти тоже не удастся – в Техасе в сентябре в куртках не ходят. Схватив ключи, я решаю совершить безумную вылазку к джипу, открываю дверь и обнаруживаю, что весь двор засыпан каким-то подозрительным белым веществом – до меня даже не сразу доходит, что это такое! Снег?! В сентябре?! Я наклоняюсь, пробую вещество на ощупь и прихожу к выводу, что у нас в Техасе снег мало того что идет редко, так он еще и совсем другой! В Техасе снег больше напоминает крошечные крупинки твердого льда и похож на град, а в Мичигане снег настоящий! Именно так я себе его и представляла: мягкие *холодные* хлопья! Я быстро отряхиваю руки, вытираю их о свитер и бегу к джипу.

Однако далеко убежать мне не удастся: стоит тапочкам Дарта Вейдера ступить за порог, на припорошенный снегом бетон, как джип исчезает из моего поля зрения. Я падаю на спину и созерцаю ясное голубое небо. Правое плечо сразу же пронзает острая боль, я понимаю, что ударилась обо что-то твердое, и извлекаю из-под себя гипсового садового гнома. Половина красного колпачка отвалилась и разбилась вдребезги. Он глупо улыбается, насмехаясь над моими страданиями. Со стоном я поднимаю гнома здоровой рукой и уже собираюсь расколотить его окончательно, но

тут раздается чей-то голос:

– Плохая идея!

Это Уилл – я сразу узнала! Мягкий и успокаивающий, но в то же время строгий голос – совсем как у моего папы. Я приподнимаюсь и вижу, как он идет ко мне по дорожке.

– Ты в порядке? – едва сдерживая смех, спрашивает он.

– Буду в порядке, когда расколочу эту хрень! – отвечаю я, пытаюсь встать, но без особого успеха.

– Лучше не стоит, гномы приносят удачу! – Он помогает мне встать, забирает у меня гнома и аккуратно ставит его на заснеженную траву.

– Ага, – отзываюсь я, дотрагиваясь до больного плеча – на рукаве толстовки расплывается яркое красное пятно. – Удачу, как же!

– О господи, прости пожалуйста! – Уилл перестает смеяться и с ужасом смотрит на мое плечо. – Прости, я бы не стал шутить, если бы заметил, что ты сильно ударилась. Надо наложить повязку. – Он наклоняется, берет меня за здоровую руку и поднимает на ноги.

– Ну сейчас мне вряд ли удастся откопать дома пластырь, – отвечаю я, вспоминая о груде коробок, которые мы так и не успели разобрать.

– Пойдем, у нас на кухне точно есть!

Он снимает куртку и накидывает ее мне на плечи, ласково придерживая меня под локоть, пока мы переходим улицу. Мне немного смешно, что он так со мной обращается: я вполне могу идти сама, однако не протестую, и на данный момент все феминистки и иже с ними кажутся мне крайне странными барышнями. До чего я докатилась! Девица попала в беду и ждет, пока прекрасный принц спасет ее!

Я снимаю и кладу на спинку дивана куртку, а потом иду следом за Уиллом на кухню. Еще не рассвело, поэтому в доме, наверное, еще все спят. Их дом гораздо просторнее нашего: коридор и холл примерно такого же размера, но гостиная на несколько метров больше. А еще есть большой застекленный эркер с видом на задний двор. У окна стоит диванчик с большими уютными подушками.

На стене рядом с кухней висят несколько семейных фотографий. В основном Уилла и его младшего брата, но на некоторых есть и родители. Я подхожу поближе, чтобы рассмотреть их, пока Уилл ищет бинт. Видимо, оба сына пошли в папу. На самой свежей фотографии, которой тоже уже несколько лет, отец обнимает сыновей за плечи, – похоже, фотограф застал их врасплох. В черных как смоль волосах мужчины пробивается седина, он широко улыбается из-под густых черных усов и очень похож на Уилла: та же белозубая улыбка, в глазах пляшут радостные искорки.

Судя по фотографиям, мама Уилла – просто красавица: высокая блондинка с длинными волосами. Мальчишки, кажется, не очень на нее похожи. Хотя, возможно, Уилл унаследовал ее характер. Фотографии на стене в очередной раз доказывают мне, что, в отличие от нашего, это настоящий дом.

Я прохожу на кухню и усаживаюсь за барную стойку.

– Рану сначала надо обработать, а потом уже наклеить пластырь, – говорит Уилл, закатывая рукава и открывая кран.

На нем бледно-желтая рубашка с воротничком, в ярком освещении ткань слегка просвечивает и под ней виднеется майка. У него широкие плечи, рукава туго обтягивают бицепсы. Макушкой Уилл то и дело задевает висящий над ним шкафчик. Быстро прикинув, что кухни у нас почти идентичные, я делаю вывод, что он сантиметров на двенадцать выше меня. Пока я изучаю узор на черном галстуке, который Уилл перекинул через плечо, чтобы не намочить, он выключает воду и подходит к стойке. Смущенная своим излишним вниманием к его телу, я чувствую, как лицо заливают предательский румянец, и поспешно выхватываю из его рук мокрую салфетку.

– Все в порядке, – говорю я, спуская рукав с плеча, – я сама.

Он открывает пластырь, пока я вытираю кровь, и спрашивает:

– И что же ты делала на улице в семь утра в одной пижаме? Вы еще не все разобрали?

– Кофе искала, – качаю головой я и кидаю салфетку в корзину для мусора.

– Ясно. В общем, ты, похоже, не жаворонок. – И это не вопрос – слова его звучат, скорее, утвердительно.

Он подходит ближе, чтобы заклеить ссадину пластырем, я чувствую его дыхание на своей шее и потираю руки, чтобы он не заметил мгновенно покрывшие кожу мурашки. Прилепив пластырь, он аккуратно разглаживает его и довольно заявляет:

– Ну вот! Совсем как новенькая!

– Спасибо! Я, кстати, жаворонок. Но только после того, как попью кофе. – Я встаю, глядя куда-то через плечо, делая вид, что проверяю, хорошо ли держится пластырь, а сама в панике думаю, что же делать дальше.

«Спасибо» я уже сказала. Можно просто развернуться и уйти, но это как-то невежливо, после того как он потратил на меня столько времени. А если буду просто стоять и ждать, пока он что-нибудь произнесет, то рискую выглядеть дурой, которая не понимает, что пора уходить. И

почему, когда он рядом, я начинаю задумываться, прежде чем сделать какие-то элементарные вещи? Он же просто еще один «обитатель», вот и все.

Обернувшись, я обнаруживаю, что Уилл стоит у стойки и наливает кофе. Он подходит и ставит передо мной чашку:

– Сахар, сливки?

– Нет, спасибо, – смущенно отвечаю я.

Пока я пью кофе, он облокачивается о стойку и разглядывает меня темно-зелеными глазами – совсем как у его мамы на фотографии. Значит, в чем-то он все-таки на нее похож. Уилл улыбается, отводит взгляд и смотрит на часы.

– Мне пора на работу, брат ждет в машине. Пойдем, провожу тебя домой. Чашку можешь взять с собой.

Прежде чем сделать очередной глоток, я замечаю, что на чашке большими буквами с завитушками написано: «Лучшему папе на свете». Мой папа пил кофе из точно такой же чашки!

– Спасибо, я сама дойду, – отказываюсь я, направляясь к выходу, – я вроде как освоила прямохождение.

Уилл выходит вместе со мной на крыльцо, захлопывает за собой дверь и уговаривает меня взять его куртку. Я накидываю ее на плечи, еще раз благодарю его и иду через дорогу. Уже у самой двери я вдруг слышу за спиной его голос:

– Лейкен! Да пребудет с тобой великая сила!

Я оборачиваюсь и вижу, что он все еще стоит на дороге.

– Да пребудет с тобой великая сила! – повторяет он и со смехом запрыгивает в машину.

А я продолжаю молча стоять, уставившись на свои тапочки с Дартом Вейдером... Классика жанра!

* * *

Кофе сделал свое дело: я нашла термостат, и к обеду дом наконец стал прогреваться. Мама с Келом ушли в обслуживающую компанию, чтобы оформить все на мамино имя, а я осталась разбирать последние коробки (если не считать тех, что мы еще не принесли из джипа). Я распаковываю часть вещей, а потом решаю, что пора принять душ, а то я уже дня три экономлю воду, как фанатичная сторонница партии зеленых.

Выйдя из душа и завернувшись в полотенце, я наклоняю голову вперед, расчесываю и сушу волосы. Потом направляю фен на запотевшее зеркало и высушиваю небольшой кружок, чтобы накраситься. Загар постепенно

начинает сходить. Похоже, здесь нам придется загорать нечасто, так что можно привыкать к более бледной коже.

Зачесав волосы назад, я собираю их в хвост, чуть трогаю губы блеском и накладываю немного туши на ресницы. Румяна отодвигаю в сторону. Здесь они мне вряд ли понадобятся: румянец и без того не сходит со щек – то от холодного ветра, то от смущения, когда разговариваю с Уиллом...

Пока я была в душе, мама и Кел уже вернулись и снова ушли. Она оставила мне записку, что они с Келом и ее подругой Брендой поедут в город возвращать фургон. На стойке лежат три купюры по двадцать долларов, ключи от машины и список продуктов. Я кладу все в карман и иду к джипу. На этот раз мне удастся добраться без приключений.

Включая заднюю передачу, я вдруг осознаю, что понятия не имею, куда ехать. Об этом городе я не знаю ровным счетом ничего. Не знаю даже, куда свернуть в конце нашей улицы, налево или направо. Младший брат Уилла играет во дворе перед домом, поэтому я подъезжаю к забору, опускаю пассажирское окно и подзываю его:

– Эй, можно тебя на секундочку?

Он неуверенно смотрит на меня, но не двигается с места: наверное, боится, что я снова превращусь в зомби. Потом все-таки подходит к машине, но останавливается метрах в трех.

– Как доехать до ближайшего продуктового магазина? – спрашиваю я.

– Ты серьезно?! Мне же девять лет! – закатывает он глаза.

«Ясно, – думаю я, – значит, они с братом похожи только внешне», – но вслух говорю:

– Ну все равно спасибо. Тебя как зовут-то?

– Дарт Вейдер! – с ехидной улыбочкой выпаливает он, смеется и убегает.

Дарт Вейдер?! До меня постепенно доходит, что он намекает на тапочки, в которых я красовалась сегодня утром. Но это совершенно не важно. Важно, что Уилл наверняка говорил с ним обо мне. Я невольно начинаю представлять себе, о чем они говорили, что думает обо мне Уилл... Если он вообще что-то думает. Не знаю почему, но я-то думаю о нем куда больше, чем хотелось бы: гадаю, сколько ему лет, на какой программе он учится, есть ли у него, не дай бог, девушка...

К счастью, у меня в Техасе никаких бойфрендов не осталось. Последний год я ни с кем не встречалась. Учеба, работа, Кел, которого надо было возить на тренировки, – тут не до парней. Теперь, вероятно, придется превратиться из человека, у которого нет ни минуты свободного времени, в человека, которому совершенно нечем заняться.

Я лезу в бардачок в поисках навигатора и тут слышу голос Уилла:

– Плохая идея!

Он подходит к машине, я изо всех сил пытаюсь сдержать улыбку, которая все равно расплывается на лице, и подключаю навигатор:

– Почему плохая?

– Сейчас много где ведутся дорожные работы, – объясняет Уилл, скрестив руки на груди и заглядывая в окно. – С этой штукой наверняка заблудишься.

Пока я лихорадочно соображаю, что ответить, к дому подъезжают Бренда и мама. Бренда опускает водительское окно, и мама, потянувшись к нему со своего места, кричит:

– Не забудь купить стиральный порошок! Не помню, включила ли я его в список! И сироп от кашля. Я, кажется, заболеваю!

Кел выпрыгивает из машины, подбегает к брату Уилла и зовет его к нам, посмотреть, как мы живем.

– Можно мне пойти? – спрашивает тот у Уилла.

– Конечно иди, Колдер, – разрешает Уилл, открывая дверь с пассажирской стороны. – Я съезжу с Лейкен в магазин и скоро вернусь.

«Съезжу с Лейкен в магазин?!» А спросить слабо?! Я возмущенно смотрю на него, но он уже пристегивается.

– Я плохо умею объяснять. Ты не против, если я просто съезжу с тобой?

– Да нет, не против, – смеюсь в ответ я.

Я оглядываюсь на Бренду и маму, но они уже заехали во двор. Я трогаюсь с места и, следуя указаниям Уилла, выезжаю на шоссе.

– Значит, твоего братишку зовут Колдер? – говорю я, пытаюсь хоть как-то поддержать разговор.

– Единственный и неповторимый. Родители много лет пытались завести второго ребенка, и наконец появился Колдер. К тому времени имена типа Уилл давно вышли из моды.

– А мне нравится твое имя! – вылетает у меня изо рта, и я тут же жалею о сказанном: еще подумает, что я с ним кокетничаю!

Он смеется. Мне нравится его смех. Нравится! И это меня бесит!

Я вздрагиваю от неожиданности, когда он убирает волосы с моего плеча и дотрагивается до шеи. Его пальцы забираются под воротник и ощупывают мое плечо.

– Надо будет поменять пластырь, – замечает он, поправляя на мне рубашку и поглаживая плечо.

– Напомни купить его в магазине, – говорю я, чувствуя, как по шее прокатывается горячая волна, но изо всех сил пытаюсь сохранять

самообладание.

– Итак, Лейкен... – начинает он и на секунду замолкает, глядя через плечо на коробки, громоздящиеся на заднем сиденье. – Расскажи о себе.

– О нет. Все так банально!

– Ладно, – улыбается он. – Придется самому выяснять, что ты за человек!

Он наклоняется и нажимает на магнитоле кнопку «Извлечь диск». Движения такие плавные, как будто он тренировался годами. Завидую. Сама я никогда не отличалась особой грациозностью.

– Знаешь, о человеке многое можно сказать по тому, что за музыку он слушает, – продолжает он, доставая диск, и удивленно смеется. – «Всякая фигня Лейкен»? В смысле? Твоя фигня или фигня в твоём стиле?

– Просто я не люблю, когда Кел без спроса берет мою фигню. Понятно? – Я забираю у него диск и вставляю обратно в магнитолау.

Из колонок на полной громкости доносятся звуки банджо, и мне сразу становится неловко. Я, конечно, из Техаса, но не хочу, чтобы Уилл решил, что я люблю кантри! Вот уж по чему я точно не буду скучать, уехав из Техаса, так это по музыке в стиле кантри! Я убавляю громкость, но он хватается меня за руку.

– Не надо! Я знаю эту песню! – протестует он.

Я поворачиваю ручку громкости обратно. Да быть такого не может! Врет наверняка! Фу, какой дурацкий способ заигрывать с девушкой!

– Да что ты?! – не сдаюсь я. – И что же это за группа?

– Это «Братья Эйвитт»^[3], – отвечает он, – песня у меня проходит под названием «Габриэла», но она вроде из альбома «Песенки милашки». Тут еще такая классная кода, когда электрогитары вступают!

– Тебе нравятся «Братья Эйвитт»? – недоверчиво переспрашиваю я, убедившись в том, что он и правда знает, о ком речь.

– Нравятся? Да я их обожаю! В прошлом году они выступали в Детройте. Лучший концерт из всех, на которых мне довелось побывать!

Адреналин ударяет мне в голову, рука нерешительно застывает на регуляторе громкости, и я не могу отвести взгляд от его ладони, по-прежнему сжимающей мои пальцы. Мне приятно. Приятно! И это меня бесит! Мне, конечно, не впервой влюбиться в парня, но такой реакции на самые банальные вещи еще никогда не бывало!

Он видит, что я смотрю на наши руки, убирает ладонь и машинально потирает ее о штанину немного нервным жестом. Неужели тоже стесняется?

Музыку, которую я слушаю, мейнстримом не назовешь. Редко

встречаются люди, которые хотя бы слышали названия моих любимых групп. Однако «Братья Эйвитт» – мои самые-самые любимые!

Мы с папой часто засиживались допоздна и вместе пели, а он пытался подобрать аккорды на гитаре. Однажды он сказал об этой группе так: «Знаешь, Лейк, группу можно назвать талантливой, если ее музыка совершенна в своем несовершенстве».

Что конкретно папа имел в виду, я поняла, только когда начала слушать их песни по-настоящему: сбивчивые переборы банджо, страстные, но дисгармоничные ноты, вокал, переходящий из мягкого тона в рычание, а потом срывающийся на крик, – и все это в пределах одного куплета! Вот что составляет суть и характер их музыки, делая ее настоящей.

После смерти отца мама раньше времени вручила мне подарок, который он приготовил на мое восемнадцатилетие: два билета на концерт «Братьев Эйвитт». Мысль о том, как он, наверное, мечтал о моменте, когда сможет отдать их мне, заставила меня расплакаться. Я понимала, что должна пойти на концерт, что папе это понравилось бы, но не смогла. Выступление группы должно было состояться всего через несколько недель после его смерти, и я все равно не смогла бы получить удовольствие... По крайней мере, не такое, как если бы мы пошли туда вместе.

– Я тоже их обожаю, – неуверенно произношу я.

– А на концерте была? – спрашивает Уилл.

Сама не знаю зачем, но постепенно я рассказываю ему о папе. Уилл внимательно слушает и перебивает, только чтобы подсказать мне, когда и куда поворачивать. Я рассказываю ему о нашей с папой страсти к музыке. Рассказываю о том, что папа умер от сердечного приступа – совершенно неожиданно. Рассказываю о подарке, который предназначался мне на день рождения, о концерте, на который мы так и не сходили. Не знаю, что со мной, но я просто не могу сдержаться. Обычно я не делюсь сокровенным со всеми подряд, тем более с малознакомыми людьми. Тем более с малознакомыми парнями. Я продолжаю рассказывать и вдруг обнаруживаю, что мы уже приехали и даже припарковались перед продуктовым магазином.

– Ничего себе, – удивляюсь я, взглянув на часы. – А поближе магазина тут нет? Мы же целых двадцать минут ехали.

– Ну, просто мы ехали не самым коротким путем, – подмигивает Уилл и выходит из машины.

Он явно со мной заигрывает! А мне это явно нравится!

Снежные хлопья постепенно превращаются в дождь. Уилл берет меня

за руку, и мы со всех ног бежим через парковку.

– Бежим! – подгоняет меня он, а потом ловит за руку и тащит к входной двери.

Задыхаясь и смеясь, мы влетаем в магазин, стряхивая капли дождя с одежды. Я снимаю куртку и трясую ее и вдруг чувствую, как рука Уилла легко скользит по моей щеке, убирая прилипшую мокрую прядь волос. Рука холодная. Но как только его пальцы касаются моей кожи, щеки начинают гореть – какой уж тут холод! Он перестает улыбаться, и мы долго смотрим друг другу в глаза. Я все еще никак не могу привыкнуть к тому, что со мной происходит в его присутствии: едва осязаемое касание и простейшие жесты сводят меня с ума.

Я откашливаюсь, отвожу взгляд, хватаю первую попавшуюся тележку и вручаю Уиллу список.

– А у вас тут всегда в сентябре снег идет? – спрашиваю я, пытаюсь сделать вид, что его прикосновение меня совершенно не взволновало.

– Да нет, это всего на несколько дней, ну, может, на недельку. Обычно снег выпадает не раньше конца октября. Это вам так повезло.

– Повезло?!

– Да. Пришел холодный фронт. Такое случается редко. Так что вы как раз вовремя приехали.

– Хм... здешние, наверное, снег терпеть не могут? Еще бы, если он идет боольшую часть года...

– «Здешние»? – со смехом переспрашивает Уилл.

– А что?!

– Ничего-ничего, – улыбается он. – Просто я впервые слышу, чтобы кто-то называл местных «здешние». Зато так мило! Настоящий южный диалект!

– Ах, простите! Отныне буду говорить, как все янки, и тратить свое драгоценное время и дыхание на то, чтобы сказать: «Все живущие здесь люди»!

– О нет, пожалуйста, не надо! Мне нравятся твои словечки – они просто великолепны! – смеется он, толкая меня плечом.

Уму непостижимо! Неужели я превращаюсь в девчонку, которая готова пищать от восторга при виде любого парня?! Фу, какая гадость! Я пристально разглядываю его, пытаюсь найти хоть какой-то изъян, и не нахожу: он само совершенство!

Мы покупаем все по списку и подходим к кассе. Уилл не разрешает мне ставить продукты на ленту, поэтому я просто стою рядом и смотрю, как он разгружает тележку. Под конец он кладет на ленту упаковку пластыря.

Надо же, а я даже не заметила, когда он успел его взять!

Мы отъезжаем от магазина, и Уилл велит мне повернуть в сторону, противоположную той, откуда мы приехали. Мы проезжаем два квартала, поворачиваем налево – и вдруг оказываемся на нашей улице! Дорога туда заняла у нас двадцать минут, а обратная – максимум минутой!

– Как мило, – ехидно замечаю я, паркуясь перед домом.

Я прекрасно понимаю, что он сделал это специально и флиртует со мной совершенно в открытую.

Уилл уже стоит у багажника, поэтому я нажимаю кнопку, и дверца медленно поднимается. Я выхожу из машины, ожидая увидеть его с кучей пакетов в руках, но он просто стоит у открытого багажника и смотрит на меня. Пытаясь изобразить из себя знойную южную красотку, я кладу руку на грудь и произношу:

– О боже правый! Без вас я в жизни не нашла бы этот магазин! Сударь, благодарю за вашу радушную помощь!

Вообще-то, я ожидала, что он засмеется, а он молчит и не сводит с меня глаз.

– Что такое? – нервно спрашиваю я.

Уилл делает шаг вперед и ласково берет меня за подбородок. Я в полном шоке от собственной реакции, от того, что я ему позволяю. Он внимательно смотрит на меня, и мне кажется, что сердце сейчас выпрыгнет из груди. По-моему, он меня сейчас поцелует!

Я стараюсь дышать ровно и не отвожу взгляда. Он подходит ко мне вплотную, убирает руку с подбородка, осторожно кладет ее мне на затылок, чуть наклоняет мою голову к себе и нежно целует в лоб. Поцелуй длится несколько секунд, потом он отпускает меня и делает шаг назад.

– Ты такая милая, – произносит он, потом одним ловким движением вытаскивает из багажника все четыре пакета, подходит к крыльцу и ставит пакеты перед дверью.

В оцепенении я пытаюсь переварить то, что случилось за последние пятнадцать секунд моей жизни. Как так вышло?! Почему я позволяю ему так себя вести? Несмотря на все мое возмущение, я вдруг с ужасом понимаю, что он первый, кто поцеловал меня с такой страстью! Причем в лоб. С ума сойти!

* * *

Уилл достает из багажника оставшиеся пакеты, и тут из дома выбегают Кел и Колдер, а следом выходит моя мама. Мальчики пулей проносятся мимо нас на другую сторону улицы – Колдеру нужно срочно показать Келу

свою комнату. Уилл вежливо здоровается с моей мамой и жмет ей руку:

– Вы, наверное, мама Кела и Лейкен? Меня зовут Уилл Купер, мы живем через дорогу от вас.

– Джулия Коэн, – представляется мама. – А ты старший брат Колдера?

– Да, мэ. У нас разница двенадцать лет.

– Значит, тебе... двадцать один, да? – спрашивает мама, украдкой подмигивая мне.

Я стою у Уилла за спиной, поэтому безнаказанно отвечаю ей весьма красноречивым взглядом.

Она улыбается и снова обращается к Уиллу:

– Что ж, я рада, что у Кела и Лейк так быстро появились новые друзья.

– Я тоже, – отвечает он.

Мама поворачивается и идет к дому, но, проходя мимо, слегка задевает меня плечом. Она не говорит ни слова, но я прекрасно понимаю намек: кандидат прошел первую проверку.

– Лейк? Прикольно, – замечает Уилл, доставая из машины последние два пакета, и захлопывает багажник. – Итак... Лейк. Мы с Колдером в пятницу уезжаем в Детройт, – сообщает он, прислонившись к машине и скрестив руки на груди. – Дела семейные, вернемся в воскресенье вечером. Я вот тут подумал... Ты не занята завтра вечером? До моего отъезда?

Первый раз в жизни кто-то, кроме мамы и папы, назвал меня Лейк! И мне это нравится! Я прислоняюсь плечом к машине и смотрю Уиллу в глаза, стараясь казаться невозмутимой, хотя на самом деле готова прыгать от радости.

– Значит, ты все-таки хочешь заставить меня признаться в том, что я совершенно свободна и делать мне здесь нечего? – спрашиваю я.

– Отлично! В таком случае приглашаю тебя на свидание! Зайду за тобой в половине восьмого.

Уилл быстро разворачивается и идет к своему дому, а я стою и думаю о том, что, вообще-то, он даже не поинтересовался, согласна ли я, а я не дала своего согласия.

Глава 2

*It won't take long for me
To tell you who I am.
Well you hear this voice right now
Well that's pretty much all I am.*

«The Avett Brothers». Gimmeakiss^[4]

На следующий день я пытаюсь решить, что надеть, но не могу найти ничего чистого и соответствующего погоде. У меня не так много теплых вещей, кроме тех, которые я уже надевала на этой неделе. В конце концов я останавливаюсь на фиолетовом свитере, принимаюсь, пытаюсь понять, чистый он или нет, и на всякий случай сбрызгиваю его духами. Иду в ванную, чищу зубы, подправляю макияж и чищу зубы еще раз, а потом распускаю волосы. Едва я успеваю накрутить пару-тройку локонов и достать из ящичка серебряные сережки, как раздается стук в дверь.

Входит мама со стопкой полотенец в руках и убирает их в шкафчик рядом с душем.

– Куда-то собираешься? – спрашивает она, присаживаясь на край ванны, пока я продолжаю собираться.

– Ну да, собираюсь, – едва сдерживая улыбку, отвечаю я и надеваю сережки. Если честно, я сама не очень понимаю, что происходит, ведь я же не соглашалась пойти с ним на свидание!

Мама встает, подходит к двери, облокачивается о косяк и смотрит на мое отражение в зеркале. Всего за несколько месяцев, прошедших после смерти папы, она очень постарела. Раньше при виде ее сияющих изумрудных глаз и восхитительной фарфоровой кожи захватывало дух. А теперь скулы выпирают над впалыми щеками, под глазами залегли тени. Она выглядит усталой... И печальной.

– Что ж, тебе уже восемнадцать... Я уже успела надавать тебе чересчур много советов по поводу того, как вести себя на свиданиях, – на всю жизнь хватит. Но на всякий случай давай повторим главное: не заказывай ничего с луком или чесноком, всегда следи за своим бокалом и обязательно предохраняйся...

– Ну мама! – Я демонстративно закатываю глаза. – Ты же знаешь, что я знаю правила, а насчет последнего тебе точно нечего беспокоиться! И

пожалуйста, не вздумай ознакомить со списком правил Уилла, обещаешь?

Мама согласно кивает:

– А теперь... Расскажи о нем. Он работает? Учится? Какая у него специальность? Может, он серийный убийца? – с искренним интересом заканчивает она.

Я иду из ванной в свою комнату и наклоняюсь, чтобы выбрать обувь. Мама идет следом и присаживается на кровать.

– Если честно, мама, я о нем не знаю ровным счетом ничего. Даже понятия не имела, сколько ему лет, пока он тебе не сказал.

– Вот и хорошо.

– Хорошо?! – удивляюсь я. – Разве хорошо ничего не знать о человеке, с которым собираешься провести наедине несколько часов? А вдруг он и правда серийный убийца?! – восклицаю я, садясь на кровать рядом с мамой, чтобы надеть сапоги.

– Зато будет о чем поговорить. А что еще делать на первом свидании?

– Тоже верно, – соглашаюсь я.

В детстве мама всегда давала мне отличные советы. Она всегда знала, что я хочу услышать, но всегда говорила то, что я должна услышать. Папа был ее первым молодым человеком, поэтому мне было ужасно интересно, откуда она столько знает о свиданиях, парнях и отношениях. Она всю жизнь прожила с одним мужчиной, а я всегда думала, что знания в основном получают на практике. Но, видимо, моя мама – исключение.

– Мам? Когда вы с папой познакомились, тебе было всего восемнадцать, – говорю я, надевая сапоги. – Ну, в смысле, в таком юном возрасте встретить человека, с которым потом проведешь всю жизнь... Ты никогда не жалела о своем решении?

Мама отвечает не сразу – ложится на кровать, руки под голову, и задумывается:

– Жалела? Нет, никогда. Сомневалась? Разумеется. Но никогда не жалела.

– А есть разница?

– Да, и немалая. Сожаление – штука бесполезная. Мы просто оглядываемся назад и вспоминаем то, что уже не в силах изменить. А вот когда мы сомневаемся в чем-то, это дает нам шанс в будущем не сожалеть о принятых решениях. Я часто сомневалась в наших с твоим отцом отношениях. Люди постоянно принимают спонтанные решения под горячую руку. Отношения – это не только любовь, а нечто намного-намного большее...

– Поэтому ты всегда говоришь мне, чтобы я думала головой, а не

сердцем?

– Знаешь что, Лейк... – Мама резко садится на кровати и берет мои руки в свои. – Хочешь я дам тебе настоящий совет, а не список запрещенных к употреблению на свидании продуктов?

Неужели она что-то скрывала от меня?

– Конечно хочу!

Мама садится по-турецки, поворачивается ко мне, смотрит на меня как-то по-новому: не как мать на дочь, а скорее как женщина на равную ей женщину.

– Прежде чем вступать в серьезные отношения с мужчиной, каждая женщина должна ответить «да» на три вопроса. – Голос ее утратил назидательные нотки. – Если хотя бы на один из них ты отвечаешь «нет», беги от него со всех ног!

– Мам, да это же просто свидание! Вряд ли меня ждут какие-то серьезные отношения, – со смехом протестую я.

– Знаю, Лейк. Но вообще-то, я серьезно. Если ты не можешь утвердительно ответить на эти три вопроса, нечего даже время тратить на такие отношения.

Стоит мне открыть рот, и тут же становится ясно, что я еще ребенок, поэтому я решаю больше не перебивать маму.

– Всегда ли он относится к тебе с уважением? Это первый вопрос. Вопрос номер два: если через двадцать лет он останется таким же, как сейчас, ты все равно захочешь выйти за него замуж? И наконец: хочется ли тебе стать лучше ради него? Если найдешь человека, в отношении которого сможешь ответить «да» на все три вопроса, значит тебе повезло: он именно тот, кто тебе нужен.

Я глубоко вздыхаю, пытаюсь осознать очередной, еще более мудрый, чем обычно, совет.

– Ого... непростые вопросы, – наконец произношу я. – А ты могла ответить «да» на все три, когда вы с папой были вместе?

– Без сомнения, – уверенно отвечает она. – Я отвечала «да» каждую секунду нашей совместной жизни.

В ее взгляде сквозит печаль. Она любила папу. Я уже жалею, что заговорила о нем, поэтому просто обнимаю ее, вдруг понимая, что не делала этого очень давно, и ощущаю острый укол совести. Мама целует меня в макушку и отстраняется с улыбкой.

Я встаю с кровати и одергиваю свитер:

– Ну, как я выгляжу?

– Совсем взрослая, – вздыхает мама.

Ровно в семь тридцать я иду в гостиную, беру куртку, как накануне строго-настрого наказал мне Уилл, и подхожу к окну. Он как раз вышел из дома, поэтому я тоже одеваюсь и выхожу на крыльцо. Открыв дверцу машины, он оглядывается, замечает меня и кричит через улицу:

– Ты готова?

– Да!

– Тогда поехали!

Я не двигаюсь с места. Стою как вкопанная, скрестив руки на груди.

– Это еще что значит?! – смеется он и поднимает руки, словно сдаваясь.

– Ты сказал, что зайдешь за мной в семь тридцать! Вот я и жду, пока ты за мной зайдешь!

Уилл с усмешкой садится в машину, сдает назад и въезжает в наш двор так, что пассажирская дверь оказывается прямо передо мной. Поспешно выскочив из машины, он обегает ее и распахивает передо мной дверцу. Прежде чем сесть, я украдкой бросаю на него взгляд: на нем широкие джинсы и черная рубашка с длинными рукавами, плотно обтягивающими бицепсы. И тут я вдруг вспоминаю, что надо отдать ему куртку.

– О, спасибо, – с улыбкой благодарит он, засовывая руки в рукава: она даже пахнет мной.

Уилл ждет, пока я пристегнусь, закрывает дверь и идет на свое место. В машине пахнет... сыром! Но не старым и затхлым, а свежим! Кажется, чеддером. У меня урчит в животе от голода. Интересно, где мы будем ужинать?

– Времени заезжать куда-нибудь поесть нет, поэтому я приготовил нам горячие сэндвичи с сыром, – объясняет Уилл, садясь в машину и доставая с заднего сиденья пакет, он протягивает мне сэндвич и бутылку лимонада.

– О, отлично! – радуюсь я и открываю лимонад. – А куда мы так торопимся? Судя по всему, не в ресторан.

– Сюрприз, – отвечает он, разворачивая свой сэндвич, и продолжает с набитым ртом, держа руль свободной рукой: – Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты обо мне, поэтому сегодня решил дать тебе возможность восполнить пробел.

– Что ж, я заинтригована, – честно отзываюсь я.

Мы доедаем сэндвичи, я убираю мусор в пакет и бросаю его на заднее сиденье. На какое-то время повисает неловкое молчание. Я лихорадочно пытаюсь придумать, о чем бы поговорить, чтобы его нарушить, и в конце концов решаю расспросить Уилла о его семье.

– А кто твои родители? Какие они?

Он делает глубокий вдох, медленно выдыхает, как будто мой вопрос

показался ему неуместным, а потом подмигивает мне и усаживается поудобнее.

– Я не очень-то разговорчив, Лейк. Давай я расскажу тебе попозже, а пока придумаем что-нибудь поинтереснее.

Сосредоточиться на дороге, не разговаривать, придумать что-нибудь поинтереснее... Я мысленно прокручиваю все это в голове и надеюсь, что мои подозрения окажутся безосновательными. Уилл видит мою растерянность и понимает, о чем я думаю.

– Лейк, да нет же! – со смехом говорит он. – Я просто имел в виду, что лучше нам поговорить не о том, о чем принято говорить на первом свидании.

– Согласна. – Я облегченно вздыхаю. Зря я подумала о нем плохо.

– Я знаю одну классную игру, называется «Ты бы предпочел...». Знаешь правила?

– Нет, но я бы предпочла, чтобы ты начал.

– Ладно, – соглашается он, откашливается и, немного помедлив, повторяет: – Ладно. Ну, например, ты предпочла бы провести остаток жизни без рук или с руками, которые тебе не подчиняются?

Какого черта?! Скажу честно, это свидание начинается совсем не так, как все, на которых я бывала до этого! Хотя, с другой стороны, неожиданности – это приятно.

– Ну-у-у... думаю, что я бы предпочла провести остаток жизни с руками, которые мне не подчиняются...

– Неужели? Серьезно?! Но ты же не сможешь их контролировать! – Уилл энергично взмахивает руками. – Они делают, что им вздумается, и, скажем, все время лупят тебя по лицу. Или, того хуже, хватают нож и втыкают его в тебя же.

– А что, в этой игре есть правильные и неправильные ответы?! – смеюсь я.

– Первое очко продула, – поддразнивает Уилл. – Теперь твоя очередь.

– Ладно, дай подумать...

– Надо сразу говорить.

– Господи, Уилл! Да я же узнала о существовании этой игры тридцать секунд назад! погоди, сейчас придумаю...

– Да я шучу, – успокаивает он, слегка сжимая мою руку, а потом подсовывает свою ладонь под мою, и наши пальцы переплетаются.

Все происходит так легко и непринужденно, как будто мы держимся за руки уже не первый год. Пока что на этом свидании все вообще легко и непринужденно. Мне нравится его чувство юмора. Нравится, что мы много

смеемся, – я не веселилась так уже несколько месяцев. Нравится, что мы держимся за руки. Очень нравится!

– Ну вот, придумала! Ты предпочел бы пигсать на себя один раз в день в непредсказуемый момент? Или пигсать на кого-нибудь другого?

– Ну, смотря на кого... А можно пигсать на людей, которые мне не нравятся? Или это тоже непредсказуемо?

– Непредсказуемо.

– Тогда на себя, – уверенно отвечает он. – Моя очередь. Ты предпочла бы быть ростом метр двадцать или два десять?

– Два десять.

– А почему?

– Спрашивать «почему?» – не по правилам! Ладно, давай дальше: ты предпочел бы каждый день выпивать пять литров свиного жира на завтрак или съесть два с половиной кило попкорна на ужин?

– Два с половиной кило попкорна.

Мне нравится эта игра! Нравится, что он не пытается произвести на меня впечатление ужином в дорогом ресторане. Нравится, что я понятия не имею, куда мы едем. Нравится даже то, что он не сказал, как мне идет этот свитер, – с этого обычно начинается любое свидание. Словом, пока что нравится все. Как по мне, если бы мы еще пару часов покатались, играя в эту игру, это все равно было бы самое классное свидание из всех, на которые я ходила.

Но нет, вскоре мы останавливаемся перед каким-то зданием, и я тут же напрягаюсь, увидев вывеску: «Клуб „ДЕВЯТЬ“».

– Ммм... Я не танцую, – дрожащим голосом признаюсь я, надеясь, что он проявит ко мне сочувствие.

– Ммм... я тоже.

Мы выходим из машины. Не знаю, кто из нас первый протягивает руку, но под покровом темноты наши пальцы снова переплетаются. Уилл берет меня за руку и ведет ко входу. Подойдя поближе, я читаю висящее на двери объявление.

Закрито на слэм

по четвергам

с 8:00 – до упора

Вход: Бесплатный

Плата за участие в слэме: \$3

Уилл открывает дверь, не обращая внимания на объявление. Я хочу сказать ему, что клуб закрыт, но, похоже, он знает, что делает. Тишина

сменяется шумом толпы. Мы проходим через холл и оказываемся в зале. Справа от нас пустая сцена, на танцполе расставлены столики и стулья, свободных мест практически нет. За одним из столиков у сцены сидят подростки, лет по четырнадцать. Уилл поворачивает налево, в сторону уютной кабинки в самом конце зала.

– Тут потише, – объясняет он.

– А у вас тут со сколько лет можно ходить по клубам? – спрашиваю я, недоуменно рассматривая компанию детишек, которым здесь явно не место.

– Ну, сегодня это не клуб, – объясняет он, пока мы усаживаемся за столик в полукруглой кабинке, лицом к сцене.

Я двигаюсь к самой середине дивана, чтобы было лучше видно. Уилл пристраивается рядом.

– Сегодня вечером будет слэм. По четвергам клуб закрыт, и сюда приходят те, кто хочет выступить.

– А что такое слэм? – спрашиваю я.

– Слэм – это поэзия, – с улыбкой отвечает он. – Это то, чем я увлекаюсь.

Неужели так бывает? Ужасно симпатичный парень, который умеет меня рассмешить, да еще и любит поэзию?! Ущипните меня, я сплю! Хотя нет, лучше не будите, я не хочу просыпаться!

– Поэзия, значит? А свои стихи читают или чужие?

– Люди поднимаются на сцену... – Уилл смотрит в ту сторону, и глаза его горят. – Словами и движениями они изливают душу. Это потрясающе! Стихи Дикинсон^[5] или Фроста^[6] ты здесь вряд ли услышишь.

– Это что-то вроде конкурса?

– Сложно сказать... В разных клубах по-разному. Обычно во время слэма жюри наугад выбирает нескольких человек из зала, и тот, кто набирает больше всего баллов к концу вечера, выигрывает. По крайней мере, здесь это происходит так.

– А ты участвуешь?

– Иногда. Бывает, сижу в жюри, в другие дни просто смотрю.

– А сегодня ты будешь выступать?

– Не-е-ет, сегодня я просто зритель. У меня пока нет ничего нового.

Я разочарована. Вот бы увидеть его на сцене! Понятия не имею, какие здесь читают стихи, но хотелось бы посмотреть, как Уилл выступает.

– Ну во-о-от, – расстроено вздыхаю я.

Некоторое время мы молча разглядываем толпу зрителей. Уилл пихает меня локтем в бок:

– Хочешь чего-нибудь?

– С удовольствием. Шоколадное молоко, пожалуйста.

– Шоколадное молоко?! Серьезно? – недоверчиво усмехается он.

– Со льдом, – киваю я.

– Что ж, ладно. – Уилл выскользывает из-за стола. – Ваше шоколадное молоко со льдом будет буквально через минуту.

Он уходит, а на сцену тем временем поднимается ведущий и пытается завести публику. Все толпятся у сцены, в нашем конце зала никого не осталось, поэтому я немного стесняюсь, но вместе со всеми громко ору: «Да-а-а!» Но потом втискиваюсь поглубже в диван и решаю, что будет лучше, если этим вечером я просто посмотрю на все со стороны.

Ведущий объявляет, что пора выбирать судей, и толпа взрывается криком: почти все хотят, чтобы выбрали именно их. Вскоре пятеро счастливых оказываются за столом жюри. Уилл подходит к нашей кабинке с напитками в руках, и тут ведущий объявляет, что настало время жертвы, и выбирает еще одного добровольца.

– А что такое время жертвы? – спрашиваю я.

– Время жертвы – пробный шар для жюри, – объясняет Уилл, садясь на свое место, но на этот раз словно бы случайно еще ближе ко мне. – Сейчас кто-нибудь выступит вне конкурса, чтобы судьи имели какую-нибудь точку отсчета для выставления баллов.

– Значит, вызвать могут любого? Даже меня? – вдруг занервничав, спрашиваю я.

– Что ж, лучше иметь что-нибудь наготове для такого случая, – улыбается Уилл.

Он делает глоток из своего бокала, а потом откидывается на спинку диванчика и в темноте на ощупь находит мою руку. На этот раз наши пальцы не переплетаются – он кладет мою руку себе на бедро и начинает поглаживать ладонь, лаская каждый ее миллиметр, нежно дотрагиваясь до каждого пальца. От его прикосновения меня словно бьет разрядами электрического тока.

– Лейк, – тихо говорит он, продолжая легко скользить кончиками пальцев по моей руке, – не знаю почему... но ты мне очень нравишься.

Он берет меня за руку и переключает внимание на сцену. Я делаю глубокий вдох, беру свободной рукой шоколадное молоко и залпом выпиваю весь стакан. Лед со дна приятно холодит губы – немножко остыть мне сейчас не помешает...

На сцену вызывают молодую женщину, на вид лет двадцати пяти. Она подходит к микрофону и сообщает, что выступит со стихотворением под

названием «Голубой свитер». В зале гаснет свет, лишь луч прожектора выхватывает из темноты фигуру выступающей. Она берет микрофон в руки и делает шаг вперед, опустив взгляд в пол. Толпа затихает, в тишине слышно только ее дыхание, многократно усиленное колонками.

Не поднимая глаз, она подносит руку к микрофону и начинает равномерно постукивать по нему, имитируя биение сердца. Я вдруг замечаю, что практически не дышу.

Бум-бум

Бум-бум

Бум-бум

Слышишь?

(Она произносит слово «слышишь» нараспев.)

Это бьется мое сердце.

(Она снова стучит по микрофону.)

Бум-бум

Бум-бум

Бум-бум

Слышишь? Это бьется *твое* сердце.

(Она начинает говорить быстрее и намного громче.)

Это случилось в *первый* день октября. Я надела *голубой* свитер, знаешь, тот, что купила у «Дилларда». Ну тот, с двойной *каймой* по краю и *отверстиями* на *концах рукавов*, чтобы просунуть туда *большие пальцы*, если вдруг замерзну, а надевать *перчатки* не захочется. Тот *самый* свитер, в котором, как ты сказал, мои *глаза* напоминают *звезды*, отражающиеся в *океане*.

Ты сказал, что будешь любить меня *всегда*...

А может, ты этого не говорил.

Никогда.

А потом настал *первый* день *декабря*. Я надела *голубой* свитер, ну знаешь, тот, что купила у «Дилларда». Ну тот, с двойной *каймой* по краю и *отверстиями* на *концах рукавов*, чтобы просунуть туда *большие пальцы*, если вдруг замерзну, а надевать *перчатки* не захочется. Тот *самый* свитер, в котором, как ты сказал, мои *глаза* напоминают *звезды*, отражающиеся в *океане*.

Я сказала, что у меня три недели *задержки*.

Ты *сказал*, что это *судьба*.

Ты сказал, что будешь любить меня *всегда*...

А может, ты этого не говорил.

Никогда.

А потом настал первый день мая. Я надела *голубой* свитер, хотя к *этому* времени двойная *кайма* уже *поистерлась* и каждая нить *проверялась* на *прочность*, туго обтягивая мой *растущий живот*. Ну, *ты* знаешь. Тот, что я купила у «Дилларда». Тот самый, с *отверстиями* на *концах рукавов*, чтобы просунуть туда *большие пальцы*, если я вдруг замерзну, а надевать *перчатки* не захочется. Тот *самый* свитер, в котором, как ты сказал, мои *глаза* напоминают *звезды*, отражающиеся в *океане*.

Тот *САМЫЙ* свитер, который ты *СОРВАЛ* с меня, *толкнув* меня на пол

и назвав *шлюхой*,
сказав,
что больше
не *любишь* меня.

Бум-бум
Бум-бум
Бум-бум
Слышишь? Это бьется мое сердце.

Бум-бум
Бум-бум
Бум-бум

Слышишь? Это бьется *твое* сердце.

(Она долго молчит, прижав руки к животу, по лицу ручьями текут слезы.)

Слышишь? Ну конечно нет. Это молчит мое чрево.
Потому что ты
СОРВАЛ
С МЕНЯ
МОЙ
СВИТЕР!

В зале зажигается свет, зрители одобрительно ревут. С глубоким

вздохом я вытираю слезы. Она очаровала меня своим умением держать большую аудиторию, гипнотизировать ее потрясающей силой слова. Всего лишь слогва! Я тут же ощущаю непреодолимое желание слушать еще. Уилл обнимает меня за плечи и откидывается на спинку дивана, увлекая за собой и тем самым возвращая в реальность. Я не сопротивляюсь.

– Что скажешь? – наконец спрашивает он.

Я смиряюсь с неожиданным объятием и кладу голову на плечо Уиллу, а он легонько касается подбородком моей макушки, и некоторое время мы оба смотрим прямо перед собой.

– Это было просто потрясающе, – шепчу я.

Он дотрагивается до моей щеки, а потом нежно целует в лоб. Закрыв глаза, я думаю о том, каким еще испытаниям подвергнутся мои чувства. Всего три дня назад я была опустошенной, обиженной на весь мир, отчаявшейся. А сегодня впервые за много месяцев проснулась в хорошем настроении. Я кажусь себе уязвимой. Пытаюсь скрыть свои чувства, но кажется, всем окружающим понятно, что у меня на душе... И мне это не нравится. Не люблю быть открытой для всех книгой. Такое ощущение, как будто я стою на сцене и хочу излить ему свою душу, но та от страха уходит в пятки.

Мы сидим в обнимку, боясь пошевелиться, и слушаем еще нескольких выступающих. Они, как и слушатели, очень разные, но все задевают за живое. Уже давно я так не смеялась и не плакала. Этим поэтам удавалось погрузить меня в совершенно иной мир, заставить посмотреть на вещи под совсем другим углом. Я была матерью, потерявшей ребенка, мальчиком, убившим отца, и даже мужчиной, который впервые в жизни накурился и под кайфом съел пять порций бекона. Я чувствую связь с этими людьми и их историями. А еще чувствую, как связь между мной и Уиллом становится все глубже и глубже. Подумать только, неужели ему тоже хватает смелости выходить на сцену и открывать свою душу перед целой толпой?! Я должна это увидеть, должна увидеть, как он выступает!

Ведущий просит пройти на сцену очередного желающего.

Я поворачиваюсь к Уиллу:

– Нет, так нельзя! Как ты можешь привести меня сюда и не выступить?! Ну пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

– Лейк, ты меня убиваешь, – вздыхает он, откидывая назад голову. – Говорю же, у меня пока нет ничего нового!

– Ну прочитай что-нибудь старое! Или народу слишком много и ты боишься?

– Да нет... – Он с улыбкой прислоняется виском к моей голове. – Но

есть в зале одна девушка...

Мне вдруг отчаянно хочется его поцеловать, но я вовремя беру себя в руки и подавляю желание.

– Не заставляй меня умолять, – уговариваю я, картинно сжимая руки под подбородком в молитвенном жесте.

– Ты уже умоляешь! – восклицает он, но после секундной паузы все же убирает руку с моего плеча и наклоняется вперед. – Ладно-ладно, – хмурится он, роясь в карманах. – Но я предупреждал, ты сама напросилась.

Он достает бумажник, и тут ведущий как раз объявляет начало второго раунда.

– Я участвую! – выкрикивает Уилл, вставая и поднимая руку с тремя долларовыми купюрами.

Ведущий прикрывает глаза рукой, вглядываясь в конец зала, чтобы рассмотреть говорящего...

– Дамы и господа, наш постоянный гость и любимец, мистер Уилл Купер! – с улыбкой провозглашает он и насмешливо добавляет: – Как мило с твоей стороны все-таки снизойти до нас!

Уилл проталкивается сквозь толпу, взбегает на сцену и выходит под лучи софитов.

– Что ты нам сегодня прочитаешь, Уилл? – спрашивает ведущий.

– Стихотворение под названием «Смерть», – отвечает Уилл, глядя поверх толпы прямо мне в глаза. Улыбка исчезает с его лица, и выступление начинается.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой жизни.

Люди не любят *говорить* о смерти, потому что им становится *грустно*.

Они не хотят *представлять себе*, как жизнь будет продолжаться *без* них:

все, кого они любили, немного погорюют,
но будут продолжать *дышать*.

Они *не хотят* думать о том, что жизнь будет продолжаться без *них*,
Их дети будут *расти*,
Заключать браки,
Стареть...

Они не хотят *представлять себе*, как жизнь будет *продолжаться* без них:

Их вещи *продадут*,
На медицинской карте поставят штамп «Завершено».
Их имена станут лишь *воспоминанием* для всех, кого они *знают*.

Они не хотят *представлять себе*, как жизнь будет продолжаться *без* них, поэтому не принимают смерть *заранее*, предпочитая *избегать* этой темы,

надеясь и *молясь* о том, что она *непостижимым образом...*

минует их.

Забудет о них,

пройдет мимо и заберет *следующего* в очереди.

Нет, они не *хотели* представлять себе, как жизнь будет продолжаться...

без них.

Но смерть

никого

не забывает.

Поэтому они столкнулись *лоб в лоб* со смертью,

Скрывавшейся под личиной автопоезда

в клубах *тумана*.

Нет.

Смерть не *забыла* о них.

Если бы они *только* успели *подготовиться, принять неизбежное*, построить свои *планы*, понимая, что *на кону* не только *их* жизнь.

По закону в девятнадцать лет меня могли считать взрослым человеком, но

я чувствовал себя *всего лишь*

девятнадцатилетним.

И был совершенно не готов,

ошеломлен,

тем, что в моих руках оказалась *жизнь* семилетнего

ребенка.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой *жизни*.

Уилл выходит из пятна света и спускается со сцены, даже не поинтересовавшись оценками судей. Я вдруг ловлю себя на безумной надежде, что он вдруг заблудится по пути к нашей кабинке и у меня будет время осознать услышанное. Я не знаю, что сказать, ведь я даже не представляла себе, что это и есть его жизнь. Что Колдер – вся его жизнь. Он потрясающе выступил, но услышанное повергло меня в глубочайшую печаль. Вытирая слезы тыльной стороной ладони, я и сама не могу точно сказать, чем они вызваны: тем, что родители Уилла умерли, тем, что на нем лежит такая ответственность, или просто тем, что он сказал правду. Он говорил о смерти, о потере – о тех вещах, над которыми люди задумываются слишком поздно. О тех вещах, с которыми я, к сожалению, знакома не понаслышке. Уилл, который совсем недавно выходил на сцену, и Уилл, который направляется сейчас ко мне, кажутся совершенно разными людьми. Я не знаю, что делать, я растеряна, но главное – я в восторге! Он был великолепен!

Уилл замечает, что я вытираю глаза.

– Я же предупреждал, – с укором в голосе говорит он и садится рядом, потом берет свой бокал, помешивает соломинкой кубики льда и делает небольшой глоток.

Что же ему сказать? Ведь он только что открыл мне душу.

Меня захлестывают эмоции. Я беру его за руку. Уилл отставляет в сторону бокал и с едва заметной улыбкой поворачивается ко мне, как будто ожидая каких-то слов. Но я молчу, и тогда он осторожно смахивает слезинку с моей щеки и тыльной стороной ладони гладит меня по лицу. Не понимаю, откуда берется это чувство, что мы с ним связаны. Все происходит так быстро. Глядя ему в глаза, я накрываю его руку своей, подношу ее ко рту и нежно целую ладонь. Мне вдруг кажется, что во всем зале нет никого, кроме нас, шум вокруг стихает и словно доносится откуда-то издалека.

Свободной рукой он осторожно касается моей щеки и медленно склоняется ко мне, одновременно притягивая меня навстречу. Закрыв глаза, я ощущаю его дыхание... все ближе и ближе... Его холодные, влажные от коктейля губы едва касаются моих. Он медленно целует сначала нижнюю губу, потом верхнюю. Я прижимаюсь к нему, чтобы ответить на поцелуй, но он легонько отстраняет меня. Удивленно открыв глаза, я вижу, что он улыбается.

– Терпение, – шепчет он, наклоняется ко мне и ласково целует в щеку.

Снова закрыв глаза, я глубоко дышу, пытаюсь успокоиться и подавить в себе нестерпимое желание броситься ему на шею и поцеловать. И как

только ему удастся держать себя в руках?! Он прижимается лбом к моему и гладит меня по плечам. Мы открываем глаза, и наши взгляды встречаются. Теперь я наконец понимаю, как моя мама смогла выбрать свою судьбу в восемнадцать лет.

– Ничего себе, – задыхаясь, произношу я.

– Действительно «ничего себе», – соглашается он.

Мы не сводим друг с друга глаз еще несколько секунд, и тут зал снова взрывается криками: объявляют имена участников, вышедших в следующий раунд.

Уилл берет меня за руку.

– Давай уйдем, – шепчет он.

Я выхожу из кабинки, боясь, что вот-вот рухну как подкошенная. Такого со мной еще не было... Ни разу!

Мы встаем, по-прежнему крепко держась за руки. Народу в зале стало еще больше, и Уилл помогает мне протиснуться сквозь толпу. Наконец мы выходим на парковку. Лишь выйдя на улицу и ощутив прикосновение холодного мичиганского воздуха, я понимаю, насколько была разгорячена. Холод возбуждает. А может, холод тут ни при чем – точно не знаю. Единственное, что могу сказать: хотелось бы, чтобы последние два часа моей жизни длились вечно.

– А ты не хотел остаться до конца? – спрашиваю я.

– Лейк, ты много времени провела в дороге, а потом несколько дней распаковывала вещи. Тебе надо выспаться, – говорит он, и при слове «выспаться» я непроизвольно зеваю.

– Выспаться... Да, идея неплохая.

Он открывает пассажирскую дверь, но сначала обнимает меня и крепко прижимает к себе. Несколько минут мы стоим неподвижно, будто стараясь остановить мгновение. Я могла бы привыкнуть к этому, думаю я и удивляюсь самой себе, ведь я всегда была недотрогой. Рядом с Уиллом я открываю в себе новые стороны, о существовании которых даже не подозревала.

Нам все-таки удастся оторваться друг от друга и сесть в машину. Мы выезжаем с парковки, я прижимаюсь щекой к окну и смотрю в боковое зеркало, наблюдая, как клуб постепенно удаляется.

– Уилл... – шепчу я, не отрывая взгляда от исчезающего позади здания. – Спасибо тебе!

Он берет меня за руку, и вскоре я засыпаю с улыбкой на лице.

Я просыпаюсь оттого, что он открывает дверь: мы уже перед моим домом. Уилл помогает мне выйти из машины. Даже не помню, когда я в

последний раз умудрялась так крепко заснуть в дороге. Уилл прав: я действительно устала. Я протираю глаза и зеваю, пока он ведет меня к двери. Он обнимает меня за талию, а я обвиваю руками его плечи. Мы идеально подходим друг другу по росту. Его теплое дыхание касается моей шеи, и по телу пробегает дрожь. Неужели мы познакомились всего три дня назад? Мне кажется, мы вместе уже много лет.

– С ума сойти, – говорю я, – тебя не будет целых три дня! Столько же, сколько мы с тобой знакомы!

– Это будут три самых длинных дня в моей жизни, – смеется он, обнимая меня еще крепче.

Если я хоть немного знаю свою мать, то наш разговор однозначно подслушивают, поэтому я испытываю некоторое облегчение, когда на прощание он просто целует меня в щеку, а потом медленно отступает назад, его пальцы выскальзывают из моих, и он идет к машине. Моя рука безжизненно висит вдоль тела, я стою на крыльце и смотрю ему вслед. Он заводит двигатель и опускает окно.

– Лейк, до дома путь не близкий, – говорит он. – Может, поцелуешь меня на дорожку?

Смеясь, я подхожу к машине и наклоняюсь к нему, ожидая еще одного поцелуя в щечку, но Уилл вдруг обнимает меня за шею, привлекает к себе и целует в губы. На этот раз мы не пытаемся сдерживать чувства, и поцелуй получается долгим. Я глажу его по волосам, едва сдерживая желание распахнуть дверцу машины и забраться к нему на колени.

Наконец поцелуй все-таки заканчивается, но губы по-прежнему соприкасаются, и мы не в силах оторваться друг от друга.

– Черт побери, – шепчет он, – с каждым разом все лучше и лучше!

– Увидимся через три дня, – обещаю я и шутливо прошу: – Будь осторожен в дороге.

Поцеловав его напоследок, я отступаю от окна.

Он задом выезжает из двора и сворачивает на парковку перед своим домом. Мне так и хочется побежать за ним следом и поцеловать еще раз, чтобы проверить его теорию. Мне удастся устоять перед искушением, и я делаю шаг в сторону дома.

– Лейк!

Я оборачиваюсь. Уилл выскакивает из машины и бежит ко мне.

– Забыл сказать тебе кое-что важное, – с улыбкой заявляет он, заключая меня в объятия. – Ты сегодня прекрасно выглядишь!

Он целует меня в макушку, выпускает из объятий и направляется обратно к дому. Может быть, я ошибалась – ну, насчет того, что мне

нравится, что он не говорит мне комплиментов? Однозначно ошибалась!

Дойдя до двери, он с улыбкой оборачивается и входит в дом.

Как я и предполагала, мама сидит на диване с книжкой и пытается сделать вид, что погружена в чтение.

– Ну, как прошло? Он оказался серийным убийцей?

По-дурацки улыбаясь, я подхожу к дивану напротив, падаю на него, словно тряпичная кукла, и вздыхаю:

– Ты, как всегда, оказалась права, мама. Обожаю Мичиган!

Глава 3

*But I can tell by watching you
That there's no chance of pushing through
The odds are so against us
You know most young love, it ends like this.*

«The Avett Brothers». I Would Be Sad^[7]

Утром в понедельник я нервничаю куда сильнее, чем ожидала. Последнее время все мои мысли были заняты только Уиллом, поэтому я не успела морально подготовиться к судному дню – точнее, к первому дню в новой школе.

На выходных мы с мамой наконец-то выбрались прогуляться по магазинам и закупили теплой одежды. Я надеваю приготовленный с вечера наряд и новые зимние ботинки. Волосы оставляю распущенными, но на всякий случай надеваю на запястье резинку, потому что в какой-то момент наверняка захочется сделать хвост.

Выйдя из ванной, я захожу на кухню, хватаю валяющийся на барной стойке рюкзак и расписание. Вчера мама первый раз работала в больнице в ночную смену, поэтому я согласилась отвезти Кела в школу. В Техасе мы с ним ходили в одну школу. Вообще-то, в нашем захолустье и была всего одна школа. А вот здесь школ так много, что мне пришлось распечатать карту района, чтобы доставить братишку по адресу и ничего не перепутать.

Едва мы подъезжаем к зданию начальной школы, Кел тут же замечает Колдера, выскакивает из машины и бросается к нему, даже не попрощавшись. У него в жизни все так просто...

К счастью, начальная школа находится всего в нескольких кварталах от средней, так что в запасе немного времени, чтобы найти, где у меня будет

первый урок. Я въезжаю на парковку возле массивного здания, которое, как мне кажется, и есть моя будущая школа, и долго ищу, где встать. Наконец нахожу свободное место в самом дальнем конце. Рядом с машинами стоят школьники и оживленно болтают между собой. После некоторых колебаний я нерешительно выбираюсь из машины, но понимаю, что, вообще-то, никто не обращает на меня ровным счетом никакого внимания. Ничуть не похоже на типичную сцену из кино: новенькая девочка выходит из машины, судорожно прижимая к груди книги, все оборачиваются, замирают и замороженно смотрят на нее. А здесь я чувствую себя практически невидимкой, и это меня вполне устраивает.

Первый урок, математика, прошел гладко – даже на дом ничего не задали. Это очень кстати, потому что я собираюсь провести вечер с Уиллом. Утром, садясь в машину, я обнаружила на стекле записку: «Ужасно хочу тебя видеть. Буду дома к четырем».

Осталось семь часов и три минуты.

История тоже дается мне без проблем: тему урока – Пунические войны – я совсем недавно проходила в старой школе. Мне сложно сосредоточиться, потому что я в буквальном смысле считаю минуты. Учитель рассказывает скучно и монотонно. Если предмет мне неинтересен, я обычно начинаю думать о чем-нибудь постороннем. Например, об Уилле. Я старательно конспектирую лекцию, чтобы хоть как-то сосредоточиться, и тут кто-то тыкает меня в спину.

– Привет, дай посмотреть твое расписание, – приказывает мне соседка сзади.

Я потихоньку достаю расписание, складываю его в несколько раз, зажимаю в кулаке, завожу руку за спину и бросаю расписание на парту.

– Ой, да ладно тебе, – нарочито громко шепчет она. – Мистер Хансон мало того что подслеповат, так еще и тугоух, так что не волнуйся.

– Ясно, – хихикаю я, дожидаясь, пока мистер Хансон подойдет к доске и оборачиваюсь. – Меня зовут Лейкен.

– А я Эдди. Знаю-знаю, и не смотри на меня так, – возмущается она, заметив мой удивленный взгляд. – В нашей семье это частое имя. – И с шутливой угрозой добавляет: – Учти, назовешь меня Эдди-спагетти – задницу надеру!

– Ладно, буду иметь в виду.

– О класс, у нас с тобой третий урок совпадает! – радуется новая знакомая, изучив мое расписание. – Аудитория – фиг найдешь! Пойдем вместе, покажу, где это.

Эдди склоняется над партой, чтобы что-то записать, густые светлые

волосы закрывают лицо до самого подбородка. У нее асимметричная стрижка, ногти покрашены разными цветами, на каждом запястье штук по пятнадцать браслетов, которые звенят и бряцают, стоит ей пошевелиться. На внутренней стороне левого запястья скромная маленькая татуировка в виде черного сердечка.

Звенит звонок, я встаю и забираю у Эдди расписание. Она залезает мне в карман куртки, достает мой телефон и начинает листать записную книжку. Я разглядываю расписание – на нем зеленой ручкой написаны сайты и телефонные номера. Эдди замечает мое удивление и показывает на первую ссылку:

– Это моя страничка в Facebook, если вдруг не найдешь – у меня еще есть Twitter. Про мой ник на MySpace даже не спрашивай, потому что это полный отстой! – с удивительно серьезным видом рассказывает она, ведя пальцем по списку номеров, нацарапанных на моем расписании. – Это мой мобильный, это домашний, а это телефон пиццерии «Гетти».

– Ты там работаешь?

– Нет, просто у них классная пицца, – отвечает она и направляется к двери, но тут же останавливается и отдает мне телефон. – Я позвонила себе с твоего телефона, так что теперь у меня тоже есть твой номер. А, и еще! Тебе надо зайти в канцелярию перед следующим уроком!

– А зачем? Я думала, мы сейчас вместе пойдем... – Я пребываю в легком шоке от своей новой подруги.

– Ты обедаешь во вторую смену, а я в первую. Попроси их, чтобы перевели тебя в первую, встретимся на третьем уроке, – выпаливает Эдди и уходит.

Как ни в чем не бывало.

* * *

Канцелярия находится в этом же коридоре, через две комнаты. Секретарша по имени миссис Алекс в совершенстве владеет искусством закатывания глаз и с гордостью демонстрирует свой талант, заново распечатывая мне и без того новое расписание, и тут звенит второй звонок на третий урок.

– Не подскажите, в какой аудитории факультатив по английскому? – спрашиваю я уже в дверях.

Она долго и запутанно объясняет мне, где это находится, как будто я знаю, где у них тут аудитория «А» и аудитория «Д». Терпеливо дожидаюсь, пока она закончит свой монолог, и выхожу в коридор, не имея ни малейшего понятия, куда идти.

Пройдя по трем разным коридором, дважды вломившись не в ту аудиторию и один раз – в подсобку, я заворачиваю за угол и наконец-то с облегчением обнаруживаю табличку «Аудитория „Д“». Снимаю рюкзак, ставлю его на пол и, держа в зубах расписание, снимаю с запястья резинку. Еще десяти утра нет, а я уже решила убрать волосы в хвост – плохая примета...

– Лейк?

При звуке его голоса сердце чуть не выпрыгивает из груди. Я оборачиваюсь и совсем рядом с собой вижу Уилла. Он явно смущен и растерян. Я вытаскиваю изо рта расписание и, недолго думая, бросаюсь ему на шею:

– Уилл! А ты что тут делаешь?

Он обнимает меня, но всего лишь на секунду, а потом осторожно берет за талию и отодвигает от себя:

– Лейк... Но откуда?.. Что ты тут делаешь?

– Пытаюсь найти аудиторию с этим дурацким факультативом, – вздыхаю я и вручаю ему расписание. – Я совсем заблудилась... Спасай!

– Лейк, подожди... – Он отдает мне расписание, даже не взглянув на него, и пятится к стене.

Я наблюдаю за его реакцией: Уилл в ужасе оттого, что встретил меня. Он отворачивается и сцепляет руки на затылке. Не понимаю, что происходит. Я жду объяснений, и тут до меня доходит! Он пришел к своей девушке! К девушке, о которой он чисто случайно позабыл рассказать! Я хватаю рюкзак и бросаюсь было прочь, но он хватает меня за руку и останавливает:

– Ты куда?

– Да я все поняла, Уилл, – закатывая глаза и слегка вздыхая, отвечаю я. – Я все поняла. Оставляю тебя одного, пока твоя девушка нас не заметила.

Изо всех сил стараюсь не разреветься, я отхожу от него подальше и отворачиваюсь.

– Деву... Да нет же! Нет, Лейк! Ты, похоже, не понимаешь...

У меня за спиной раздаются чьи-то шаги, они становятся все громче. Я оборачиваюсь и вижу кого-то из одноклассников, несущегося на всех парах к аудитории «Д».

– О черт, а я-то уж думал, что опоздал! – выпаливает он, заметив нас в коридоре, и останавливается перед дверью аудитории.

– Ты и правда опоздал, Хавьер, – отзывается Уилл, открывает дверь и делает ему знак войти. – Хави, я буду через пару минут. Скажи остальным,

что у вас есть пять минут на повторение материала перед тестом.

Уилл закрывает за парнем дверь, и мы снова остаемся наедине. Мне не хватает воздуха, в груди что-то нещадно давит, и я наконец начинаю понимать, что происходит... Но этого не может быть! Это невозможно! Или все-таки возможно?! Но как?!

У меня перехватывает дыхание.

– Уилл, – шепчу я, – только не говори, что ты...

Он краснеет, смотрит на меня с отчаянием и прикусывает нижнюю губу. Потом запрокидывает голову и смотрит в потолок, растирая лицо руками и шагая взад-вперед по коридору, от шкафчиков до аудитории. Я наконец замечаю, что у него на шее болтается преподавательский бейдж.

Уилл упирается ладонями в шкафчики несколько раз ударяется лбом о металл, а я стою перед ним и молчу, не в силах даже открыть рот. Он медленно опускает руки и поворачивается ко мне:

– Как же я мог не заметить! Ты все еще учишься в школе?

Глава 4

*I am sick of wanting
And it's evil how it's got me
And every day is worse
Than the one before.*

«The Avett Brothers». *Ill With Want*^[8]

Скрестив ноги и сложив руки на груди, Уилл прислоняется спиной к шкафчику и смотрит в пол. Столь неожиданный поворот событий застал меня врасплох, я едва держусь на ногах, поэтому подхожу к стене напротив и опираюсь о нее, чтобы не упасть.

– Я?! А почему мы не говорили о том, что ты работаешь в школе? Как это возможно? Тебе же всего двадцать один! – отвечаю я вопросом на вопрос.

– Послушай, Лейкен, – перебивает он (не Лейк, а Лейкен!), избегая встретиться со мной взглядом, – мы с тобой серьезно недопоняли друг друга и должны обсудить ситуацию. Но сейчас не самый подходящий момент.

– Согласна... – Я хочу что-то добавить, но не могу – боюсь разреветься.

Дверь в аудиторию Уилла открывается, и на пороге появляется Эдди. Господи, хоть бы оказалось, что моя новая подруга тоже заблудилась. Только бы это не был наш факультатив!

– Лейкен, а я уж собиралась тебя искать! Заняла тебе место, – сообщает Эдди и только тут видит Уилла и понимает, что прервала наш разговор. – Ой, простите, мистер Купер, я вас не заметила.

– Все в порядке, Эдди. Лейкен просто показывала мне свое расписание. – Уилл заходит в аудиторию и придерживает для нас дверь.

Я неохотно следую за Эдди, минуя Уилла и направляюсь к единственному свободному месту – прямо перед учительским столом. И как я высижу целый час в одной аудитории с ним?! Стены пляшут, когда я пытаюсь сфокусировать взгляд, поэтому прикрываю глаза. Мне нужен глоток воды!

– А это еще что за красотуля? – спрашивает парень, которого, как я недавно узнала, зовут Хавьер.

– Умолкни, Хави! – резко затыкает его Уилл, подходя к столу и

доставая стопку бумаг.

Некоторые ребята тихонько ахают. Судя по всему, обычно Уилл себе такого не позволяет.

– Да расслабьтесь, мистер Купер! Я ж хотел ей комплимент сделать, она ж красавица, сами посмотрите! – продолжает Хави, развалившись на стуле и не сводя с меня глаз.

– Хави! Вон! – повышает на него голос Уилл и показывает на дверь.

– Мистер Купер, да вы че? Я же говорю, просто она...

– А я говорю: выйди вон! Не позволю неуважительно относиться к женщинам на моих занятиях!

– Отлично! Тогда я пойду поотношусь к ним неуважительно в коридоре, – парирует Хави и забирает со стола учебники.

Он уходит, громко хлопнув дверью. В аудитории повисает мертвая тишина, которую нарушает лишь тиканье секундной стрелки висящих над доской часов. Я не оборачиваюсь, но и так спиной чувствую, что весь класс смотрит на меня, ожидая какой-то реакции. Да, побудешь теперь невидимкой...

– Ребята, у нас новенькая – Лейкен Коэн, – говорит Уилл, пытаюсь разрядить обстановку. – Заканчиваем повторение и убираем конспекты.

– А вы не попросите ее рассказать о себе? – спрашивает Эдди.

– В другой раз, – отвечает Уилл, поднимая стопку бумаг. – А сейчас у нас тест.

Слава богу, что Уилл не заставил меня выйти к доске и рассказать о себе перед классом! Уж что-что, а это я сейчас точно не потяну! В горле словно ватный ком застрял, и мне его никак не проглотить.

– Лейк, – неуверенно произносит Уилл и закашливается, поняв свой промах. – Лейкен, если у тебя есть другие задания, то можешь пока заняться ими. Мы сегодня пишем тест по пройденной главе.

– Лучше я тест напишу, – говорю я, радуясь возможности хоть как-то отвлечься.

Уилл кладет передо мной тест, и на некоторое время я стараюсь сосредоточиться на вопросах в надежде хоть немного отдохнуть от новой, ужасающей реальности. Я отвечаю на вопросы довольно быстро, но все равно продолжаю стирать и переписывать ответы заново, чтобы не думать об очевидном факте: парень, в которого меня угораздило влюбиться, оказался моим учителем...

Звенит звонок с урока, мои новые одноклассники по очереди подходят к Уиллу, складывая тесты ему на стол. Эдди сдает работу и подходит ко мне:

– Ну что, переписалась на другую смену на обед?

– Ага!

– Отлично. Займу тебе место.

Эдди идет к выходу, но вдруг останавливается возле Уилла, достает из сумочки красную коробочку, высыпает из нее несколько мятных пастилок и многозначительно произносит:

– Альтоид.

Уилл непонимающе смотрит на пастилки.

– Просто я тут подумала... «Альтоид» – чудо-средство от похмелья, – объясняет Эдди театрально-громким шепотом, пододвигая к нему пастилки.

Она разворачивается и уходит.

Как ни в чем не бывало!

В аудитории остаемся только мы с Уиллом. Я должна поговорить с ним! У меня столько вопросов, но я понимаю, что момент сейчас неподходящий, поэтому молча подхожу к его столу и кладу свой тест в общую стопку.

– А что, по мне так заметно, какое у меня настроение? – спрашивает он, недоуменно глядя на мятные пастилки.

Я молча беру две пастилки и выхожу из комнаты, так ничего ему и не ответив.

В поисках очередной аудитории, я натываюсь на туалетную комнату и быстро захожу туда, решив провести остаток перемены и обеденный перерыв в этом чудесном месте. Мне неловко, что Эдди ждет меня, но сейчас я просто не могу ни с кем общаться. Поэтому я убиваю время, по несколько раз перечитывая надписи на стенах, – главное дожить до конца этого дня и не разрыдаться.

Последние два урока проходят как в тумане. К счастью, никто из учителей не просит меня «рассказать что-нибудь о себе». Я ни с кем не разговариваю, и ко мне никто не пристаёт. Понятия не имею, задали ли нам что-то на дом, – мои мысли витают совсем далеко от всего этого.

Роясь в сумочке в поисках ключей, я подхожу к машине. Трясущимися руками достаю брелок, начинаю возиться с замком, но роняю ключи на землю. Когда наконец удается сесть в машину, я стараюсь ни о чем не думать, включаю задний ход, выезжаю с парковки и еду домой. Не хочу думать ни о чем, кроме теплой кровати.

Заехав во двор, я глушу двигатель, но не тороплюсь выходить – не хочу сейчас видеть ни Кела, ни маму. Откинув сиденье, я прикрываю глаза рукой и реву. Раз за разом прокручиваю в голове все случившееся. Как же

так вышло, что мы провели вдвоем целый вечер, а я не догадалась, что он учитель? Как получилось, что наш разговор ни разу не коснулся его профессии, я даже не поинтересовалась, чем он занимается? К тому же я полвечера болтала без умолку, но ни словом не упомянула о том, что еще не закончила школу. Ситуация выводит меня из себя. Ведь я так много рассказала ему. Сама виновата, говорю себе я.

Вытерев глаза рукавом, я стараюсь скрыть следы слез. Последнее время это у меня получается все лучше и лучше. Каких-то полгода назад у меня вообще не было поводов для плача. Жизнь в Техасе представлялась простой и понятной: заведенный распорядок дня, куча друзей, любимая школа, любимый дом. После смерти папы я прорыдала несколько недель, пока до меня наконец не дошло, что так я делаю только хуже Келу и маме: они не смогут успокоиться и жить дальше, пока я сама не сделаю этого. Тогда я сознательно начала принимать больше участия в жизни брата. Папа был лучшим другом не только мне, но и ему, и я понимала, что братишке приходится еще тяжелее, чем нам. Я стала ходить с ним на бейсбол, водить его на карате и даже в клуб скаутов-волчат, то есть делать все то, что раньше делал папа. Нам обоим удалось занять себя, и постепенно горе начало ослабевать.

До сегодняшнего дня.

Стук в окно с пассажирской стороны отвлекает меня от невеселых воспоминаний и возвращает к реальности. Не хочу никого видеть и уж тем более ни с кем разговаривать. За окном виднеется чей-то торс и... преподавательский бедж.

Я опускаю солнцезащитный козырек с зеркалом, быстро вытираю растекшуюся под глазами тушь, потом перевожу взгляд на травмированного садового гнома, который смотрит на меня, издевательски ухмыляясь, и нажимаю кнопку снятия блокировки дверей.

Уилл садится на пассажирское сиденье и захлопывает дверцу. Он отодвигает сиденье на несколько сантиметров назад, вздыхает и молчит. Думаю, мы оба не знаем, что сказать. Бросив взгляд в его сторону, я замечаю, что он изо всех сил упирается ногами в пол. Поза напряженная, руки скрещены на груди. Он не отрывает глаз от записки, которую оставил мне сегодня утром, – она так и лежит на торпеде. Наверное, он и правда вернулся домой к четверем.

– О чем ты думаешь? – спрашивает он.

– Я совсем запуталась, Уилл, – отвечаю я, подтягивая к себе правую ногу и обнимая ее обеими руками. – Не знаю, что и думать.

– Прости, – со вздохом произносит он и отворачивается к окну, – это я

во всем виноват.

– Никто ни в чем не виноват. Человек виноват, если сделал что-то нехорошее намеренно. Уилл, ты же не знал...

– Вот именно, Лейк! – восклицает он, поворачиваясь ко мне. Я едва узнаю его: во взгляде нет ни тени заигрывания. – Вот именно! Я должен был догадаться. Моя профессия подразумевает этичное поведение не только в школьной аудитории, но и во всех остальных областях жизни! Я не понял, потому что был не на работе. Когда ты сказала, что тебе восемнадцать, я почему-то сразу решил, что ты уже учишься в колледже.

Я понимаю, что он злится не на меня, а только на себя самого.

– Мне исполнилось восемнадцать всего две недели назад, – сама не понимая зачем, сообщаю я, но тут же чувствую, что слова звучат так, будто я его в чем-то обвиняю.

Это совершенно лишнее: он и так винит себя во всем, не хватает еще, чтобы я на него злилась. Ведь мы не ожидали такого поворота событий.

– Я прохожу в школе практику, ну, вроде того, – неуклюже пытается объяснить он.

– Вроде того?

– После смерти родителей я стал заниматься с удвоенной силой и набрал достаточно баллов, чтобы закончить на семестр раньше. В школе не хватало персонала, поэтому они предложили мне контракт на год. Мне осталось три месяца практики – испытательного срока, если хочешь, а потом буду работать по контракту до июня будущего года.

Я слушаю и пытаюсь понять, что он говорит, но слышу только: «Мы не можем быть вместе... бла-бла-бла... мы не можем быть вместе...»

– Лейк, мне нужна эта работа, – Он заглядывает мне в глаза. – Я шел к этому три года. У нас нет денег. Родители оставили кучу долгов, да еще за колледж платить... Я не могу уволиться. – Он отводит взгляд, откидывается на сиденье и в отчаянии проводит рукой по волосам.

– Уилл, я все понимаю! Мне бы и в голову не пришло просить тебя поставить под угрозу свою карьеру! Глупо лишаться всего, чего ты достиг, из-за девушки, с которой ты знаком всего неделю.

– Я и не думаю, что ты стала бы просить, – отвечает он, не отрывая взгляда от окна. – Просто хочу, чтобы ты понимала ситуацию.

– Я все прекрасно понимаю. Глупо даже думать, что нам имеет смысл идти на такой риск.

– Мы оба прекрасно знаем, что все не так просто, – тихо отвечает он, снова глядя на лежащую на торпедо записку.

От этих слов меня передергивает, ведь в глубине души я знаю, что он

прав. Что бы ни происходило между нами, это не просто мимолетное увлечение. Пока я даже представить не могу, как это – жить с разбитым сердцем. Если это хотя бы на один процент больше, чем мне сейчас, то, пожалуй, я обойдусь как-нибудь и без любви – оно того не стоит!

Я изо всех сил стараюсь сдержать слезы, но все мои жалкие попытки ни к чему не приводят. Уилл привлекает меня к себе. Я утыкаюсь лицом в его рубашку, он обнимает меня крепче и ласково гладит по спине.

– Мне так жаль... если бы я мог что-то изменить. Но я должен поступить правильно... Ради Колдера. – Мне вдруг почему-то кажется, что он обнимает меня не затем, чтобы утешить, что его объятие больше похоже на прощальное. – Не знаю, куда мы отправимся и как будет происходить наш переезд...

– Переезд? – Мысль о том, что я могу его потерять, приводит меня в ужас. – Но... может быть, ты поговоришь с руководством? Скажи им, что мы не знали! Спроси, какие у нас есть варианты... – В отчаянии бормочу я, цепляясь за любую возможность как утопающий за соломинку, хотя на самом деле прекрасно понимаю, что на данный момент у нас нет шансов.

– Я не могу, Лейк, – тихо произносит он. – Ничего не получится. Это невозможно.

Хлопает входная дверь, и на улицу выбегают Кел и Колдер. Мы тут же отодвигаемся друг от друга.

Я кладу голову на подголовник и закрываю глаза, пытаюсь придумать какой-нибудь магический выход из тупика, в котором мы оказались. Ведь он наверняка есть!

Мальчики перебегают дорогу и заходят в дом Уилла. Убедившись, что с ними все в порядке, он поворачивается ко мне и, явно нервничая, произносит:

– Послушай, Лейкен, нам нужно обсудить еще кое-что.

О боже, ну что еще?! О чем еще мы сейчас можем говорить?!

– Тебе нужно завтра пойти в канцелярию и отчислиться из моего класса. Думаю, нам стоит встречаться как можно реже.

Кровь резко отливает от моего лица, руки мгновенно становятся потными, а машина вдруг кажется чересчур маленькой для двоих. Значит, это действительно правда! Все, что было между нами, закончилось, он хочет полностью вычеркнуть меня из своей жизни.

– Но почему? – спрашиваю я, не пытаюсь скрыть боль в голосе.

– Наши отношения неуместны, – откашлявшись, объясняет он. – Мы должны расстаться.

– Неуместны?! – кричу я, не замечая, как боль превращается в гнев. –

Расстаться?! Да ты живешь через дорогу от меня!

Он открывает дверь и выходит из машины, я следую его примеру, громко хлопая дверью.

– Мы оба достаточно взрослые люди, чтобы понимать, что уместно, а что нет. Я никого тут, кроме тебя, не знаю. Пожалуйста, не проси меня делать вид, что мы с тобой вообще не знакомы, – умоляю я.

– Лейк, перестань! Так нечестно! – Он тоже повышает голос, и я понимаю, что задела его за живое. – Я не смогу. Мы не сможем быть просто друзьями. У нас нет выбора.

Я невольно ловлю себя на мысли, что, похоже, мы ужасно ссоримся и расстаемся, а ведь мы даже не вместе! Я так зла на него! На всю эту ситуацию! Не могу понять, что привело меня в такое отчаяние. События сегодняшнего дня или вся вообще моя жизнь в этом году.

Единственное, в чем я совершенно уверена, так это в том, что благодаря Уиллу я впервые за очень долгое время чувствовала себя счастливой, и потому теперь, когда он говорит мне, что мы не можем быть даже друзьями, мне очень больно. И страшно, что я снова стану такой, какой была последние полгода. Гордиться тут нечем.

Я открываю дверцу, хватаю сумочку и ключи и кричу:

– Значит, либо все, либо ничего – так? А все между нами, судя по всему, невозможно! – Снова с силой хлопнув дверцей, я направляюсь в сторону дома и добавляю напоследок: – Не волнуйся, завтра к третьему уроку ты от меня избавишься! – И ожесточенно пинаю садового гнома.

Ворвавшись в дом, я бросаю ключи на барную стойку с такой силой, что они скользят до самого конца и со звоном падают на пол, и в ярости скидываю с себя ботинки.

И тут входит мама:

– Что происходит? Ты почему так кричала?

– Просто так! Нипочему! Просто так! – огрызаюсь я, забираю ботинки, ухожу к себе в комнату и хлопаю дверью.

Запершись у себя, я тут же бросаюсь к корзине с одеждой, вытряхиваю все содержимое на пол и роюсь в куче вещей. Нахожу джинсы, залезаю в карман, достаю оттуда фиолетовую заколку, а потом забираюсь под одеяло. Зажав заколку в кулаке, я прижимаю руки к лицу и рыдаю до тех пор, пока наконец не засыпаю.

Проснувшись около полуночи, я какое-то время лежу и надеюсь, что все произошедшее окажется просто плохим сном, но пробуждение так и не наступает. Я вылезаю из-под одеяла, заколка выпадает у меня из рук. Я смотрю на лежащий на полу кусок пластмассы – он такой старый, что,

наверное, покрашен краской с содержанием свинца. Вспоминаю, как я чувствовала себя в тот день, когда папа подарил мне ее, как все мое горе и страхи испарились, стоило ему заколоть мне волосы...

Подняв заколку с пола, я нажимаю на нее посередине, чтобы открыть, перекидываю на другой бок прядь волос и крепко закалываю ее набок, надеясь, что сейчас случится чудо... Но боль никуда не исчезает. Тогда я снимаю заколку, швыряю ее в угол и забираюсь обратно в постель.

Глава 5

*I keep tellin' myself
That it'll be fine.
You can't make everybody happy
All of the time.*

*«The Avett Brothers». Paranoia in B flat
Major^[9]*

Кровь гулко стучит в висках, я с трудом вылезаю из постели. Мне бы тоже не помешала упаковка «Альтоида» – все тело ноет оттого, что я полночи прорыдала и полночи провела в каком-то мало похожем на сон забытьи.

Я быстро варю кофе, усаживаюсь за стойку и молча пью, с ужасом думая о предстоящем дне. На кухню входит Кел в пижаме и тапочках с Дартом Вейдером.

– Доброе утро... – сонно бормочет он.

Он достает из сушилки чашку с надписью «Самый лучший папа на свете» и наливает себе кофе.

– Это что еще за дела? – строго спрашиваю я.

– Думаешь, только ты плохо спала? – отвечает он вопросом на вопрос и залезает на барный стул напротив меня. – Четвертый класс – это тебе не шутки! Мне домашки задали столько, что я два часа просидел, – жалуется он, поднося чашку к губам.

Я забираю у него чашку, переливаю кофе себе, споласкиваю чашку, подхожу к холодильнику, достаю пакет сока и ставлю перед ним.

Кел закатывает глаза и подмигивает мне через дырку в пакете:

– Вчера остальные вещи привезли, видела? Мамин фургон наконец доехал. Кстати, нам пришлось все разгружать вдвоем, – многозначительно сообщает он, чтобы я почувствовала себя виноватой.

– Иди одеваться, – игнорирую я его попытки, – через полчаса выходим.

* * *

Я отвожу Кела в школу, и с неба снова начинает падать снег. Надеюсь, Уилл прав и это долго не продлится. Ненавижу снег! Ненавижу Мичиган!

Приехав в школу, я направляюсь напрямиком в канцелярию. Миссис

Алекс как раз включает компьютер. Завидев меня, она сокрушенно качает головой:

– Дай-ка угадаю: теперь хочешь обедать в третью смену?

Вот кому надо было отдать кофе Кела – ей он точно пригодился бы.

– Вообще-то, мне нужен список факультативов по выбору на третий урок. Я хочу перейти в другой класс, – объясняю я.

– Так ты же записана на курс поэзии мистера Купера! – восклицает она, глядя на меня поверх очков. – Он один из самых популярных!

– Да, правильно. Но я не хочу посещать эти занятия.

– Ну что ж, до конца недели, пока не утверждено окончательное расписание, ты еще имеешь право выбора, – вздыхает она, протягивая мне листок с недлинным, мягко говоря, списком факультативов. – Что желаете?

Ботаника и русская литература – да, не густо...

– Пусть будет русская литература на двести баллов.

Она закатывает глаза и отворачивается, чтобы забить данные в компьютер. Думаю, я не одна такая... Миссис Алекс отдает мне очередное новое расписание и желтый бланк.

– Пусть мистер Купер подпишет эту бумагу. Если принесешь ее мне до начала третьего урока, то, считай, все улажено.

– Отлично, – бормочу я, выходя из канцелярии.

Мне удастся без проблем добраться до класса Уилла, где я с облегчением обнаруживаю, что дверь заперта, а свет выключен. Встреча с ним не входила в мои планы на сегодня, поэтому я решаю взять дело в свои руки: достаю из рюкзака ручку, прижимаю желтый бланк к стене и начинаю старательно выводить имя Уилла.

– Плохая идея!

Я вздрагиваю, оборачиваюсь и вижу Уилла с черной сумкой на плече и ключами в руке. Черная рубашка заправлена в слаксы цвета хаки, галстук идеально подходит по цвету к глазам. При виде его у меня вдруг предательски сводит желудок. Я смотрю на него словно зачарованная. Он выглядит так... так профессионально...

Я делаю шаг назад, уступая ему дорогу. Уилл вставляет ключ в замочную скважину и отпирает дверь. Войдя в аудиторию, он включает свет и кладет сумку на стол. Я остаюсь в дверях, пока он не делает мне знак войти, подхожу к столу и бросаю на него анкету.

– Ну, тебя еще не было, я и подумала, что незачем дергать тебя лишний раз, сама разберусь, – оправдываюсь я.

– Русская литература?! – мельком взглянув на бланк, морщится Уилл. – Ты серьезно?

– Особого выбора не было: либо это, либо ботаника, – бесстрастно отвечаю я.

Уилл отодвигает стул и садится за стол, берет ручку, подносит ее к бумаге, но вдруг откладывает ручку в сторону, так и не поставив подпись.

– Вчера... вчера я много думал о том, что ты сказала. С моей стороны нечестно просить тебя уйти с моих занятий просто потому, что мне это неудобно. Мы живем в ста метрах друг от друга, наши братья вот-вот станут лучшими друзьями. К тому же занятия, надеюсь, помогут нам понять, как вести себя, находясь рядом. Так или иначе, нам придется привыкнуть к этому. К тому же, – добавляет он, доставая из сумки лист бумаги и расправляя его на столе, – сложностей с моим предметом у тебя явно не предвидится.

Я смотрю на тест, который написала вчера: сто из ста.

– Да я не против перейти, – вру я ему в глаза. – Понимаю, что в твоей ситуации...

– Спасибо, но так действительно будет лучше. Все наладится. Правда ведь?

– Конечно, – киваю я, совершенно не веря в это.

Ничего не наладится! И уж для меня точно не будет лучше видеть его каждый день! Я бы ощущала его присутствие, даже если бы прямо сегодня собрала чемоданы и уехала в Техас. И все-таки я не могу найти ни одного убедительного аргумента, чтобы не ходить на его занятия.

Скомкав мое заявление о переводе, Уилл бросает его в мусорную корзину и промахивается почти на полметра. По дороге к выходу я поднимаю с пола скомканную бумагу и аккуратно опускаю ее куда положено.

– Что ж, увидимся на третьем уроке, мистер Купер! – бросаю я через плечо и краем глаза замечаю, что он нахмурился.

На душе у меня стало немного полегче. Накануне мы расстались совсем по-дурачки. Я готова на все, лишь бы исправить неловкое положение, в котором мы оказались, но Уиллу каким-то непостижимым образом удается меня успокоить.

– Что с тобой вчера стряслось? – спрашивает Эдди на втором уроке. – Опять заблудилась?

– Прости, пожалуйста! Возникли кое-какие проблемы, а потом решала вопросы с администрацией.

– Так ты бы написала, – с усмешкой дразнит она, – я же беспокоилась!

– О, дорогая, прости меня!

– Дорогая?! А кто это тут пытается у меня девушку увести? –

спрашивает какой-то незнакомый парень, обнимая Эдди и целуя ее в щеку.

– Лейкен, это Гевин. Гевин, это Лейкен, твоя соперница!

У Гевина точно такие же светлые волосы, как у Эдди, ну разве что у нее длинные, а у него короткие. Они могли бы сойти за брата и сестру, хотя у него карие глаза, а у нее – голубые. На нем черная толстовка с капюшоном и джинсы. Когда он протягивает мне руку, я замечаю у него на запястье такую же татуировку, как у Эдди: черное сердечко.

– Много о тебе слышал, – говорит он, пожимая мою ладонь, и я с любопытством и недоверием смотрю ему в глаза, гадая, что же он такого слышал. – Да шучу, шучу, – смеюсь, признается он. – Я о тебе вообще ничего не слышал, просто положено так говорить, когда знакомишься, – объясняет он, поворачивается к Эдди и чмокает ее в щеку. – Увидимся на следующей перемене, крошка, мне пора!

Я умираю от зависти.

В аудиторию входит мистер Хансон и объявляет, что сегодня у нас контрольная по пройденной главе. Я безропотно беру тест, и остаток урока проходит в тишине.

* * *

Мы с Эдди пробираемся сквозь толпу в коридоре, и у меня предательски сжимается желудок: я уже жалею, что не перешла на русскую литературу. Как нам могло прийти в голову, что так будет лучше?

Уилл стоит в дверях и здоровается с учениками.

– Сегодня выглядите получше, мистер Купер, – бросает на ходу Эдди. – Хотите еще пастилку?

За ней следом входит Хави и, угрюмо поглядывая на Уилла, проскальзывает на свое место.

– Всем здравствуйте, – говорит Уилл, закрывая дверь в аудиторию. – Ну что, тест вы написали неплохо. Поэтические выразительные средства – тема не самая захватывающая, так что я рад, что вы все справились с ней с первого раза! Думаю, раздел, посвященный перформансу, понравится вам куда больше, именно этим мы и будем заниматься остаток семестра. Итак, поэтический перформанс во многом схож с традиционной поэзией, но добавляется еще один элемент – непосредственно перформанс.

– Перформанс? – презрительно переспрашивает Хави. – В смысле, вслух читать? Как в том кино, про мертвых поэтов? Когда они всякую фигню перед классом читали?

– Не совсем, это просто чтение стихов вслух.

– Он имеет в виду слэм, – объясняет Гевин. – Ну как в клубе «ДЕВ9ТЬ»

по четвергам.

– А что такое слэм? – спрашивает какая-то девушка с задней парты.

– Это круто! – поворачивается к ней Гевин. – Мы с Эдди иногда туда ходим. Ну так не объяснишь, это надо видеть, – добавляет он.

– Да, слэм – одна из форм перформанса, – подтверждает Уилл. – А кто из вас был на слэме?

Пара человек поднимает руку, я – нет.

– Мистер Купер, а вы им покажите! Прочитайте что-нибудь свое! – просит Гевин.

Уилл замирает в нерешительности. Я-то знаю, что он не любит оказываться в центре внимания. Однако он быстро берет себя в руки и предлагает:

– Знаете что, давайте договоримся так: я читаю свое стихотворение, а каждый из вас обязуется в течение семестра хотя бы один раз сходить на слэм в клуб «ДЕВ9ТЬ».

Все согласны. Я бы отказалась, но для этого надо поднять руку и заявить о своем несогласии. Поэтому я не протестую.

– Все за? Ну ладно. Покажу вам одно из своих небольших произведений. Помните, поэзия в стиле слэм – это сочетание поэзии и перформанса.

Уилл выходит в центр аудитории и поворачивается лицом к аудитории. Он взмахивает руками, разминает шею, пытаясь расслабиться, и откашливается, но не так, как делают это люди, когда нервничают перед выступлением, а так, будто прочищают горло, перед тем как закричать.

Ожидания, суждения, отговорки, наваждения

Вылетают из меня, словно *сгустки крови* из *раны*,

Как зародыш из *чрева трупа* в *могиле*,

Смятые и *забрызганные*, как красные простыни

На постели в идеально стерильной **комнате**.

Не могу *дышать*,

Не могу *победить*,

В неизменном *положении* вынужден быть.

Что-то *держит в узде часть* злосчастной души,

Брошенной на *произвол* в этой жуткой глуши.

Остается *копать* изнутри, словно пленнику,

Что в незапертой камере в адском *огне*,

В этом чертовом пекле свое бремя несет.

Дверь он может открыть, ведь не *нужно* ключа!

Но вот только
Зачем уходить сгоряча?
Многословность и околичности – суть его
анархической личности!

В комнате воцаряется оглушительная тишина. Никто не издает ни звука, не шевелится, не начинает хлопать. Все охвачены благоговением. Я тоже. И как, позвольте спросить, может он надеяться на мой уход, вытворяя подобное?

– Ну вот, это выглядит примерно так, – совершенно будничным тоном произносит Уилл и садится за стол.

Остаток урока он рассказывает о слэм-поэзии. Я изо всех сил стараюсь слушать его объяснения, но в голове крутится только одна мысль: он даже не взглянул в мою сторону. Ни разу!

* * *

В столовой я сажусь рядом с Эдди. К нам подходит парень, который на занятиях Уилла сидит через пару рядов от меня. В левой руке у него два подноса, а в правой – рюкзак и пакет с чипсами. Он бросает рюкзак на стул напротив меня и начинает составлять всю еду на один поднос. Справившись с этой нелегкой задачей, достает из рюкзака двухлитровую бутылку колы, ставит ее на стол, открывает и пьет прямо из горла. Быстро глотая шипучую жидкость, смотрит на меня, ставит бутылку на стол и вытирает рот.

– Слышь, новенькая, а ты правда будешь пить шоколадное молоко?

– Ну да, иначе зачем бы я его взяла, – киваю я.

– А ролл есть будешь?

– Ну, вообще-то, для этого он тут и стоит!

Он пожимает плечами и берет ролл с подноса Гевина, пока тот не видит. Гевин оборачивается, пытается схватить его за руку, но уже слишком поздно...

– Ник, чувак, ты что творишь? Хватит уже! Все равно не наберешь пять кило к пятнице, – увещевает его Гевин.

– Не пять, а четыре с половиной, – с набитым ртом поправляет его Ник.

Эдди берет свой ролл и кидает его Нику. Тот умудряется поймать подарок на лету и подмигивает ей.

– А вот твоя девушка в меня верит! – обращается он к Гевину.

– Он занимается тяжелой атлетикой, – объясняет мне Эдди. – Если хочет выступить в своей весовой категории в пятницу, то надо набрать

четыре с половиной кило... в общем, плохо дело!

Услышав такое, я молча кладу свой ролл на поднос Ника. Он подмигивает мне и густо намазывает ролл маслом.

Я очень благодарна Эдди, что она так быстро со мной подружилась. Правда, в этом вопросе у меня, собственно, и не было права голоса – она сразу взяла быка за рога. В моем классе в Техасе был всего двадцать один человек. Я, конечно, дружила с некоторыми, но, поскольку выбор изначально был невелик, никогда не считала кого-либо действительно близкой подругой. Чаще всего я проводила время с Керрис, но после отъезда мы с ней даже не созванивались. А вот Эдди, судя по всему, очень интересная барышня, поэтому я искренне надеюсь, что мы с ней подружимся по-настоящему!

– Вы с Гевином давно встречаетесь? – спрашиваю я.

– С десятого класса. Я случайно сбила его на парковке, – сообщает Эдди и, с улыбкой взглянув на Гевина, добавляет: – Это была любовь с первого столкновения. А у тебя есть парень?

Мне так хочется рассказать ей об Уилле: о том, как мы познакомились, как меня тут же охватило чувство, какого я раньше никогда не испытывала. О нашем первом свидании, о том, как весь вечер мне казалось, что мы знакомы уже много лет. Хочется рассказать ей о его стихах, о поцелуях – в общем, обо всем. А главное, о том, как встретила его в коридоре и поняла, что судьба сыграла с нами злую шутку и мы ничего не можем с этим поделать. Но я понимаю, что этого делать нельзя. Я должна сохранить все в тайне. Поэтому, немного помолчав, я просто отвечаю:

– Нет.

– Правда? У тебя нет парня? Ну это ненадолго. Дело поправимое.

– Да ладно, что тут поправлять? Все и так вполне исправно!

Эдди смеется, поворачивается к Гевину и начинает обсуждать потенциальных кандидатов на звание парня ее новой одинокой подруги.

* * *

Наконец-то неделя заканчивается! Давно я не выезжала со школьной парковки с чувством столь глубокого облегчения... Конечно, Уилл живет через дорогу от меня, но дома я чувствую себя куда более уверенно и не так уязвимо, как в классе, когда мне приходится сидеть в паре метров от него. За всю неделю он умудрился ни разу на меня не посмотреть. Будь это даже мимолетный взгляд в мою сторону, я бы его не пропустила – сама я глаз с Уилла не свожу.

По дороге домой я делаю небольшой крюк, чтобы заехать в магазин, и

покупаю несколько фильмов и много вредной для здоровья еды. Мне же предстоят целые выходные в четырех стенах, так что надо как следует подготовиться.

Войдя в дом, я вижу, что мама сидит за стойкой на кухне, и по напряженному выражению ее лица понимаю, что она не очень-то рада меня видеть.

Я кладу диски и пакеты с едой на стойку прямо перед ней.

– Собираюсь провести выходные в компании Джонни Деппа, – как ни в чем не бывало сообщаю я.

– Сегодня я забирала Кела и Колдера из школы и кое-что узнала. – Мама даже не пытается изобразить улыбку.

– Правда? Мама, ты не заболела? У тебя голос какой-то осипший.

Я пытаюсь сменить тему, хотя понимаю, что на самом деле она хочет сказать: «Друг твоего младшего брата рассказал мне кое-что, но я должна была услышать это от тебя».

– Ничего не хочешь мне сказать? – спрашивает она, буравя меня взглядом.

Я открываю бутылку с водой и делаю глоток. Похоже, разговор, который я планировала на вечер, состоится раньше...

– Мам... я собиралась тебе рассказать, честное слово.

– Он работает учителем в твоей школе, Лейк! – Мама срывается на крик, но у нее начинается приступ кашля. Она прикрывает рот платком и отходит от стойки, но быстро берет себя в руки и продолжает, но уже намного тише, стараясь не привлекать внимание девятилетних мальчишек, которые крутятся где-то рядом, в гостиной. – Тебе не кажется, что ты должна была сказать об этом до того, как я отпустила тебя с ним на свидание?!

– Я не знала. И он не знал, – оправдываюсь я.

– Лейк, приди в себя! – Мама склоняет голову набок и закатывает глаза, как будто я ее чем-то оскорбила. – Ты что, не понимаешь, что он в одиночку растит младшего брата? Его карьера...

С улицы доносится шум двигателя – Уилл приехал домой. Мы обе нервно оглядываемся на входную дверь. Я вскакиваю и загораживаю маме дорогу, чтобы успеть ей все объяснить. Она отталкивает меня и выходит на крыльцо. Я бегу за ней.

– Мама, пожалуйста! Я все тебе объясню! Послушай меня!

Она подходит к машине Уилла. Улыбка, появившаяся было на его лице, исчезает, как только за спиной мамы он видит меня. Сразу становится ясно, что это не визит вежливости...

– Джулия, прошу вас, давайте зайдём в дом и поговорим.

Мама молча шагает к его дому и скрывается за дверью. Уилл вопросительно смотрит на меня.

– Твой брат сегодня сказал ей, что ты учитель. А я ещё не успела с ней поговорить, – скороговоркой объясняю я.

Он вздыхает, и мы с понурым видом заходим в дом. С тех пор как я узнала о смерти его родителей, я ещё не была здесь. Кажется, здесь ничего не изменилось, но в то же время дом выглядит совершенно по-другому. Тогда, в первый день нашего знакомства, я думала, что хозяева в этом доме – его родители, что его жизнь мало чем отличается от моей. А теперь все, что меня окружает, позволяет увидеть Уилла в ином свете. Я понимаю, что он взрослый, ответственный человек.

Мама с напряженным видом сидит на диване. Уилл молча заходит в гостиную, присаживается на краешек кресла напротив и наклоняется вперед, опираясь локтями о колени.

– Я все вам объясню... – серьезно и почтительно начинает он.

– Надеюсь, – бесстрастно отвечает мама.

– Дело в том, что я слишком многое лишь предполагал, но не знал наверняка. Я думал, она старше. Во всяком случае, мне так казалась. Когда она сказала, что ей восемнадцать, я решил, что она как раз поступила в колледж. Сейчас сентябрь, обычно в восемнадцать лет в школе уже не учатся.

– Обычно не учатся. Но ей исполнилось восемнадцать всего две недели назад!

– Да-да, теперь я понимаю, – бросив на меня взгляд, быстро соглашается он. – Первую неделю после вашего приезда она в школу не ходила, поэтому я сделал неверный вывод. А в разговоре эта тема почему-то не всплывала...

У мамы снова начинается приступ кашля. Мы с Уиллом терпеливо ждем, пока он пройдет, но приступ становится сильнее, и ей приходится встать и сделать несколько глубоких вдохов. Если бы я не заметила, что она болеет, то наверняка решила бы, что виной всему сильное волнение. Уилл идет на кухню и приносит ей стакан воды. Мама делает несколько глотков и подходит к окну, выходящему во двор, где играют Колдер и Кел. Я слышу их радостный смех. Мама открывает дверь и выходит на крыльцо.

– Кел! Колдер! Не валяйтесь на земле! – кричит она, закрывает дверь и поворачивается к нам. – И когда же эта тема «всплыла»?

Я молчу, не в силах открыть рот. В их присутствии я чувствую себя

маленькой. Двое взрослых ругаются на глазах у ребенка – ощущение примерно такое.

– Мы узнали, только когда она пришла ко мне на урок, – отвечает Уилл.

– К нему на урок?! – пораженно произносит мама, уставившись на меня большими глазами. – Ты еще и в его классе?! Она в твоём классе?! – повторяет она, повернувшись к Уиллу.

Господи, в ее устах это звучит ужасно, как смертный грех!

Она встает и начинает ходить взад-вперед по гостиной, мы с Уиллом молчим, давая ей время переварить услышанное.

– Вы хотите сказать, что обо всем этом и понятия не имели, пока не встретились в школе? – переспрашивает она, и мы согласно киваем. – И что, черт возьми, теперь будет?

Мы молчим, надеясь, что ей чудесным образом удастся за пять минут найти решение проблемы, которое мы безуспешно пытаемся найти уже неделю.

– Мы с Лейк стараемся пережить это... постепенно, день за днем, – наконец отвечает Уилл.

– «Лейк»?! – возмущается мама. – Ты называешь ее «Лейк»?!

Не выдержав ее обвиняющего взгляда, Уилл опускает глаза в пол и откашливается.

Мама вздыхает и садится рядом с Уиллом на диван.

– Вы оба должны очень хорошо понимать серьезность положения! Я знаю свою дочь и прекрасно вижу, что ты ей нравишься, Уилл! Сильно нравишься! Если у тебя есть к ней хоть какие-то чувства, то ты сделаешь все возможное, чтобы отдалиться от нее. И перестать звать ее Лейк! Это ставит под угрозу твою карьеру и ее репутацию!

Она встает, идет к выходу, открывает дверь и ждет, пока я последую за ней. Теперь она точно не оставит нас наедине даже на минуту.

Мимо нас с визгами проносятся Кел и Колдер и тут же исчезают в комнате Колдера. Мама смотрит им вслед и снова обращается к Уиллу:

– Надеюсь, на мальчиках это никак не скажется. Полагаю, мы должны постараться устроить так, чтобы вы с Лейк общались как можно меньше.

– Конечно, я полностью с вами согласен, – быстро отвечает он.

– Я работаю в ночную смену, утром сплю. Если ты сможешь отвозить их в школу, то Лейк или я будем забирать их. А они уже сами решат, кому домой идти. По-моему, им нравится бегать туда-сюда.

– Отличный вариант! Большое вам спасибо!

– Твой брат – хороший парнишка, Уилл.

– Джулия, я буду только рад... Я не видел Колдера таким счастливым с

тех пор, как... – Он осекся и не закончил фразу. – Джулия, вы собираетесь обсуждать эту проблему в школе? Я пойму, если вы примете такое решение, просто мне хотелось бы подготовиться к разговору заранее...

– Сейчас между вами нет ничего такого, о чем мне пришлось бы сообщить? Или есть? – спрашивает она, переводя взгляд с него на меня.

– Нет! Клянусь! – быстро отвечаю я, надеясь, что Уилл взглянет на меня и поймет, что я чувствую себя виноватой. Но он даже не смотрит в мою сторону.

Как только он закрывает за нами дверь, я наконец срываюсь.

– Как ты могла?! – кричу я. – Даже не дала мне самой все объяснить!

Я бросаюсь через дорогу, не оглядываясь, влетаю в дом и запираюсь в своей комнате, не собираясь выходить, пока мама не уйдет на работу.

* * *

– Лейкен, у нас есть сухой лимонад? – Кел стоит в дверях весь в снегу.

Обычно он задает задачки посложнее, поэтому я достаю из шкафчика пакетик виноградного «Кул-эйда» и протягиваю ему, даже не спрашивая, зачем он ему понадобился.

– Нет, фиолетовый не подойдет, надо красный, – заявляет он.

Я забираю у него фиолетовый пакетик и приношу красный.

– Спасибо! – бросает Кел и исчезает за дверью.

Я беру тряпку и вытираю лужи в прихожей. Еще и девяти утра нет, а Кел и Колдер уже больше двух часов бесятся в снегу. Я сажусь за барную стойку и допиваю свой кофе, разглядывая грудку вредной еды, которую мне уже и есть-то не хочется. Мама пришла домой в полвосьмого утра, залезла под одеяло и наверняка не встанет часов до двух дня. Я все еще злюсь на нее и не имею никакого желания продолжать вчерашний разговор, а значит, у меня есть еще пять часов, после чего придется уйти к себе в комнату. Беру со стойки первый попавшийся диск и пакет шоколадных конфет, хотя аппетита у меня совсем нет. Если кто и может отвлечь меня от мыслей об Уилле, то разве что Джонни Депп.

В середине фильма в дом влетает Кел, хватая меня за руку и тащит на улицу.

– Кел, прекрати! Я не пойду!

– Ну пожалуйста! Всего на минутку! Ты просто обязана посмотреть, какого мы слепили снеговика!

– Ладно... Подожди, я хоть сапоги надену...

Едва дождавшись, пока я натяну сапоги, он снова хватая меня за руку и вытаскивает на улицу. Я безропотно подчиняюсь, прикрывая глаза рукой

от слепящего солнца, отражающегося от снега.

– Вот, смотри! – раздается голос Колдера, но обращается он не ко мне.

Колдер тащит к нам во двор старшего брата, точно так же, как Кел вытащил меня. Нас заводят за джип, ставят в нескольких сантиметрах друг от друга и ждут, что мы скажем об их шедевре.

Теперь я понимаю, зачем им понадобился красный «Кул-эйд»: перед нами, сразу за джипом, лежит мертвый снеговик. Глаза сделаны из сучков, выражение лица жутковатое. Две тоненькие веточки, изображающие руки, лежат рядом, одна из них наполовину засунута под заднее колесо моей машины. По голове и шее стекают две красные струйки «Кул-эйда», растекающиеся огромным ярко-красным пятном на метр вокруг пострадавшего.

– Он попал в жуткую аварию, – серьезно говорит Кел, и они с Колдером начинают хохотать как ненормальные.

Мы с Уиллом смотрим друг на друга, и он мне улыбается! Впервые за целую неделю!

– Ничего себе! Пойду схожу за фотоаппаратом! – говорит он.

– Я тоже, – улыбаюсь я и иду в дом.

Значит, вот как мы теперь будем общаться? Вести светскую беседу на глазах у младших братьев? Избегать друг друга при посторонних? Такая перспектива меня просто бесит!

Когда я возвращаюсь с фотоаппаратом, мальчики все еще восхищенно созерцают место преступления, и я делаю пару кадров.

– Кел, а давай теперь убьем снеговика машиной Уилла! – выкрикивает Колдер, и они бросаются через дорогу.

Мы с Уиллом остаемся вдвоем и, не зная, куда деть глаза, притворяемся, что внимательно разглядываем снеговика. Через минуту Уилл оборачивается и смотрит на наших братьев, которые играют перед его домом.

– Им повезло друг с другом, – тихо произносит он.

Я пытаюсь понять, есть ли в его словах какой-то подтекст, или он просто сообщает мне и без того очевидную вещь.

– Да, повезло, – соглашаюсь я.

Мы наблюдаем за тем, как мальчишки возятся в снегу. Уилл делает глубокий вдох и потягивается:

– Ну, я, пожалуй, пойду домой.

– Уилл, подожди! – окликаю его я. Он оборачивается и молча смотрит на меня, засунув руки в карманы. – Прости за вчерашнее... мама тебе такого наговорила...

Я невольно опускаю взгляд. И не только потому, что снег слепит глаза, но и потому, что мне больно смотреть на Уилла.

– Все в порядке, Лейкен.

Значит, теперь он будет обращаться ко мне официально...

Уилл пинает ботинком залитый «кровью» снег.

– Она просто делает то, что должна делать мать... Не стоит так на нее злиться, – тихо продолжает он. – Тебе повезло, что она у тебя есть.

Уилл резко поворачивается и идет домой. Меня охватывает чувство вины: каково это, не иметь родителей? А я жалуясь на единственного родителя, который остался у нас четверых. Мне стыдно, что я завела об этом речь. Стыдно, что я разозлилась на маму, – сама виновата, надо было сразу рассказать ей. Уилл, как всегда, прав. Мне и правда повезло, что она у меня есть.

* * *

После обеда я слышу, как мама включает душ у себя в ванной, разогреваю ей остатки еды, завариваю чай, ставлю все на стойку и сажусь напротив. Наконец она выходит на кухню, видит еду, слегка улыбается и садится на свое место.

– Это предложение заключить перемирие или еда отравлена? – уточняет она, кладя на колени салфетку.

– А ты попробуй – и узнаешь.

Она с опаской смотрит на меня, пробует еду, жует, ждет положенную минуту и, убедившись, что ее жизни ничто не угрожает, продолжает есть.

– Прости, мам. Надо было сразу тебе рассказать... Просто я действительно жутко расстроилась.

В ее глазах такая жалость, что я быстро отворачиваюсь и, чтобы хоть как-то отвлечься, начинаю мыть посуду.

– Лейк, я знаю, как сильно он тебе нравится, знаю! Мне он тоже нравится. Но, как я уже сказала вчера, это невозможно. Пообещай мне, что ты не натворишь глупостей.

– Обещаю, мам. Он однозначно дал мне понять, что не хочет со мной общаться, так что тебе не о чем беспокоиться.

– Надеюсь, это правда, – говорит она, глядя в тарелку.

Я домываю посуду и возвращаюсь в гостиную, где меня по-прежнему ждет любимый Джонни.

Глава 6

*Your heart says not again
What kind of mess have you got me in?
But when the feeling's there
It can lift you up and take you anywhere.*

«The Avett Brothers». *Living of Love*^[10]

Следующие несколько недель пролетают незаметно: домашних заданий становится все больше, а на уроках Уилла одиночество ощущается все сильнее. После трагической гибели снеговика мы ни разу не разговаривали, даже в глаза друг другу не смотрели. Он бежит от меня как от чумы.

Не могу сказать, что я привыкла к Мичигану. Возможно, вся эта история с Уиллом только усугубила положение дел. У меня осталось лишь одно желание: спать, спать, спать... Наверное, потому, что во сне стихает душевная боль.

Эдди постоянно предлагает мне все новые и новые варианты заполнения пустоты в графе «бойфренд», но ни один из них меня не заинтересовал. От отчаяния она поменялась местами с Ником на уроках Уилла, надеясь, что у нас с ним что-нибудь выйдет.

Да не выйдет ничего...

– Эй, Лейкен! – улыбаясь, окликает меня Ник, придвигаясь поближе. – Вот еще один, специально для тебя! Рассказать?

Только на этой неделе Ник умудрился вконец измучить меня анекдотами про Чака Норриса – минимум по три штуки в день! Он пребывает в неведении, полагая, что раз я из Техаса, то должна с ума сходить по техасскому рейнджеру Крутому Уокеру.

– Конечно расскажи, – обреченно соглашаюсь я, давно уяснив, что отказываться бесполезно.

– Сегодня Чак Норрис завел почту на g-mail. Его новый адрес: gmail@chucknorris.com!

Я не сразу понимаю, в чем прикол. Обычно я быстро реагирую на шутки, но в последнее время что-то торможу, и у меня есть на то свои причины...

– Забавно, – отвечаю я, чтобы сделать ему приятное.

– Чак Норрис досчитал до бесконечности. Дважды.

Не знаю, что в этом веселого, но все-таки смеюсь. Ник, конечно, меня достает, но его невежество умиляет.

В аудиторию входит Уилл и награждает Ника убийственным взглядом. На меня он не обращает ровным счетом никакого внимания, но мне хочется думать, что где-то в глубине души он все-таки ревнует. Больше того, в присутствии Уилла я демонстративно проявляю к Нику повышенный интерес. Сама себя ненавижу за желание заставить его ревновать, но ничего не могу поделать. Главное – вовремя остановиться, пока Нику не взбредет в голову, что он мне действительно нравится, хотя это не просто. Но в данной ситуации ничего другого мне не остается.

– Достаем тетради! Сегодня будем писать стихи, – сообщает Уилл, садясь за стол.

Полкласса мрачно вздыхает, а Эдди в восторге хлопает в ладоши.

– А можно писать вдвоем? – спрашивает Ник, потихоньку двигая свой стол к моему.

– Нельзя! – сердито отвечает Уилл, Ник пожимает плечами и отодвигает стол обратно. – Каждый из вас должен написать небольшое стихотворение, с которым завтра вы будете выступать перед классом.

Я начинаю делать кое-какие заметки, просто для того, чтобы не смотреть на него, пока он объясняет задание. Остаться в его классе – очень плохая идея: я не могу его внимательно слушать, все время пытаюсь угадать, что у него на уме, думает ли он о нас, что будет делать сегодня вечером. Впрочем, дома я тоже постоянно о нем думаю. Ловлю себя на том, что все время смотрю в окно на его дом. Если честно, то, даже если бы я перешла в другой класс, это ничего бы не изменило. Просто после школы я сломя голову неслась бы домой, чтобы приехать первой, а потом, спрятавшись за занавеской, смотреть, как он подъезжает к дому и выходит из машины. Моя жизнь превратилась в игру с самой собой, причем в игру крайне утомительную. Как бы я хотела найти способ избавиться от этой привязанности... Вот у него, по-моему, получается неплохо...

– Для завтрашней презентации достаточно всего десяти предложений. В течение пары недель мы сможем доработать ваш текст, и тогда вам будет с чем прийти на слэм, – продолжает Уилл. – Я не забыл, не думайте! Пока что никто из вас там не появлялся. Помните, у нас с вами уговор.

Весь класс начинает протестовать.

– Мы так не договаривались! – возмущается Гевин. – Вы же сказали, что мы должны просто сходить туда, посмотреть, как все происходит. А теперь выясняется, что мы еще и выступать должны?

– Ну на самом деле не должны. Достаточно посетить один слэм.

Выступать вы не обязаны. Главное – посмотреть и послушать. Однако всегда есть вероятность, что вас выберут для «жертвоприношения», поэтому иметь что-нибудь наготове не помешает.

Несколько человек в один голос интересуются, что такое «жертвоприношение». Уилл объясняет, что любого из присутствующих в зале могут попросить выйти на сцену и прочесть что-нибудь, поэтому у каждого на всякий случай должна быть какая-то заготовка.

– А если мы захотим выступить? – спрашивает Эдди.

– Вот что, давайте-ка заключим еще одну сделку, – предлагает Уилл. – Те, кто выступит на слэме по доброй воле, – получают зачет автоматом.

– Отлично, я согласна! – ликует Эдди.

– А если мы туда не пойдем, тогда что? – спрашивает Хави.

– Пропустишь потрясающее мероприятие. Ну и еще схватишь двойку за активность на занятиях, – отвечает Уилл.

Хави закатывает глаза и громко стонет.

– А о чем можно писать? – спрашивает Эдди.

– О чем угодно, – отвечает Уилл, подходя поближе и останавливаясь в паре сантиметров от меня. – Здесь нет никаких правил. Можно писать о любви, о еде, о любимом занятии, о чем-то важном, что произошло у вас в жизни. Можно писать о том, как сильно вы ненавидите вашего преподавателя поэзии. В общем, о чем угодно, лишь бы это вызывало у вас сильные чувства. Если их нет, слушатели сразу это поймут и не станут вас слушать, а это, уж поверьте мне, неприятно, – объясняет он, судя по всему, исходя из собственного опыта.

– А как насчет секса? Про секс можно писать? – спрашивает Хави, явно провоцируя Уилла.

Но тот не ведется.

– О чем угодно. Если, конечно, не боитесь реакции родителей.

– А если родители нас туда непустят? Ну, в смысле, это же все-таки ночной клуб, – спрашивает кто-то с задних рядов.

– Их беспокойство вполне можно понять. Если родители будут сомневаться, я готов поговорить с ними. Кстати, клуб находится неблизко, так что, если возникнут проблемы с транспортом, возьмем школьный микроавтобус. В общем, не переживайте – прорвемся! Я очень трепетно отношусь к слэмам, будет просто несправедливо с моей стороны лишить вас возможности получить такой незабываемый опыт. В течение этой недели я буду готов ответить на все ваши вопросы относительно плана занятий в этом семестре, а пока давайте займемся делом. У вас есть весь урок на то, чтобы написать стихотворение. Завтра начинаем презентации.

Вперед!

Я открываю тетрадку и смотрю на чистые страницы, совершенно не представляя, о чем писать. Последнее время я думаю только о Уилле, но о нем я уж точно не стану писать!

К концу урока в моей тетради не появляется ничего, кроме имени и фамилии. Я украдкой бросаю взгляд на Уилла: он сидит за столом, прикусив губу, и смотрит на мой стол, на пустую тетрадь. Он поднимает глаза и замечает мой взгляд. Впервые за последние три недели мы смотрим друг другу в глаза. Удивительно, но он не отворачивается. Если бы он только знал, о чем я думаю, глядя на то, как он кусает губы, то, наверное, не просто бы отвернулся, а вообще вышел из класса. Я краснею, в аудитории вдруг становится невыносимо душно. Нас спасает звонок. Уилл встает, подходит к двери, открывает ее, смотрит вслед выходящим из класса ученикам. Я быстро убираю тетрадку, надеваю сумку на плечо и, опустив глаза, выскальзываю в коридор, спиной чувствуя его взгляд.

Только я решила, что он и думать обо мне забыл, и вот тебе на! Остаток дня я веду себя тише воды ниже травы и пытаюсь разгадать мотивы его поведения. В конце концов нахожу единственно разумное объяснение: он так же запутался, как и я.

* * *

С облегчением выйдя из школы, я подставляю лицо теплым солнечным лучам и иду к своему джипу. Весь октябрь стояли жуткие холода, но, судя по прогнозу, ближайшие две недели мы сможем немного отдохнуть от снега, пока не начнется настоящая зима. Сев в машину, я вставляю ключ в зажигание и поворачиваю его.

Ничего не происходит.

Отлично, теперь еще и джип накрылся! Я понятия не имею, что делать в таких случаях, но все-таки открываю капот и заглядываю под него: куча каких-то проводов и железных деталей приводит меня в недоумение, ведь я ничего не смыслю в устройстве автомобиля. Впрочем, я знаю, как выглядит аккумулятор, поэтому достаю из багажника монтировку и стучу по нему. Снова пытаюсь завестись, но ничего не получается, и тогда я решаю постучать посильнее, надеясь, что в запале не испорчу его окончательно.

– Плохая идея, – раздается за моей спиной голос Уилла.

Я оборачиваюсь. Он стоит совсем рядом с сумкой через плечо и сейчас гораздо больше похож на учителя, чем просто на Уилла.

– Спасибо, я и так знаю, что многое из того, что я делаю, кажется тебе

плохой идеей, – огрызаюсь я из-под капота.

– А что случилось? Не заводится? – Он заглядывает внутрь и начинает возиться с проводами.

Что он, черт побери, творит?! Сначала говорит, что мы не должны разговаривать на людях, потом пялится на меня на уроке, а теперь пытается починить мою машину?! Терпеть не могу непоследовательность!

– Уилл, ты что делаешь?

– А сама как думаешь? – спрашивает он, выглядывая из-за капота и удивленно смотря на меня. – Пытаюсь выяснить, что у тебя с машиной. – Он садится за руль и пробует завести машину.

– В смысле, ты зачем это делаешь? Ты же просил, чтобы я к тебе не подходила!

– Лейкен, а что тут такого?! Одна из моих учениц застряла на парковке. Не могу же я просто сесть в свою машину и уехать.

Он предельно ясно выражается, но мне все равно обидно. Видимо, он понимает, что выразился неудачно, вздыхает, выходит из машины и снова залезает под капот.

– Слушай, я не это имел в виду, – бормочет он, продолжая мучить провода.

– Мне и так тяжело, Уилл, – тихо говорю я, наклоняясь рядом и пытаюсь выглядеть естественно и непринужденно. – Тебе легко удалось смириться с тем, что произошло, а мне – нет! Да я ни о чем другом даже думать не могу!

– По-твоему, мне легко? – шепчет Уилл, повернувшись ко мне и опираясь обеими руками на капот.

– Похоже, что да!

– Лейк, ты жестоко ошибаешься. Каждый день я заставляю себя идти на работу и думаю о том, что из-за этого мы не можем быть вместе, – тихо говорит он, отвернувшись от меня. – Если бы не Колдер, я бы уволился в тот самый день, когда мы с тобой встретились в коридоре. Взял бы академку на год, ты бы закончила школу, и я бы вернулся. Поверь мне, – едва слышно шепчет он, поворачиваясь ко мне, – я прокручивал в голове все возможные варианты. Думаешь, мне легко видеть, как ты страдаешь из-за меня? Что из-за меня ты все время такая грустная?

Такой искренности я от него совсем не ожидала... я даже не подозревала, что все на самом деле вот так...

– Прости... прости... я думала, что...

– С аккумулятором все в порядке, – перебивает меня Уилл, снова поворачиваясь к машине, – похоже, дело в генераторе.

– Что, не заводится? – спрашивает Ник, подходя к нам, и я тут же понимаю, почему Уилл так резко перебил меня на полуслове.

– Ага. Мистер Купер думает, что надо генератор менять...

– Отстой! – провозглашает Ник, заглянув под капот. – Хочешь, подвезу тебя домой? – предлагает он, и я уже собираюсь было отказаться, но Уилл не дает мне даже рта открыть.

– Было бы здорово, Ник, – произносит он, закрывая капот джипа.

Я умоляюще смотрю на Уилла, но он делает вид, что не замечает моего молчаливого протеста, и уходит, оставляя меня с Ником.

– Я вон там стою, – машет рукой Ник, поворачивая к своей машине.

– погоди, я вещи возьму!

Взяв сумку, я собираюсь вытащить из зажигания ключ, но его там нет, – наверное, Уилл по ошибке прихватил его. На всякий случай я оставляю дверь приоткрытой – вдруг ключи просто потерялись. Не хватает еще вызывать мастера, чтобы тот вскрыл мне машину, мы и так по уши в долгах.

– Ого! Классная тачка! – охаю я, увидев черный спортивный автомобиль Ника. Не знаю, что это за марка, но сияет как новенькая.

– Не моя, – вздыхает он, – папина. Он разрешает мне брать ее, когда сам не ездит на работу.

– Ну, все равно классная. Давай проедем мимо начальной школы Чепмена, ладно? Я должна братишку забрать.

– Без проблем, – кивает Ник, выезжая с парковки, и сворачивает налево.

– Ну что, новенькая, скучаешь по Техасу? – Хотя мы уже месяц учимся в одном классе, Ник по-прежнему называет меня новенькой.

– Ага, – односложно отвечаю я.

Он пытается поддерживать разговор, но я воспринимаю все его вопросы как риторические и не отвечаю. Все мои мысли заняты тем, что успел сказать мне Уилл, пока Ник все не испортил. До Ника наконец-то доходит, что я не в настроении болтать, поэтому он включает радио.

Мы подъезжаем к начальной школе, я выхожу из машины и машу Келу рукой, чтобы он заметил меня. Они с Колдером тут же подбегают ко мне и хором спрашивают:

– А где твой джип?

– Не заводится. Залезай. Ник отвезет нас домой.

– А, понятно... Колдер сегодня тоже едет с нами.

Я открываю заднюю дверь, мальчишки забираются на тесные сиденья и принимаются охать и ахать от восхищения. Всю дорогу до дома они сравнивают своих трансформеров и обсуждают машину Ника. Как только

мы останавливаемся, Кел и Колдер выскакивают из машины, бегут и скрываются за дверь. Поблагодарив Ника, я иду следом за мальчиками, но Ник открывает дверь и окликает меня:

– Лейкен, подожди!

Черт! Этого следовало ожидать... Я оборачиваюсь. Ник стоит на дорожке.

– Мы с Эдди и Гевином в конце недели собираемся сходить в «Гетти». Хочешь с нами? – заметно волнуясь, спрашивает он.

Да, надо было уже давно притормозить и перестать с ним кокетничать! Меня охватывает чувство вины, ведь я прекрасно понимаю, что намеренно ввела его в заблуждение.

– Не знаю. Мне надо сначала у мамы спросить. Договоримся завтра, ладно? – отвечаю я, но, увидев, с какой надеждой смотрит на меня Ник, жалею, что не отказалась сразу. Мне не хочется, чтобы он думал, что нравится мне.

– Ладно, завтра так завтра. Увидимся, – прощается он.

Я захожу в дом. Кел и Колдер сидят за барной стойкой и делают уроки.

– Колдер, а ты теперь с нами живешь, что ли? – спрашиваю я.

– Я могу пойти домой, если хочешь, – отвечает он, глядя на меня своими большими зелеными, совсем как у Уилла, глазами.

– Да нет! Я пошутила. Мне нравится, когда ты к нам приходишь, – тогда этот маленький негодяй не так сильно меня достает, – уверяю его я, обнимая Кела за плечи, а потом иду на кухню и наливаю себе стакан сока.

– А этот Ник – твой парень? А я думал, что мой брат будет твоим парнем! – внезапно выпаливает Колдер, застав меня врасплох, так что я аж соком поперхнулась.

– Нет, они оба – не мои парни. Колдер, мы с твоим братом просто друзья!

– Неправда, Лейкен! – Кел ехидно ухмыляется и переглядывается с Колдером. – Я же видел, как вы с ним целовались. Ну тогда, вечером, когда вы поздно вернулись. Стояли перед домом и целовались. Я в окно все видел!

У меня чуть сердце из груди не выскакивает! Я подхожу к ним и опираюсь обеими руками на стойку.

– Кел! Никогда больше не говори об этом! Никому! Понял меня? – строгим тоном говорю я.

Кел широко раскрывает глаза от страха, и мальчишки буквально вжимаются в спинки стульев.

– Я серьезно! – продолжаю я. – Это не то, что ты думаешь! Тебе просто

показалось, а если ты кому-нибудь об этом расскажешь, у Уилла будут очень большие проблемы, ясно?

Они кивают, и я ухожу к себе в комнату, достаю из сумки тетрадку и плюхаюсь на кровать, собираясь заняться уроками. Но не могу. Я думаю только о том, что будет, если кто-нибудь узнает о нас с Уиллом. Я в ужасе от того, что мы не можем быть вместе, но если его уволят – будет еще хуже! Ему необходима эта работа! Уилл был всего на год старше меня, когда умерли его родители, и он, по сути, усыновил Колдера. Чем больше я об этом думаю, тем сильнее чувствую себя виноватой за то, как вела себя с ним из-за его решения. Да, мне больно и обидно, что мы не вместе, но что это значит по сравнению с тем, что переживает Уилл! С каждым днем я все больше ощущаю себя его ученицей, а не равной.

Я решаю начать со стихотворения, которое не написала на уроке, но проходит полчаса, а я все так же сижу и смотрю на чистые страницы.

– А где твой джип? – спрашивает мама, заходя ко мне в комнату.

– Ой, я забыла тебе сказать! Не заводится. Говорят, генератор полетел. Оставила его на парковке у школы.

– Как ты могла об этом забыть? – с нескрываемым раздражением спрашивает она.

– Ну прости! Ты спала, когда я пришла домой. Ты же болеешь, поэтому я не хотела тебя будить.

– Не знаю, когда смогу отвезти его в ремонт, – вздыхает она и присаживается на край моей кровати. – Следующие несколько дней работаю. Ничего, если он пока постоит на школьной парковке? А потом я что-нибудь придумаю.

– Спрошу завтра. Хотя не думаю, что кому-то есть до этого дело, никто даже не заметит.

– Ладно. Мне пора на работу, – встает мама.

– погоди, у тебя же смена только через несколько часов начинается!

– Мне надо еще кучу дел сделать, – быстро отвечает она, закрывает за собой дверь и оставляет меня в сомнениях по поводу правдивости ее ответа.

* * *

Выйдя из душа, я сушу волосы феном, и тут мне кажется, что кто-то звонит в дверь. Я выключаю фен, прислушиваюсь, – действительно, снова звонят.

– Кел, открой дверь! – кричу я, натягивая домашние брюки и майку и убирая недосушенные волосы в хвост.

Раздается еще один звонок, я подбегаю к двери, смотрю в глазок, и сердце начинает биться в два раза быстрее: на пороге, скрестив руки на груди и опустив глаза, стоит Уилл! Я быстро оглядываюсь на себя в зеркало: да, сразу видно, что я только что из душа... ладно, я хоть не в тапочках Кела! Хотя какая, к черту, разница?

Я открываю дверь и приглашаю его войти. Он перешагивает через порог ровно настолько, чтобы дать мне возможность закрыть дверь, и останавливается.

– Я за Колдером пришел. Ему пора купаться.

Руки скрещены на груди, резкие, отрывистые фразы – верный знак того, что продолжения сегодняшних признаний не ожидается, поэтому я просто прошу его немного подождать и иду за Колдером. Заглядываю в комнату к Келу, потом к маме, потом в свою комнату – никого... больше комнат у нас нет.

– Их здесь нет, Уилл, – сообщаю я, возвращаясь в гостиную.

– Не может быть! У меня их тоже нет, – не верит он, идет по коридору и сам заглядывает во все комнаты и зовет мальчиков.

Я открываю дверь во внутренний двор, зажигаю фонарь и быстро сканирую взглядом территорию.

– Во дворе их тоже нет, – говорю я.

– Пойду еще раз у себя посмотрю, – обеспокоенно произносит Уилл и выходит на улицу.

Я иду за ним. Уже стемнело и стало намного холоднее, чем днем. Я начинаю волноваться по-настоящему: Келу с Колдером не пришло бы в голову болтаться на улице в такое время. Если их нет и у Уилла, то я даже не знаю, где их искать.

Уилл быстро обходит дом. Проходить как-то неудобно – до сих пор я дальше кухни у них не бывала, поэтому стою в дверях и жду.

– Никого нет, – с плохо скрываемым волнением говорит он.

Я в ужасе охаю, прикрывая рот рукой. Похоже, дело серьезное. Уилл видит, что я в шоке, и обнимает меня:

– Мы найдем их. Наверняка они просто заигрались где-то!

Он быстро убирает руки, отпускает меня, и идет к двери:

– Посмотри на заднем дворе, встретимся у входа!

Мы зовем мальчиков, выкрикиваем их имена, я начинаю паниковать. Однажды, когда Келу было четыре, меня оставили с ним одну, и я решила, что он потерялся. Бегала по всему дому минут двадцать, а потом разрыдалась и позвонила маме. Она вызвала полицию – те приехали через пару минут. Когда мама добралась до дома, поиски все еще продолжались.

Она посмотрела на меня с таким ужасом, что мы обе зарыдали. Минут через пятнадцать офицер обнаружил Кела в ванной, мирно спящим на стопке полотенец в шкафу. Он, видимо, решил спрятаться от меня и случайно уснул.

Я надеюсь, что и на этот раз все закончится так же быстро, но на заднем дворе их нет. Обойдя дом, я замечаю, что Уилл стоит на подъездной дорожке и заглядывает в окно своей машины. Я подбегаю к нему, но он прижимает палец к губам, делая мне знак молчать, и показывает на заднее сиденье. Там, на полу, свернувшись калачиком, мирно спят Кел и Колдер. Пальцы мальчишек переплетены, как будто они показывают «пистолетики».

– Слава богу, – с облегчением выдыхаю я.

– Да, охранники из них никудышные, – шепчет он.

– Это точно!

Мы с Уиллом стоим и с умилением разглядываем наших братишек. Он обнимает меня за плечи и слегка прижимает к себе. Объятие длится недолго, и я понимаю, что он таким образом всего лишь выражает облегчение, поскольку с мальчиками все в порядке.

– погоди секунду, не буди их! Мне надо тебе кое-что отдать. – Он уходит домой, я иду за ним следом.

С бьющимся сердцем я захожу на кухню, пытаюсь понять причину своего волнения: то ли виной всему долгие поиски мальчиков, то ли присутствие совсем рядом Уилла.

Он достает что-то из сумки и протягивает мне:

– Ключи от твоей машины.

– Ой, спасибо, – с некоторым разочарованием благодарю я. Уж не знаю, чего я ожидала. Может быть, заявления об уходе с работы по собственному желанию?

– Бегает как новенькая, так что завтра сможешь поехать на ней из школы, – сообщает он, подходит к дивану и садится.

– Да ты что?! Починил?!

– Ну, не я... Просто заехал к знакомому, и он запустил твой генератор.

Я вспоминаю, что сказал мне Уилл тогда, на парковке. Если честно, сомневаюсь, что он стал бы заниматься починкой генератора для «просто одной из учениц».

– Слушай, тебе не стоило заморачиваться, – говорю я, присаживаясь рядом. – Но спасибо тебе огромное. Сколько я тебе должна?

– Нисколько, что ты! Вы мне столько помогаете с Колдером последнее время... Я рад, что могу хоть как-то вас отблагодарить!

И вот я снова не знаю, что сказать, – совсем как в первый день нашего знакомства, когда он заклеил мне ссадину, а я стояла на кухне и думала, что же делать дальше. Мне бы, разумеется, встать и уйти, но находиться рядом с ним – такое счастье... Даже несмотря на то, что я снова оказалась у него в долгу. Собравшись с духом, я все-таки пытаюсь продолжить прерванный накануне разговор:

– Мы, кажется, с тобой вчера не договорили?..

– Не знаю, – отвечает он, ерзая на диване и кладя ноги на кофейный столик, – а ты придумала, что делать?

– Вообще-то, нет, – отвечаю я, и тут мне в голову приходит один вариант. – Но знаешь что... предположим, – осеняет вдруг меня, и я решаю прощупать почву, – что со временем наши чувства становятся еще более сложными...

Я боюсь, что он плохо отнесется к моей идее, поэтому пытаюсь говорить в меру расплывчато:

– Я могла бы попробовать сдать выпускные экзамены экстерном...

– Бред какой-то! Даже не думай об этом! – пристально глядя на меня, резко возражает он. – Ты не должна бросать школу, Лейк!

И вот он снова называет меня Лейк...

– Это всего-навсего идея...

– Всего-навсего дурацкая идея!

Мы оба умолкаем, потому что менее дурацких идей ни у кого из нас в наличии не имеется. Не поднимая головы со спинки дивана, я краем глаза наблюдаю за Уиллом: руки сцеплены на затылке, взгляд устремлен в потолок, челюсть напряжена, он рассеянно хрустит суставами пальцев.

Сейчас он одет не как преподаватель: простая белая облегающая футболка, серые спортивные брюки, почти как у меня. Я вдруг замечаю, что у него мокрые волосы. Уже несколько недель мы не оставались наедине, я уже начала забывать, как он пахнет. Сделав глубокий вдох, я наслаждаюсь ароматом его лосьона после бритья – так пахнет воздух в Техасе перед самым началом дождя.

За левым ухом у него осталась маленькая капелька пены для бритья, я осторожно стираю ее. Он хмурится, поворачивается ко мне, и я тут же поднимаю палец, чтобы доказать ему, что коснулась его не просто так, но он вдруг берет меня за руку и вытирает мой палец о свою рубашку.

Уилл прижимает мою ладонь к груди, и мы молча смотрим друг на друга. Я чувствую, как бешено колотится его сердце. Это все очень неправильно, но вместе с тем по-другому просто и быть не может. Моя рука, по-прежнему лежащая на его груди, опускается и поднимается в такт

его дыханию. Уилл смотрит на меня совсем как сегодня в классе. Но на этот раз моя реакция оказывается намного сильнее, и мне приходится изо всех сил сдерживать себя, чтобы не поддаться искушению поцеловать его. Я ждала этого разговора больше месяца, ведь он почти сразу начал делать вид, будто меня не существует, а мне еще столько нужно было ему сказать! Мне страшно даже думать, что, как только я выйду из этого дома, все вернется на круги своя, поэтому я решаю высказать все, что накопилось на душе.

– Уилл, – шепчу я, – я буду ждать тебя... буду ждать, пока закончу школу...

– Это очень долго, Лейк, – вздыхает он, закрывает глаза и легонько поглаживает мою руку большим пальцем. Я чувствую, как учащается его пульс. – За год многое может измениться.

Не знаю, что на меня вдруг находит, но я придвигаюсь к нему поближе и заглядываю в глаза – мне необходимо смотреть ему в глаза! – но он не отрывает взгляда от своей руки, которая медленно скользит вверх по моему плечу. На меня обрушивается шквал ощущений, подобный тому, который я испытала в тот вечер, когда мы впервые поцеловались. Господи, как я скучала по его рукам!

Уилл медленно и методично гладит меня по плечу, пальцы проскальзывают под майку, нежно обводят контуры моего тела. Уилл убирает ноги со стола и поворачивается ко мне. Лицо его отражает внутреннюю борьбу, но он все-таки наклоняется и прижимается губами к моему плечу. Я обнимаю его за шею и глубоко вздыхаю. Он тяжело дышит, покрывая поцелуями мое плечо, шею, комната начинает вращаться, и я прикрываю глаза. Его губы добираются до моего лица, приближаясь к губам, но тут он вдруг резко отстраняется. Я удивленно открываю глаза и обнаруживаю, что он внимательно вглядывается в мое лицо. Немного помедлив, он все-таки целует меня.

Раньше его поцелуи всегда были осторожными и нежными, а сейчас я ощущаю с трудом сдерживаемую страсть. Его ладони проникают под футболку, обнимают меня за талию. Я отвечаю на его поцелуи с таким же лихорадочным возбуждением, провожу рукой по его волосам и привлекаю его к себе, ложась на диван. Он уже готов прижаться ко мне, но вдруг резко привстает и отталкивает меня.

– Мы должны остановиться. Так нельзя... – зажмурившись, стонет он, откидываясь на спинку дивана.

Я обнимаю его за шею, не обращая внимания на его слова, глажу по волосам, целую и ложусь ему на колени. Он снова обнимает меня за талию,

привлекает к себе и отвечает на мой поцелуй еще более страстно, чем раньше.

Уилл прав – с каждым разом становится все лучше и лучше!

Нащупав низ его рубашки, я осторожно тяну ее вверх, на долю секунды наш поцелуй прерывается, и рубашка летит в сторону. Я жадно глажу его грудь и плечи, не отрываясь от губ. Он хватается меня за руки и прижимает к дивану, я ожидаю, что он вот-вот снова поцелует меня, но он отшатывается и вскакивает на ноги.

– Лейкен, вставай! – Он хватается меня за руку и рывком поднимает с дивана.

Я встаю, еще не успев прийти в себя и отдышаться.

– Мы не должны это допустить! – Хриплым голосом произносит он. – Я твой учитель! Теперь все изменилось, мы не имеем права!

Время для такой тирады выбрано крайне неудачно. У меня подкашиваются ноги, и я буквально плюхаюсь на диван, чтобы не упасть. Мне так не хочется, чтобы он жалел о том, что только что произошло между нами. На какое-то время все стало как раньше, а теперь я снова растеряна и не знаю, что делать...

– Уилл, я никому ничего не скажу, клянусь тебе!

– Прости, Лейкен, но это неправильно! – Он ходит по комнате из угла в угол. – Это плохо для нас обоих. Это плохо для тебя.

– Да откуда ты знаешь, что для меня плохо, а что хорошо?! – снова срываюсь я.

– Ты не должна меня ждать! – резко обрывает Уилл. – Я не позволю тебя жертвовать лучшим годом в твоей жизни. Мне самому пришлось слишком быстро повзрослеть, не хочу, чтобы и тебе пришлось оказаться в такой ситуации. Это нечестно! Лейкен, я не допущу, чтобы ты ждала меня!

Его поведение резко меняется, и как только с его губ срывается мое имя – мое полное имя! – мне кажется, что из комнаты откачали весь кислород. Я бы заорала, но у меня совершенно нет сил.

– Не собираюсь я ничем жертвовать, – едва слышно отвечаю я.

Он натягивает рубашку и отходит еще дальше от меня, встает за диваном, опирается на спинку и бессильно опускает голову.

– Моя жизнь состоит из сплошных обязанностей... – не глядя на меня начинает он. – Господи, да ты хоть понимаешь, что я воспитываю ребенка?! Я не смогу поставить тебя на первое место! Черт возьми, даже на второе! А ты... – Уилл медленно поднимает голову и смотрит мне в глаза. – Ты заслуживаешь лучшего, чем третье место!

Я забираюсь с ногами на диван, поворачиваясь лицом к Уиллу, и

накрываю его ладони своими:

– Твои обязанности и должны быть для тебя на первом месте, вот поэтому я и собираюсь дожидаться тебя. Уилл, ты хороший человек. Именно поэтому я и влюбилась в тебя, и не смей ругать себя за это!

Последняя фраза срывается у меня с губ, и только в этот момент я понимаю, что совершенно не управляю собой. Хотя я не жалею, что сказала это.

Он отталкивает мои руки, уверенно берет меня за плечи и смотрит мне прямо в глаза.

– Ты в меня не влюбилась! – приказным тоном заявляет он. – Ты не имеешь права в меня влюбляться! – еще более жестко добавляет он. Я вижу, как на его скулах играют желваки, и чувствую, что на глаза наворачиваются слезы. – Произошедшее между нами сегодня не должно больше повториться, – бросает он через плечо, подходя к двери. – И не повторится!

А я думаю о том, кого из нас он так отчаянно пытается в этом убедить.

Он выходит из дома, хлопнув дверью, я остаюсь в гостиной одна и хватаюсь руками за живот, меня безбожно тошнит. Если мне не удастся взять себя в руки, то я просто не смогу дойти до дома. Стараясь вдыхать через нос и выдыхать через рот, я считаю от десяти до одного, чтобы хоть как-то прийти в себя.

Этому несложному приему меня научил папа, когда я была еще совсем маленькой. Родители говорили, что у меня случилось «нервное перенапряжение». Папа обнимал меня крепко-крепко, и мы вместе считали от десяти до одного. Иногда я специально притворялась, что у меня истерика, чтобы он обнял меня. Сейчас я многое отдала бы за то, чтобы папа снова оказался рядом и обнял меня...

Дверь открывается, и на пороге появляется Уилл со спящим Колдером на руках.

– Кел проснулся и пошел домой, – тихо шепчет он. – Тебе тоже пора идти.

Я пребываю в полном смятении оттого, что случилось между нами, оттого, что теперь меня охватывает отчаяние, оттого, что он пытается казаться сильным, а я... Я слабая! Схватив ключи со столика, я бросаюсь к двери, но, проходя мимо Уилла, останавливаюсь и тихо говорю, глядя ему в глаза:

– Ну ты и кретин!

А потом выбегаю из дома, хлопнув дверью.

Влетев в свою комнату, я падаю на кровать, вся дрожа от рыданий.

Ощущение отвратительное, но зато теперь я знаю, о чем будет мое стихотворение. Схватив ручку, я начинаю писать, то и дело вытирая капающие на тетрадку слезы.

Глава 7

*You can't be like me
But be happy that you can't
I see pain but I don't feel it
I am like the old Tin Man.*

«The Avett Brothers». *Tin Man*^[11]

Элизабет Кюблер-Росс^[12] описывает пять стадий, через которые мы проходим после смерти любимого человека: отрицание, гнев, осмысление, депрессия и принятие.

Во втором семестре прошлого года, когда мы еще жили в Техасе, я выбрала одним из факультативов психологию. На очередном занятии мы обсуждали четвертую стадию, и тут в класс вдруг вошел бледный, как привидение, директор.

– Лейкен, ты не могла бы выйти в коридор на минутку? – тихо попросил он.

Директор Басс был очень милым человеком с солидным животиком и пухлыми руками. Он вообще был таким пухлым с ног до головы, что трудно даже представить. На дворе стояла непривычно холодная для весеннего Техаса погода, но у него в подмышках расплылись темные круги пота. Директора такого типа предпочитают сидеть в своем кабинете, а не разгуливать по коридорам и искать неприятностей на свою голову – обычно проблемы приходят к ним сами. Зачем же я ему понадобилась?

У меня тревожно засосало под ложечкой, я встала и медленно-медленно подошла к двери. Как сейчас помню, он не смотрел мне в глаза и всем своим видом выражал жалость ко мне. Но почему?

Выйдя в коридор, я увидела маму. По ее щекам стекали черные ручейки туши, и я сразу поняла, что случилось. Почему она здесь, а папы – нет.

– Не может быть! – разрыдалась я, а мама обняла меня и, покачнувшись, стала медленно оседать на пол. Я обхватила ее как могла крепко, но, вместо того чтобы поддержать, упала вместе с ней. В тот день в школьном коридоре мы с мамой пережили первую стадию горя: отрицание.

* * *

Гевин стоит перед классом, сжимая в дрожащих руках листок бумаги,

откашливается и собирается с духом. Он выступает предпоследним.

Я не обращаю на него внимания, смотрю на Уилла и думаю о том, применимы ли эти пять стадий принятия только к тем случаям, когда умирает любимый человек. А если исчезает какая-то часть твоей жизни? Что тогда? Если принцип развития событий такой же, то я наверняка по уши увязла во второй стадии – в стадии гнева.

– Как называется твое стихотворение, Гевин?

Уилл сидит за столом и делает пометки в блокноте, слушая выступления учеников. Как же он меня бесит – такой внимательный, сосредоточенный на чем угодно, только не на мне! Меня бесит, что из-за него я чувствую себя огромной невидимой бездной! Меня бесит, как он грызет кончик ручки! Ведь еще вчера вечером эти губы, которые сейчас касаются кончика гадкой красной ручки, целовали мою шею!

Я изо всех сил пытаюсь отогнать воспоминания о вчерашнем поцелуе, но это не так-то просто. Не знаю, сколько времени мне потребуется, но я твердо решила избавиться от всех чувств, которые он у меня вызывает.

– Ммм, ну, вообще-то, оно никак не называется, – отвечает Гевин. – Наверное, можно назвать «Пред-предложение»?

– «Пред-предложение»? Ну давай, вперед! – подбадривает его Уилл учительским тоном, который просто выводит меня из себя.

Гевин кашляет еще сильнее, руки ходят ходуном, когда он наконец начинает читать:

Один миллион пятьдесят одну тысячу и две сотни минут.
Вот сколько минут я *думал* о тебе,
Вот сколько минут я *волновался* за тебя,
Вот сколько минут я благодарил *Бога* за тебя,
Вот сколько минут я благодарил *каждое божество* во *Вселенной* за тебя.

Один миллион
Пятьдесят одну тысячу
и
Две
Сотни
Минут...

Один миллион пятьдесят одну тысячу и две сотни раз.
Вот сколько раз ты заставляла меня *улыбаться*,
Вот сколько раз ты заставляла меня *мечтать*,

Вот сколько раз ты заставляла меня *верить*,
Вот сколько раз ты заставляла меня *узнавать новое*,
Вот сколько раз ты заставляла меня *восхищаться*,
Вот сколько раз ты заставляла меня *любить*
Жизнь.

(Гевин идет в конец класса к парте Эдди, становится перед ней на одно колено и читает последнюю строчку.)

И ровно *через один миллион пятьдесят одну тысячу*
и две сотни минут я сделаю тебе *предложение*
и попрошу разделить со мной *все* оставшиеся минуты твоей *жизни*.

С сияющей улыбкой Эдди наклоняется и обнимает его. Мнения класса разделились: парни неодобрительно гудят, а девчонки бьются в экстазе. А я... Я просто вжимаюсь в спинку стула: теперь пришло время выйти на сцену последнему на сегодня поэту – мне.

– Спасибо, Гевин, садись, пожалуйста. Отличная работа! – произносит Уилл и, уткнувшись в свой блокнот, вызывает меня у доски: – Лейкен, твоя очередь.

Я готова. Мой шедевр меня вполне устраивает: он короткий, но бьет прямо в цель. Я уже успела запомнить его наизусть, поэтому выхожу к доске, оставив листок на парте.

– А можно вопрос? – с бьющимся сердцем произношу я и вдруг понимаю, что за весь месяц впервые обращаюсь к Уиллу на глазах у всего класса.

Он не торопится с ответом, как будто собирается вообще меня проигнорировать, но потом все-таки кивает.

– Ничего, если не в рифму? – спрашиваю я.

Уж не знаю, какой вопрос он боялся услышать, но он отвечает мне с явным облегчением, хотя и немного осипшим голосом:

– Конечно ничего! Не забывай, что это игра без правил.

По его лицу видно, что он все время думает о том, что произошло между нами накануне вечером... Что ж, тем лучше.

– Хорошо. Итак... – Я чуть запинаясь. – Мое стихотворение называется «Подлец».

Сделав шаг вперед, я с гордостью читаю наизусть свое произведение.

Согласно словарю...

а также моему личному мнению...

существует более тридцати различных значений и вариантов замены слова

подлец.

(Следующие слова я практически выкрикиваю; весь класс, включая Уилла, вздрагивает.)

Болван, нахал, бессердечный, мудака, злой, грубиян, извращенец, ненавистный, бесчувственный, злобный, опасный, безжалостный, тиран, зловредный, отвратительный, ублюдок, варвар, сердитый, жестокий, черствый, дегенерат, скотина, безнравственный, яростный, жесткий, неумолимый, мстительный, губительный, бесчеловечный, чудовищный, беспощадный.

Ну и мое любимое – *кретин.*

Бросив взгляд на Уилла, я сажусь на свое место. Он покраснел и стиснул зубы. Эдди начинает громко аплодировать, и вскоре к ней присоединяются остальные девчонки. Я скрещиваю руки на груди и упираюсь взглядом в парту.

– Ничего себе, – усмехается Хави. – Это кто ж тебя так достал?

Звенит звонок, и ребята начинают выходить из класса. Уилл так и не сказал ни слова. Я собираю вещи, и тут ко мне подбегает Эдди.

– Ты уже спросила у мамы? – говорит она.

– У мамы? Про что? – удивленно спрашиваю я, пытаюсь понять, о чем она говорит.

– Ну про свидание! Ник же тебя пригласил вчера, да? А ты сказала, что тебе надо спросить у мамы.

– А, ты об этом.

До меня наконец-то доходит, о чем идет речь. Неужели это было вчера? Будто целая жизнь прошла... Я украдкой смотрю на Уилла, а он с каменным лицом наблюдает за мной, ожидая, что я отвечу Эдди. Ну почему по нему так сложно понять, что он на самом деле думает! Решив, что, наверное, все-таки ревнует, я подливаю масла в огонь.

– Да, конечно, – отвечаю я Эдди, не сводя глаз с Уилла. – Скажи Нику, что я согласна. С удовольствием.

Уилл хватается за ручку и блокнот, кидает их в ящик стола и с силой захлопывает его. Эдди подпрыгивает от неожиданности и оборачивается. Он прекрасно понимает, что зря привлек к себе внимание, поэтому встает и, делая вид, что не замечает нас, принимается стирать с доски.

– Отлично! – восклицает Эдди, поворачиваясь ко мне. – Мы решили

пойти в «Гетти» в четверг, чтобы потом сразу отправиться на слэм. Остается всего несколько недель, так что пора с этим разобраться. За тобой заехать?

– Да, было бы здорово.

Эдди хлопает в ладоши от восторга и выбегает в коридор. Уилл сосредоточенно стирает с доски, но, когда я прохожу мимо, сурово окликает:

– Лейкен!

Я останавливаюсь в дверях, но не оборачиваюсь.

– Твоя мама работает в ночную смену по четвергам, – сквозь зубы продолжает он. – А к нам по четвергам приходит няня, потому что я на слэме. Можешь перед уходом отправить Кела к нам. Ну, перед тем, как идти на свидание.

Я молча выхожу из класса.

За обедом я чувствую себя ужасно неловко: Эдди уже сообщила Нику, что я иду вместе с ними, и все наперебой обсуждают наши планы – все, кроме меня. Изредка я заставляю себя кивнуть или промычать что-то в знак согласия. Appetit у меня так себе, поэтому мой обед практически целиком достается Нику. Я размазываю рисовый пудинг по тарелке, разливая небольшие лужицы кетчупа то тут, то там. Картина немного напоминает останки сбитого машиной снеговика возле нашего дома. Уже несколько дней подряд, когда я сдаю задом, выезжая из двора, колеса все время цепляются за его окоченевший труп. Интересно, а если бы я переехала Уилла, ощущение было бы таким же? Ну, если бы просто случайно переехала его, сдавая задом, а потом как ни в чем не бывало включила бы первую передачу и поехала своей дорогой.

– Лейкен, ты и дальше собираешься делать вид, что не видишь его? – спрашивает Эдди.

Я поднимаю глаза: за спиной у Ника стоит Уилл и пристально разглядывает то, что я устроила на тарелке.

– А что? – спрашиваю я у Эдди.

– Мистеру Куперу надо с тобой поговорить. – Она кивает на Уилла.

– Спорим, ты попала из-за того, что произнесла слово «кретин».

Я нервно хватаюсь за горло, будто от удушья. Какого черта он творит? Зачем просить меня выйти с ним на глазах у всех? Совсем рехнулся?!

Отодвинув стул и оставив поднос на столе, я украдкой бросаю на него взгляд. Он выходит из кафе, идет к аудитории, я – следом. Дорога кажется мне просто бесконечной. Бесконечной, наполненной неловкостью и напряженным молчанием.

– Надо поговорить. – Он прикрывает за нами дверь. – Срочно!

Не знаю, с кем я сейчас разговариваю – с Уиллом или с мистером Купером. Не знаю, то ли подчиняться ему, то ли дать в рожу. Не проходя в аудиторию, я остаюсь стоять около дверей, скрестив руки на груди и пытаюсь выглядеть раздраженной.

– Надо – так говори!

– Черт возьми, Лейк, я тебе не враг! Перестань меня ненавидеть!

Значит, я все-таки говорю с Уиллом... Я кидаюсь к нему и, раздраженно размахивая руками, кричу:

– Перестать тебя ненавидеть?! Слушай, Уилл, ты уж как-нибудь определись! Вчера ты мне сказал, чтобы я перестала тебя любить, а сегодня говоришь, чтобы перестала ненавидеть? Сначала ты говоришь, чтобы я даже не думала ждать тебя, а потом ведешь себя как мальчишка, услышав, что я согласилась сходить с Ником на свидание! Хочешь, чтобы я вела себя так, будто мы не знакомы, а потом вытаскиваешь меня из столовой у всех на глазах! Мы все время должны притворяться, это утомляет, мать твою! Никогда не знаешь, кто ты – Уилл или мистер Купер, а уж точно неизвестно, кто я – Лейкен или Лейк!

Мне надоели эти игры! Я устала! Поэтому просто сажусь за свою парту. Уилл стоит как вкопанный, и о чем он думает – непонятно. На лице в буквальном смысле слова отсутствует выражение. Он медленно идет в мою сторону и садится позади. Я не оборачиваюсь, он наклоняется ко мне, чтобы я могла расслышать его шепот. Меня охватывает напряжение, а сердце мучительно сжимается в груди.

– Я не думал, что будет так тяжело, – признается он.

Ни за что не обернусь! Незачем ему видеть, как текут по моим щекам слезы. Не дождется!

– Прости, что я так с тобой разговаривал, ну, насчет четверга. Хотя бóльшая часть из этого правда: тебе действительно понадобится няня для Кела, а я собрался выступить на слэме. Но я не должен был так реагировать, поэтому и попросил тебя выйти поговорить – просто хотел попросить прощения. Больше это не повторится, клянусь!

Дверь в класс распаивается, Уилл вскакивает с места. Его резкое движение удивляет появившуюся в дверях Эдди, которая с любопытством разглядывает нас, держа в руках мой забытый в столовой рюкзак. Скрыть слезы, которые все еще текут у меня по щекам, не удастся, но я отворачиваюсь. Она все равно поймет, что между нами что-то произошло.

Эдди тихо кладет рюкзак на ближайшую парту, поднимает руки, делая знак, что все поняла и не собирается мешать, и, прошептав: «Извините...

не хотела мешать», прикрывает за собой дверь.

Уилл проводит рукой по волосам и начинает нервно расхаживать взад и вперед:

– Чудесно, только этого не хватало!

– Да ладно, Уилл, – отзываюсь я. – Если Эдди спросит, скажу, что ты на меня наорал из-за слова «кретин». И «сволочь». И «мудак». И «ублюдок»...

– Спасибо, достаточно. Все ясно.

Я уже собираюсь открыть дверь, но он снова окликает меня, и я замираю в ожидании.

– А еще я хотел попросить у тебя прощения... за вчерашнее.

– За то, что так вышло? – оборачиваясь к нему, спрашиваю я. – Или за то, что ты остановился?

– За все. – Он пожимает плечами, делая вид, что не понимает, о чем я. – Этого не должно было произойти.

– Кретин, – заканчиваю я разговор и выхожу в коридор.

* * *

Двигатель джипа издает знакомое рычание, когда я поворачиваю ключ в зажигании, и это меня тоже бесит! Я бью кулаком по рулю. Ну почему все так?! Если бы я только не познакомилась с Уиллом в первый же день! Если бы только я впервые увидела его на занятиях! Или еще лучше: если бы мы не переехали в Ипсиланти! Если бы папа был жив! Если бы мама не морочила мне голову своими загадочными «делами»! Если бы Колдер не торчал у нас дома каждый день! Глядя на него, я не могу не думать о Уилле! Если бы только он не отремонтировал мой джип! Ненавижу, когда он ведет себя так по-взрослому разумно! Как было бы хорошо, если бы он и правда был таким, каким я назвала его в стихотворении, – тогда мне было бы куда легче его ненавидеть! Господи, поверить не могу, что назвала его всеми этими словами! Стоп, хватит! Что сделано – то сделано.

* * *

Я забираю мальчиков из школы и отправляюсь домой. Скоро приедет Уилл, но я не собираюсь ждать его у окна. Хватит с меня ожиданий у окна...

– Мы пошли к Колдеру! – кричит Кел, выпрыгивая из джипа и хлопая дверью.

Вот и славно!

Проходя по коридору мимо маминой комнаты, я слышу, как она с кем-то разговаривает, и останавливаюсь. Говорит только она, значит – по

телефону. Вообще-то, я никогда не стала бы подслушивать, но ее поведение в последнее время разжигает мое любопытство. А может быть, это мое поведение вынуждает меня делать такие вещи. Так или иначе, я подхожу поближе к двери, чтобы лучше слышать.

– Знаю... Знаю! Я скоро все им расскажу... Нет, думаю, что будет лучше, если я скажу им сама... Да-да, конечно... я тебя тоже люблю.

Она вешает трубку. На цыпочках я быстро ухожу в свою комнату, закрываю за собой дверь и опускаюсь на пол.

Семь месяцев... Всего семь месяцев, и жизнь уже продолжается. Неужели она с кем-то встречается? А как иначе понимать этот разговор? Нет, не может быть! И вот я снова на первой стадии – полна отрицания!

Как она могла? И этот мужчина, кем бы он ни был, уже хочет с нами познакомиться? Он мне заранее не нравится! Но какая выдержка! Как она могла так отчитать Уилла, если сама ведет себя так же, если не хуже? Первая стадия пролетает незаметно, и вот я снова оказываюсь на стадии номер два: гнев.

Я решаю пока промолчать: надо узнать побольше, а потом уже поговорить начистоту. В данной ситуации я должна иметь преимущество, а для этого надо действовать обдуманно.

– Лейк? Ты дома? – Она стучится, и мне приходится быстро вскочить на ноги, чтобы не получить удар дверью. – Ты чего? – заметив, как я подскочила, спрашивает мама и смотрит на меня с любопытством.

– Тянулась. Спина болит.

Естественно, она на такое не купится, поэтому я сцепляю руки за спиной и поднимаю наверх, наклоняясь вперед.

– Прими аспирин.

– Ладно.

– Сегодня у меня выходной, но мне нужно хорошенько выспаться. Ночью глаз не сомкнула, так что пойду прилягу. Проследишь, чтобы Кел принял ванну перед сном?

– Конечно, – отвечаю я. Мама выходит в коридор, а я иду следом. – Мам, подожди! – Она поворачивается и смотрит на меня покрасневшими, опухшими глазами. – Я собираюсь кое-куда в четверг вечером. Можно?

– С кем? – с подозрением глядя на меня, спрашивает она.

– С Эдди, Гевином и Ником.

– С тремя парнями?! Никуда ты не пойдешь!

– Да нет, Эдди – девочка, моя подруга. Гевин – ее молодой человек, так что у нас двойное свидание. – Я иду с Ником.

– А, вот оно что! – просияв, говорит мама и с улыбкой открывает дверь

в свою комнату. – Погоди-ка! Я же работаю по четвергам! А как же Кел?

– К Уиллу придет няня, он сказал, что Кел может побыть у них.

Мама сначала с облегчением выдыхает, но тут же спохватывается:

– А что, Уилл согласен заплатить няне? Чтобы та приглядывала за Келом, пока ты на свидании?

Черт! Я как-то не подумала, как это выглядит со стороны.

– Mam, уже почти месяц прошел. Ну, сходили на свидание разок – и все. Проехали!

– А-а-а, – недоверчиво смотрит на меня мама и уходит к себе, видимо так и не поверив в мою фантастическую историю.

Ее подозрительность меня даже радует: пусть думает, что я от нее что-то скрываю. Значит, мы квиты.

* * *

– На третий урок не пойду, – предупреждаю я Эдди после истории.

– Почему?

– Просто неохота. Да и голова болит. Пойду посижу во дворе, воздухом подышу, – быстро оправдываюсь я и уже поворачиваю к выходу, но Эдди хватается меня за руку:

– Лейкен? Это как-то связано с тем, что у вас вчера произошло с мистером Купером? Все в порядке?

– Да-да, все хорошо, – широко улыбаюсь я. – Он просто хочет, чтобы на его уроках я держала под контролем свой колоритный словарный запас.

Она надувает губы и уходит с недовольным видом, точь-в-точь как мама вчера вечером.

Во дворе никого. Думаю, вряд ли кому-то, кроме меня, охота подышать воздухом, чтобы только не видеть учителя, в которого тайно влюблена. Сев на скамейку, я достаю из кармана телефон – ничего нового. С тех пор как мы переехали, я говорила с Керрис всего один раз. В Техасе я считала ее самой близкой подругой, но, вообще-то, у нее была лучшая подруга. Очень странно, когда у твоей лучшей подруги лучшая подруга не ты. Я легко убедилась в том, что слишком занята, чтобы иметь лучшую подругу, но, похоже, дело не только в этом. Наверное, я просто не очень умею слушать... Да и рассказывать о том, что со мной творится, тоже...

– Я тебе не помешаю? – Я поднимаю глаза и вижу Эдди, стоящую возле скамейки напротив.

– Компания облегчает страдание. Садись.

– Страдание?! А что это у нас стряслось? У тебя завтра свидание. Разве ты не рада? К тому же у тебя офигенная лучшая подруга, если ты не

заметила!

Лучшая подруга? Возможно. Хотелось бы верить...

– Как думаешь, Уилл не станет нас искать?

– Уилл?! – удивленно переспрашивает она. – Ты о мистере Купере?

Господи, я машинально назвала его Уиллом! Эдди и так подозревает, что здесь что-то нечисто!

– Ну да, о мистере Купере. – Неимоверным усилием воли беру я себя в руки и улыбаюсь. – У нас в школе было принято называть учителей по имени, – выпаливаю я первое, что приходит мне в голову.

Эдди молча отколупывает краску от скамейки синим ногтем. Девять ее ногтей покрашены в зеленый, а один – в синий цвет.

– Я тут собиралась тебе кое-что сказать, – спокойно говорит она. – Может, я сильно ошибаюсь, а может быть, и нет. В любом случае слушай и не перебивай – ладно?

Я киваю.

– Вчера в обед он не просто дал тебе по рукам за неуместное использование бранных слов, – начинает она, дождавшись моего согласия. – Насколько не просто, я не могу сказать, и, если честно, это не мое дело. Просто хочу, чтобы ты знала, что всегда можешь поговорить со мной. Если захочешь. Я никому не скажу, да и некому мне говорить, кроме Гевина.

– Некому? А как же друзья? Братья-сестры? – спрашиваю я, отчаянно пытаюсь сменить тему.

– Не-а, кроме него, у меня никого нет. Хотя теоретически у меня было семнадцать сестер, двенадцать братьев, шесть мам и семь пап.

Я не могу понять, серьезно она говорит или нет, поэтому на всякий случай не смеюсь.

– Приемные семьи. Уже седьмая за девять лет.

– Ой, прости, – совершенно теряюсь я.

– Да за что? Последние четыре года я живу у Джоела – моего приемного отца. Все в порядке, я довольна. Не зря ему деньги платят.

– А кто-то из этих двадцати девяти братьев-сестер тебе родной?

– А ты внимательно слушаешь, – смеется Эдди. – Нет, я единственный ребенок. Мама хотела продать ребенка подороже и купить наркоты подешевле... Она пыталась продать меня, – добавляет она, заметив, что я не понимаю, о чем она. – Не переживай, покупателей не нашлось. Или она слишком много заломила? Когда мне было девять, она предложила меня какой-то даме на парковке перед «Уол-мартом»: рассказала душеспитательную историю о том, что ей нечем меня кормить, бла-бла-бла,

и предложила даме сделку. Моя рыночная стоимость составила сто баксов. Она уже не в первый раз пыталась провернуть дельце прямо у меня на глазах. К тому моменту мне это уже надоело, поэтому я посмотрела на даму и спросила: «А у вас муж есть? Он, наверное, ничего!» Мне тогда прилично досталось за то, что я всю малину попортила, и мама бросила меня на парковке. Та дама отвела меня в полицию. Маму я больше не видела.

– Господи, Эдди! Этого не может быть!

– Согласна. Но со мной именно так и было.

Я ложусь на скамейку и вглядываюсь в небо, Эдди следует моему примеру.

– Ты сказала, что Эдди – это фамильное имя. Чье?

– Только не смейся?

– А если будет смешно?

– У моих первых приемных родителей был диск с выступлениями одного комика, – вздыхая, рассказывает Эдди. – Его звали Эдди Иззард. Мне казалось, что у нас с ним одинаковые носы. Я смотрела этот диск миллион раз, представляла себе, что это мой папа. А потом потребовала, чтобы меня называли Эдди. Какое-то время пыталась приучить их к фамилии Иззард, но не вышло.

Мы обе смеемся. Я снимаю куртку, накрываюсь ей, засовываю руки в рукава, пытаюсь согреться, и закрываю глаза.

– У меня были чудесные родители, – тихо говорю я.

– Были?

– Папа умер семь месяцев назад. Мама решила, что мы должны переехать сюда якобы по финансовым соображениям. Но сейчас я даже не знаю, что и думать... Она уже с кем-то встречается. Поэтому я и говорю «были чудесные».

– Отстой...

Мы лежим и раздумываем над картами, которые нам выдала судьба. Мои ничто по сравнению с ее. Подумать только, через что ей пришлось пройти... Сейчас Келу столько же лет, сколько было Эдди, когда ее поместили в первую приемную семью... Как она может быть такой счастливой, такой полной жизни? Мы молчим. Вокруг тихо, и это приятно. «Интересно, – думаю я, – вот это и значит быть лучшими подругами?»

Через некоторое время Эдди садится, потягиваясь и зевая:

– Помнишь, я сказала про Джоела, что ему не зря деньги платят? Это я так. На самом деле он отличный чувак. Когда речь заходит о чем-то настоящем, я вечно все порчу своим сарказмом...

– Спасибо, что прогуляла вместе со мной, – понимающе улыбнувшись, говорю я. – Мне это было очень нужно.

– Спасибо за то, что тебе это было нужно. Видимо, мне тоже. Да, кстати, насчет Ника: он хороший парень, но тебе не подходит. Я все понимаю, так что забей. Но завтра ты идешь с нами!

– Конечно. Если я не пойду, Чак Норрис выследит меня и надерет мне задницу, – отзываюсь я, накидываю куртку, и мы заходим в школу, но, прежде чем разойтись, я, не удержавшись, задаю еще один вопрос: – Раз ты сама придумала, чтобы тебя называли Эдди, как же тебя зовут на самом деле?

Она лишь улыбается и пожимает плечами:

– На данный момент меня и правда зовут Эдди.

Глава 8

*I wanna have friends
that will let me be
All alone when being alone
is all that I need.*

«The Avett Brothers». *The Perfect Space*^[13]

Кел сидит на кухне и делает уроки.

– Где мама? – спрашиваю я.

– Привезла нас с Колдером и только что уехала. Сказала, вернется через пару часов, и просила тебя заказать пиццу.

Черт! Если бы я пришла домой на десять минут раньше, то могла бы проследить за ней!

– А она сказала, куда пошла?

– Можешь попросить, чтобы они сначала пеперони положили, а уже потом соус?

– Она сказала, куда пошла???

– Хотя нет, погоди, пусть сначала положат пеперони, потом сыр, а потом уже соус.

– Черт побери, Кел! Куда она пошла? – Я уже выхожу из себя.

Он удивленно смотрит на меня огромными глазами, слезает со стула и пятится к входной двери, подняв плечи, а потом надевает ботинки – я никогда в жизни не повышала на него голос.

– Знаю не я. Колдеру к пойду.

– Возвращайся к шести, как раз пиццу привезут.

Я решаю сначала сделать уроки. Мистер Хансон, может, глуховат и слеповат, но на дом задает прилично. Сижу над историей целый час и заканчиваю к половине пятого.

Хочешь, чтобы я поиграла в частного детектива? Пожалуйста! Чем бы ты там ни занималась, с кем бы ни встречалась, я обязательно узнаю. Я подвергаю тщательной проверке все ящики и шкафчики на кухне, гардероб в коридоре, но ничего не обнаруживаю. Раньше я никогда не заходила без спросу в родительскую спальню. Ни разу в жизни. Да, интересный выдался год: столько всего в первый раз... Я захожу в мамину комнату и прикрываю за собой дверь.

Здесь все так же, как было в их общей с папой спальне: та же мебель, тот же бежевый ковер. Если бы не меньшая площадь, то эту комнату было бы вообще не отличить от той. Надо начать с самого элементарного – с бельёвого. Ничего. Следующая на очереди тумбочка: маска для кожи вокруг глаз, ручка, лосьон, книжка, записка...

Записка!

Я достаю ее из ящика и разворачиваю – текст написан черной ручкой по центру страницы. Да это стихотворение!

*Джулия,
Однажды я нарисую тебе мир,
Где не меркнут улыбки,
Мир, в котором всегда едва слышно
Звучит радостный смех,
Мир, в котором нет химии.*

*Я нарисую этот мир для тебя на закате,
Пока ты лежишь на постели в рубашке,
И как только ты перестанешь улыбаться,
Я стану рисовать прямо на твоём грустном лице*

*И закончу с первыми лучами солнца,
Ты проснешься с влажными от слез глазами
И увидишь, что я закончил то, что начал, —
И нарисовал целый мир на твоём подбородке.*

Господи, как трогательно! «Нарисовал целый мир на твоём подбородке?» «Мир, в котором нет химии?» Какой такой химии?! Что за бред?! Кто бы он ни был, он мне уже заранее не нравится. Я его ненавижу! Сложив записку, я убираю ее на место.

Звоню в «Гетти», заказываю две пиццы. Мама подъезжает к дому, как только я кладу трубку, – самое время пойти в душ. Я успеваю запереться в ванной до ее появления. Не хочу видеть ее лицо – лицо, на котором явственно читается, что она влюбилась.

* * *

– Что за бред?! – восклицает мама, открыв коробку с пиццей.

– Это для Кела – у него сегодня «наоборотный» день.

Мама закатывает глаза и открывает вторую коробку. Меня раздражает, как она начинает разглядывать кусочки пиццы, как будто пытается выбрать самый вкусный! Это же все одна и та же пицца!

– Слушай, возьми уже любой! – огрызаюсь я.

– Боже, Лейк! – вздрагивает она. – Ты что, с самого утра ничего не ела? Или не с той ноги встала?

Она берет кусок пиццы и протягивает мне. Я кидаю его на тарелку, плюхаюсь на стул за стойкой, и тут на кухню спиной вперед вбегает Кел.

– Пицца и вот а? – спрашивает он на бегу, цепляется за коврик и падает на попу.

– Боже, Кел, ну когда ты наконец повзрослеешь! – набрасываюсь на него я.

– Лейк! Да что с тобой такое? – недоуменно смотрит на меня мама. – Что-то случилось? Хочешь поговорить об этом?

Я отталкиваю от себя тарелку и встаю из-за стола – не могу больше притворяться.

– Нет, мама! Не хочу я ни о чем разговаривать! У меня-то никаких секретов нет!

Она задыхается от неожиданности – ну вот и все, теперь она знает, что я знаю.

Я жду, что она начнет оправдываться, закричит на меня, устроит сцену, отправит меня в комнату – сделает хоть что-то. Обычно бывает именно так, когда обман наконец раскрывается, – так ведь? Ну хоть какая-то кульминация...

Но она просто отворачивается, достает Келу тарелку и кладет ему несколько кусков «наоборотной» пиццы.

Я гордо удаляюсь в свою комнату и хлопаю дверью. Снова. С того дня, как мы переехали сюда, я уже столько раз хлопала дверями... я постоянно выхожу или захожу в комнаты, серьезно разозлившись на кого-нибудь. Уилл читает стихи со сцены, и зрители хлопают ему, а я... я хлопаю дверями.

* * *

Проснувшись посреди ночи я замечаю, что цифры на будильнике мигают красным – видимо, ночью были перебои с электричеством. Солнце светит непривычно ярко. Я хватаю телефон – да, так и есть! Мы проспали! Вскочив на ноги, я быстро натягиваю на себя одежду, чищу зубы, завязываю хвост. Краситься времени нет. Бужу Кела и тороплю его, чтобы он побыстрее оделся, пока я собираю учебники и тетрадки. Кофе попить мы тоже не успеем.

– Но я же езу в школу вместе с Колдером, – ноет Кел, когда мы уже надеваем куртки в прихожей.

– Не сегодня, мы проспали!

Выйдя на улицу, я понимаю, что, судя по всему, проспали не мы одни: машина Уилла стоит перед домом. Прекрасно! Не могу же я уехать, не разбудив их, поэтому прошу брата:

– Кел, иди постучись к ним и скажи, что пора ехать!

Кел перебегает дорогу, колотит в дверь, а я сажусь в джип, заводжу, включаю печку на максимум, достаю скребок и начинаю чистить заиндеветшие окна.

– Не открывают! Наверно, еще спят! – кричит подбежавший к машине Кел.

Ну вот! Я отдаю скребок Келу, везу ему сесть в машину и иду к дому Уилла. В парадную дверь Кел уже стучался, поэтому я обхожу дом с той стороны, где находятся спальни. Какая из них принадлежит Уиллу, я не знаю, поэтому стучу во все три окна, чтобы разбудить хоть кого-нибудь.

Выйдя обратно во двор, я слышу, как открывается входная дверь, оборачиваюсь и вижу Уилла. Он стоит на крыльце, прикрывая глаза рукой от яркого солнца. Он без рубашки! Мои руки однажды гладили это тело, думаю я и заставляю себя отвернуться.

– Ночью вырубали электричество, мы проспали, – говорю я.

«Мы» звучит странно, как будто я намекаю на то, что мы – команда.

– Что? – хрипло спрашивает он, растирая лицо руками. – Сколько времени?

– Почти восемь.

– Черт! – тут же просыпается он. – У меня же в восемь собрание! – выпаливает он и исчезает в доме, оставив дверь открытой.

Я заглядываю в дом, но не решаюсь переступить порог.

– Хочешь, я отвезу Колдера в школу?

– А ты можешь? Тебе несложно? Ты не против? – в панике спрашивает он, уже успев нацепить галстук, но так и не надев рубашку.

– Не против. Где его комната? Пойду разбужу его.

– Ой, спасибо. Это было бы прекрасно. Первая слева по коридору. Спасибо.

Он снова исчезает в одной из комнат. Я захожу к Колдеру и трясу его за плечо:

– Колдер, вставай! Сегодня в школу отвезу тебя я! Одевайся скорее!

Я помогаю ему одеться. Уилл тем временем мечется туда-сюда по дому. Вскоре хлопает наконец входная дверь, потом дверца машины, и он уезжает. Он уезжает, а я остаюсь в его доме – странное ощущение.

– Готов, приятель?

– Я есть хочу.

– А ну да, еда... погоди-ка...

Я исследую содержимое шкафчиков на кухне Уилла. Все сыпучие продукты аккуратно разложены по банкам с этикетками. У них огромное количество сортов пасты – наверное, потому, что ее легко приготовить. Везде чистота и порядок. Совсем не похоже на дом, где живет парень двадцати одного года от роду. Я нахожу упаковку печенья с мармеладной начинкой и беру две штуки – для Кела и для Колдера.

* * *

На первый урок я опаздываю на полчаса, поэтому решаю посидеть до перемены в джипе. Ничего себе, прогуливаю уже второй раз за два дня – да я становлюсь настоящей бунтаркой!

Вторым уроком у нас история, я сажусь на свое место, и сзади тут же раздается шепот Эдди:

– Ты что это, без меня математику прогуливаешь? – Я оборачиваюсь, и Эдди понимающе надувает губы. – А-а-а, так ты проспала!

Конечно, я же ненакрашена! Да еще и ничего с собой не взяла... Эдди достает из сумочки косметичку и протягивает мне, как будто мысли мои читает. Вот, значит, что такое лучшая подруга...

– О, моя спасительница! – восклицаю я, отворачиваюсь, достаю помаду, тушь, зеркальце, быстро крашусь и отдаю ей косметичку.

Перед началом третьего урока Уилл смотрит на меня и беззвучно произносит «спасибо!». Я улыбаюсь и пожимаю плечами: мол, ничего особенного, мне несложно. Эдди толкает меня в плечо, проходя мимо, чтобы я знала: она все видела.

Глядя на Уилла, ни за что не скажешь, что утром он собрался минуты за три, не больше: идеально отглаженные черные брюки, аккуратно заправленная рубашка. Но вот галстук... о господи, что у него с галстуком! Я не могу сдержаться и смеюсь, он оборачивается и смотрит на меня. Наверное, с утра не заметил, что надел галстук раньше рубашки! Я дотрагиваюсь до воротника своей рубашки и многозначительно поднимаю брови. Он опускает взгляд, нащупывает под рубашкой галстук, смеется и, отвернувшись к доске, исправляет это досадное недоразумение. Остальные еще только заходят в класс, болтают, рассаживаются по местам, но я знаю, что Эдди все видела, – прямо физически ощущаю, как она буравит взглядом мою спину.

* * *

На обеде Ник плюхается на свободный стул рядом со мной. Эдди сидит напротив, и я жду, что она мне подмигнет, но она даже не смотрит в мою сторону. Она на удивление неразговорчива, – конечно, она уже слишком много знает. Боюсь, что ей кажется, что она знает больше, чем есть на самом деле. Я опоздала в школу, Уилл явно одевался второпях – она имеет полное право пристать ко мне с расспросами, но этого не происходит. Вот за что я ее уважаю – за то, что она уважает меня.

– Эй, новенькая, во сколько мы выезжаем? – спрашивает Ник, выгружая еду с подноса.

– Не знаю. А на чьей машине едем?

– На моей, – отвечает Гевин.

– Ага, сейчас! – возмущенно смотрит на него Ник. – Без шансов, чувак! Возьмем папину машину, я на твоём «монте-карно» не поеду!

– «Монте-карно»?! – переспрашиваю я, удивленно глядя на Гевина.

– Он так называет мою тачку, – отвечает он.

– Лейкен, какой у тебя адрес? – спрашивает Эдди, и я потрясенно понимаю, что в день, когда мы познакомились, адрес она у меня почему-то не спросила.

– А я знаю, где она живет, – встречается Ник. – Подвозил как-то. На одной улице с мистером Купером. Так что ее забираем в последнюю очередь.

Откуда Ник знает, где живет Уилл? Я начинаю пристально разглядывать тарелку и возить вилкой по картофельному пюре, пытаюсь не встречаться глазами с Эдди.

* * *

Ник и Гевин сидят впереди, поэтому я залезаю к Эдди на заднее сиденье. Она улыбается мне, давая понять, что не станет допытываться, что происходит, и я вздыхаю с облегчением.

– Лейкен, нужна твоя помощь, – обращается ко мне Гевин. – Мы тут с Ником поспорили...

– Обожаю дебаты! Давай! – отзываюсь я, пристегивая ремень.

– Вот Ник считает, что в Техасе сплошные торнадо. Говорит, что там не бывает ураганов, потому что там нет моря. Объясни ему, что к чему, будь добра!

– Ну, что я могу сказать: не прав и в первом, и во втором случае, – заявляю я.

– Да быть не может! – протестует Ник.

– Ураганы там бывают. Ты забыл, у нас там есть такая маленькая лужа,

Мексиканский залив называется. А вот торнадо не бывает.

Парни молчат, переваривая информацию, а потом Гевин неуверенно произносит:

– Как это? Там должны быть торнадо!

– Нет. Никаких торнадо там не бывает, просто Чак Норрис не любит парковки для трейлеров.

Повисает недолгая пауза, а потом парни начинают громко ржать. Эдди наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Он знает.

У меня чуть сердце не останавливается. Я лихорадочно пытаюсь сообразить, что она имеет в виду, но потом сдаюсь и спрашиваю напрямую:

– Кто он? И что знает?

– Ник. Знает, что он тебе не нравится. Он не против, все в порядке. Расслабься, сегодня мы все – просто друзья.

Боже, какое облегчение! Я уже голову сломала, пытаюсь придумать, как сказать ему, что не хочу с ним встречаться...

* * *

Вчера я так и не попробовала пиццу из «Гетти», а зря! Пальчики оближешь, потрясающая штука! Мы заказали две, потому что Ник собирался съесть одну целиком. Все это время я не злюсь на маму и даже не думаю об Уилле – мне весело и хорошо.

– Гевин, назови свой самый дурацкий поступок! – предлагает Ник, и мы, притихнув, ждем, что тот ответит.

– А можно только один назвать?

– Конечно один! Я же говорю – «самый дурацкий».

– Ммм... Дай подумать... Наверное, когда я поехал к бабушке с дедушкой на их ранчо возле Ларами, в штате Вайоминг. Мне ужасно захотелось в туалет, – ладно, парням с этим просто, можно отлить где угодно. Но дело в том, что как раз была моя очередь...

– Твоя очередь – что?

– Доказывать, что мне не слабо. Мои братья постоянно брали меня на «слабо»: сначала делали что-нибудь сами, а потом я должен был повторить. Единственная проблема состояла в том, что я был на несколько лет младше, поэтому им все время удавалось меня обхитрить. В тот день они надели резиновые сапоги, а мне сказали, что мои еще не высохли, поэтому придется надеть походные ботинки. Ну а потом говорят: «Слабо поссать на изгородь под напряжением?»

– Только не говори, что ты это сделал, – смеется Эдди.

– Погоди, детка, это еще цветочки! Они, значит, пошли первыми – сейчас-то я понимаю, что резина не проводит электричество, – и ничего с ними не случилось. А вот мне не повезло: меня отшвырнуло на спину, я заплакал, пытаюсь встать, но поскользнулся и ударился об изгородь ртом... Слюна и электричество, сами понимаете... Меня так тряхануло, что язык начал распухать, и вот тогда братья испугались. Побежали домой за родителями, а я лежал у изгороди, не в силах пошевелиться или хотя бы запихнуть член обратно в штаны.

Эдди, Ник и я так громко хохочем, что остальные посетители неодобрительно посматривают в нашу сторону. Эдди утирает слезы.

– Давай, ты следующая, – говорит ей Гевин.

– Думаю, это когда я сбила тебя.

– Попробуй еще раз.

– А что?! Так и есть! Более дурацкий поступок и придумать сложно.

– Да нет, ты расскажи им, что было дальше, после того, как ты меня сбила, – смеется он.

– Мы влюбились, вот и все! – смущенно говорит Эдди, явно не горя желанием выкладывать всю историю.

– Ну ладно, рассказывай уже, – подбадриваю ее я.

– Ладно... за день до того я только-только получила права. Джоел разрешил мне ездить в школу на его машине, поэтому я старалась водить очень-очень аккуратно. Когда Джоел учил меня водить, то всегда обращал внимание на то, как я паркуюсь, – он терпеть не может, когда паркуются вторым рядом. На самом деле я знала, что он собирался попросить кого-нибудь провезти его по парковке, чтобы проверить, как я припарковалась, поэтому мне хотелось, чтобы все было идеально. Я только об этом и думала. С первого раза получилось не очень удачно...

– А также – со второго, третьего и четвертого раза, – вмешивается Гевин.

– Итак, на пятый раз, – с улыбкой взглянув на него, продолжает Эдди, – я решила наконец сделать все правильно: сильнее сдала назад, чтобы развернуться под правильным углом, и тут – бум! Я обернулась, никого не увидела и в панике решила, что задела чью-то машину. Сдала еще немного назад и стала искать место получше, чтобы остановиться и посмотреть, что там с бампером. Проехала на соседнее место, вышла из машины и увидела... его.

– Ты... протащила его по земле?! – спрашиваю я, пытаюсь не заржать на всю пиццерию.

– Ага, метров пятнадцать-двадцать. Когда я его сбила, а потом еще сдала назад, у него штанина за бампер зацепилась. Я сломала ему ногу. Джоел так боялся, что они подадут на нас в суд, что заставил меня целую неделю каждый день носить ему в больницу еду. Вот тогда-то у нас все и началось...

– Повезло тебе, что он жив остался, – перебивает ее Ник. – Тебя бы посадили за побег с места преступления и непредумышленное убийство, а бедный Гевин оказался бы в мокрой земле.

– В земле сырой, – смеясь, поправляю его я.

– Я просто мечтаю услышать про твой самый дурацкий поступок, Лейкен, но придется нам всем потерпеть, а то опоздаем, – говорит Эдди, вставая из-за стола.

* * *

По дороге на слэм Эдди достает из заднего кармана сложенный в несколько раз листок бумаги.

– Что это? – спрашиваю я.

– Мое стихотворение. Я сегодня буду выступать.

– Правда?! Ничего себе, какая ты смелая!

– А вот и нет. Когда мы с Гевинком сходили на слэм первый раз, я пообещала себе, что обязательно выступлю до того, как мне исполнится восемнадцать. День рождения на следующей неделе. А когда мистер Купер сказал, что освободит выступивших от зачета, я решила, что это знак.

– А я просто скажу, что выступил, а сам не буду. Мистер Купер даже не узнает. Вряд ли он там будет, – заявляет Ник.

– Не прокатит, – огорчает его Гевин, – наверняка будет, он ни одного слэма не пропускает.

У меня снова начинает сосать под ложечкой, хотя мы только что плотно поужинали. Я засовываю руки в карманы и пристально смотрю в окно на мерцающую на небе звезду. Пусть сменят тему, а я пока помолчу.

– Да, Воэн его, конечно, жестко кинула, – продолжает Ник.

Я с интересом поворачиваюсь к Нику. Эдди замечает это, убирает листок со стихотворением в карман и объясняет:

– Воэн – его бывшая девушка. Они встречались последние два года перед окончанием школы. Ну, знаешь, лучшая пара школы: королева красоты и звезда футбола...

– Футбола?! Он играл в футбол? – в шоке спрашиваю я. Это совсем не похоже на Уилла!

– Ага, три раза подряд был лучшим защитником года, – подтверждает

Ник. – Мы как раз перешли в эту школу, а он заканчивал. Думаю, он был вполне себе ничего чувак.

– А вот о Возн такого не скажешь, – добавляет Гевин.

– Почему? Та еще сучка? – спрашиваю я.

– Да нет, в школе все было нормально, если честно... Но как она с ним поступила после окончания... ну, после того, как его родители... – не договаривает Эдди.

– Так что она сделала-то? – спрашиваю я, понимая, что моя заинтересованность бросается в глаза.

– Бросила его. Через две недели после того, как родители погибли в автокатастрофе. Ему дали стипендию за успехи в футболе, но отменили, когда ему пришлось вернуться домой, чтобы воспитывать младшего брата. Возн всем говорила, что не собирается выходить замуж за парня, который мало того что вылетел из колледжа, так еще и остался с ребенком на руках. Вот такая история... За две недели потерять родителей, девушку, стипендию и стать опекуном маленького ребенка...

Я отворачиваюсь к окну – не хочу, чтобы Эдди видела, как я плачу. Ее рассказ многое объясняет. Теперь понятно, почему Уилл так боится лишиться меня радости последнего года школы, – ведь именно это и произошло с ним самим.

Машина мчится в сторону Детройта. Я молчу, делая вид, что заинтересовалась пейзажем за окном.

– Держи! – Эдди кладет что-то мне на колени.

Носовой платок! Я сжимаю ее руку в знак благодарности и вытираю слезы.

Глава 9

*A slight figure of speech
I cut my chest wide open
They come and watch us bleed
Is it art like I was hoping now?*

*«The Avett Brothers». Slight Figure of
Speech^[14]*

Мы заходим внутрь, и я сразу же начинаю искать глазами Уилла. Ник и Гевин ведут нас за столик рядом со сценой – это место совсем не похоже на укромную кабинку, где мы с Уиллом сидели в прошлый раз! «Жертва» уже выступила, в разгаре первый раунд. Эдди подходят к судейскому столу, оплачивает участие, возвращается, берет меня за руку и тащит за собой.

– Лейкен, пошли со мной в туалет! – Прикрыв за нами дверь, она прижимает меня к раковине, кладет руки мне на плечи и приказным тоном говорит: – Ну-ка, прекращай, подруга! Мы приехали сюда хорошо провести время.

Она достает косметичку, смачивает под краном палец и вытирает размазавшуюся у меня под глазами тушь. Затем с сосредоточенным лицом тщательно наносит макияж заново. Впервые меня красит другой человек. Эдди достает из сумки щетку для волос, знаком велит наклонить голову и зачесывает мне волосы на лицо. Я чувствую себя безвольной тряпичной куклой. Потом она заставляет меня выпрямиться, производит какие-то удивительные манипуляции с моими волосами, делает шаг назад и довольно улыбается, глядя на дело рук своих.

– Ну вот, так-то лучше! – Она разворачивает меня лицом к зеркалу.

У меня просто челюсть отвисает! Глазам своим не верю! Да она из меня красавицу сделала! Волосы заплетены во французскую косу, тени теплого янтарного оттенка подчеркивают глаза, губы очерчены четко, но не слишком ярко... Я очень похожа на маму.

– Ничего себе... Эдди, да у тебя талант!

– Я знаю. Двадцать девять братьев и сестер за девять лет – сама понимаешь, мне многому пришлось научиться, – усмехается она и тащит меня обратно в зал.

Мы подходим к столику, но я вдруг застываю на месте. Эдди, держащая меня за руку, тоже невольно останавливается. Она в недоумении оборачивается, прослеживает за моим взглядом и видит за нашим столиком Хави... И Уилла!

– Похоже, у нас гости, – подмигивает она мне и тащит за собой.

Я не двигаюсь места – ноги словно к полу приросли.

– Эдди, это не то, что ты думаешь. Я не хочу, чтобы ты так думала.

– Я вообще ничего не думаю, Лейкен, – произносит она, глядя мне в глаза. – Но если это и правда «не то, что я думаю», то откуда между вами такое напряжение? Это же очевидно!

– Только тебе.

– Тогда и ладно, проехали, – соглашается она и ведет меня к столику.

Восемь пар глаз пристально рассматривают меня. Ужасно хочется убежать куда подальше.

– Черт побери, да ты офигенно выглядишь! – одобрительно замечает Хави.

– Что, попалась в лапы к Эдди? – сердито взглянув на Хави, подмигивает мне Гевин, обнимая мою подругу за талию и привлекая к себе.

Я остаюсь одна и чувствую себя совершенно незащищенной.

Ник отодвигает для меня стул, и я сажусь, глядя на Уилла. Он слегка улыбается в ответ. Я догадываюсь, что означает его улыбка: она говорит, что я прекрасно выгляжу.

– Ладно, народ, у нас остается еще четверо выступающих в первом раунде! Нашего следующего участника зовут Эдди! Кстати, где он? – кричит со сцены ведущий.

– Не он, а она! – закатив глаза, откликается Эдди и встает.

– Ох ты! А вот и она! На сцену, мисс Эдди!

Быстро чмокнув Гевина в губы, Эдди с уверенной улыбкой взлетает на сцену.

Все, кроме Уилла, садятся. Хави оказывается слева от меня. Свободным остается только одно свободное место – справа. После недолгих колебаний Уилл все-таки садится рядом со мной.

– Что ты нам прочитаешь сегодня, Эдди? – спрашивает ведущий.

– «Розовый шарик», – отвечает она, наклонившись к микрофону.

Ведущий уходит со сцены, Эдди перестает улыбаться и делает шаг в свет софитов.

Меня зовут Оливия Кинг.

Мне пять лет.

Мама купила мне *воздушный шарик*. Помню тот день, когда она принесла его домой. Завитушки ярко-розовой ленточки *стекали* по ее руке, *закручиваясь* вокруг запястья. Она *улыбалась* мне, развязывая ленточку и *наматывая* ее мне на руку.

– Держи, Ливи! Это тебе!

Она называла меня *Ливи*.

Я была так *счастлива*! Раньше у меня *никогда* не было *шарика*! Я, конечно, видела шарики в руках у *других* детей на парковке перед «Уол-мартom», но даже и не мечтала, что у меня будет *свой собственный шарик*.

Мой собственный розовый шарик!

Я в восторге! В экстазе! Вне себя от счастья! *Неужели* мама мне что-то купила?! Раньше она мне *никогда* ничего не покупала! Я играла с шариком *часами*. Он был наполнен *гелием*, и *танцевал*, и *раскачивался*, и *парил*, а я *таскала* его за собой по всему дому из *комнаты в комнату*, показывая ему все. Постоянно думала, что *еще* он не видел. Я продемонстрировала ему *ванную, гардеробную, кладовку, кухню, гостиную*. Я взяла его к маме в *спальню*!

В мамину
спальню!

Куда мне нельзя было *заходить!*

С моим розовым
шариком...

Я *заткнула* уши, а она *орала* на меня, быстро *стирая улики* из-под *носа*. Она *ударила* меня по лицу и сказала, что я очень *плохая* девочка! Что я *ужасно* себя *веду*! *Никогда* ее не *слушаюсь*! Она *вытолкала* меня в коридор и *захлопнула* дверь, а мой розовый шарик остался там, у нее. *Верните* мне его! Он мой лучший друг! Мой, а *не ее*! Розовая ленточка *все еще* привязана к моей *руке*, поэтому я *тяну изо всех сил*, чтобы *забрать* у нее своего лучшего друга.

И тут
он
лопнул.

Меня зовут Эдди.

Мне семнадцать лет.

На следующей неделе у меня *день рождения*. Стану совсем *большой*. Мой приемный папа купит мне те сапоги, которые я так хочу. Друзья наверняка поведут меня в кафе. Мой молодой человек купит мне *подарок*, может быть, даже сводит в *кино*. Даже мой социальный работник пришлет мне милую открытку, в которой будет сказано, что теперь я взрослая и их *система* перестает мной заниматься.

Я прекрасно проведу время. В этом я уверена.

Но *одну* вещь я знаю
совершенно *точно*.

Не хочу, чтобы мне дарили
сранные розовые шарики!

Толпа восторженно хлопает, и Эдди с радостью принимает аплодисменты. Она прыгает на сцене, хлопая вместе с толпой, совершенно забыв о том, какое печальное стихотворение только что прочитала. Она ведет себя так естественно! Когда она наконец подходит к столику, мы аплодируем стоя!

– А-а-а, было так здорово! – визжит она.

– Какая у меня девушка, а? – Гевин подхватывает ее на руки и целует в щеку.

– Просто потрясающе, Эдди! Экзамен тебе точно не грозит, – хвалит ее Уилл.

– Это было так просто! Лейкен, давай ты выступишь на следующей неделе. Ты просто еще не сдавала экзаменов мистеру Куперу – поверь мне, удовольствие не из приятных!

– Хорошо, обсудим это позже, – отвечаю я, думая о том, как легко это выглядит со стороны.

– Эдди, ты, кстати, тоже не сдавала экзамены мистеру Куперу! – смеется Уилл. – Я же преподаю у вас всего два месяца!

– Ну и что? Все равно наверняка жуть! – смеется в ответ она.

На сцену вызывают очередного выступающего, и мы умолкаем. Хави все время трет своей коленкой об мою. Почему-то он мне противен... Может быть, потому, что он действительно противный. Во время выступления я отодвигаюсь от него все дальше и дальше, пока не упираюсь в соседний стул, но он упорно двигает свой стул в мою сторону. Я уже собираюсь хорошенько пнуть его, но Уилл вдруг наклоняется ко мне

и шепчет на ухо:

– Поменяйся со мной местами.

Я вскакиваю и сажусь на его место. Хави выпрямляется и с ненавистью смотрит на Уилла, – похоже, эти двое друг друга недолюбливают.

К началу второго раунда наша компания разбредается по залу. Ник стоит у барной стойки и болтает с какой-то девушкой. Хави тоже куда-то испарился, и за столом остались только мы с Уиллом и Гевин с Эдди.

– Мистер Купер, а вы видели...

– Гевин, – перебивает его Уилл, – мы же с тобой в одной школе учились. Здесь тебе совершенно не обязательно называть меня мистер Купер!

– А можно, – с ухмылкой начинает Гевин, пихая Эдди локтем в бок, – мы будем называть вас...

– Нет! Нельзя! – снова перебивает его Уилл и краснеет как помидор.

– Я чего-то не знаю? – спрашиваю я, переводя взгляд то на Уилла, то на Гевина.

– Понимаешь, Лейкен, – доверительно наклоняется ко мне Гевин, – три года назад...

– Гевин! Я тебя завалю на экзамене! И девушку твою заодно!

Все трое дружно смеются, а я ничего не понимаю!

– Понимаешь, три года назад наш Красавчик решил подшутить над младшими...

– Красавчик?! – переспрашиваю я, и Уилл закрывает лицо руками.

– Вскоре мы поняли, чьих рук это дело – конечно Уилла, то есть Красавчика. Мы все пострадали от его руки, – смеется Гевин. – И тогда я решил, что с меня хватит, и мы придумали план, вошедший в историю под названием «Мечь Красавчику».

– Черт побери, Гевин! Так и знал, что это все ты! Так и знал! – восклицает Уилл.

– Ну так вот, – продолжает Гевин. – Все прекрасно знали, что Уилл любит поспать в машине. Особенно во время уроков истории у мистера Хансона. И вот, в один прекрасный день мы проследили за ним до парковки и дождались, пока он уснет сладким сном. У нас с собой было двадцать пять мотков изоленты, так что мы обернули всю его машину! Слоев шесть, наверное, успели намотать, прежде чем он проснулся. Он так орал, что аж в школе было слышно!

– О господи! И сколько вы там просидели? – спрашиваю я, как ни в чем не бывало, радуясь, что мы снова общаемся, пусть даже просто как друзья. Это уже хорошо.

– Вот в этом-то и прикол! – Уилл театрально поднимает брови. – История у мистера Хансона шла вторым уроком. Меня вызволили из машины только к вечеру, когда папа позвонил в школу, чтобы узнать, куда я подевался. Сколько времени было не помню, но уже стемнело.

– То есть часов двенадцать?! – спрашиваю я.

Уилл утвердительно кивает.

– А как же вы столько без туалета-то? – удивляется Эдди.

– Не твоего ума дело, – смеется Уилл.

У нас получается! Я наблюдаю, как Уилл общается с Эдди и Гевином, как все смеются. Не думала, что такое возможно, – но сейчас мне кажется, что у нас есть шансы стать хорошими друзьями.

К столику возвращается Ник с кислым выражением лица:

– Что-то мне нехорошо. Давайте уже поедем.

– Ник, а ты сколько пиццы съел? – спрашивает Гевин, вставая.

– Увидимся завтра, мистер Купер, – прощается Эдди и глазами показывает мне на дверь, намекая, что нам пора.

– Уверена, Эдди? Вы с подружкой точно не собираетесь еще разок прикорнуть во дворе на скамейке? – подкалывает Уилл.

Эдди оглядывается на меня и делает вид, что зевает, прикрывая рукой рот. Они направляются к выходу, а Уилл встает и, дождавшись, пока они отойдут подальше, говорит:

– Кел может остаться у меня. Завтра отвезу его в школу. Они с Колдером наверняка уже спят.

– Уверен?

– Да, все в порядке.

– Ладно, спасибо.

Повисает неловкая пауза. Пора прощаться, но мы не знаем, как это сделать. Уилл делает шаг в сторону, уступая мне дорогу:

– Увидимся завтра.

Я улыбаюсь, прохожу мимо него и догоняю Эдди.

* * *

– Пожалуйста, мама! Ну пожа-а-алуйста!

– Кел, вы же вчера ночевали вместе! Его брат наверняка тоже хочет проводить с ним побольше времени!

– Нет, не хочет! – вмешивается Колдер.

– Вот видишь! Мы даже из комнаты выходить не будем, обещаю! – уговаривает ее Кел.

– Ладно. Но завтра вечером, Колдер, пойдешь к себе домой – мы с Лейк

и Келом пойдем ужинать втроем.

– Да, мэм! Пойду скажу брату и возьму пижаму.

Кел и Колдер бросаются к двери, я ерзаю на диване, расстегивая сапоги. Что это еще за ужин втроем? Наверняка то самое «долгожданное» знакомство! Я решаю надавить на нее еще немного и спрашиваю:

– А куда мы пойдем ужинать?

– Да куда угодно, – отвечает мама, садясь на диван, берет пульт и начинает переключать каналы. – Может, вообще дома поедим, пока не знаю. Просто хочу провести время с вами втроем, без посторонних.

Скинув сапоги, я беру их в руки и ухожу к себе в комнату, бормоча под нос: «Втроем». Кидаю сапоги в шкаф и падаю на кровать. Раньше нас было четверо. Теперь осталось трое. И вот, не прошло и семи месяцев, как она решает, что нас снова станет четверо!

Кем бы он ни был, я никогда не стану считать его «четвертым»! Она не подозревает, что я знаю про него. Она даже не знает, что я уже называю их «они», а нас с Келом – «мы». Разделяй и властвуй – вот мой новый фамильный девиз!

Мы живем в Ипсиланти уже месяц, но в пятницу вечером я всегда остаюсь дома. Схватив телефон, я пишу Эдди – вдруг они с Гевинном не против, если я попрошусь вместе с ними в кино? Она тут же отвечает, чтобы я собиралась, они заедут через полчаса. Спокойно постоять под душем я, конечно, не успею, поэтому иду в ванную, чтобы подправить макияж. Рядом с раковиной свалена почта, и я решаю просмотреть полученные письма. На всех трех конвертах поверх нашего старого адреса в Техасе красуется большой красный штамп «Переслать на новый адрес».

Осталось восемь месяцев! Всего восемь месяцев – и я перееду обратно, домой! Может, мне повесить на стенку календарь и начать отмечать дни? Я бросаю конверты обратно, и тут из одного выпадает листок. Я наклоняюсь, чтобы поднять его, и замечаю цифры, напечатанные в верхнем правом углу: «\$178 343.00».

Это же из банка... выписка по счету... Я хватаю остальные конверты, бросаюсь к себе в комнату и закрываю за собой дверь.

Взглянув на дату выписки, я берусь за остальные конверты. Второе письмо из ипотечной компании, в нем я обнаруживаю фактуру по страховой выплате. По страховой выплате за наш в дом в Техасе, который мы, вообще-то, продали, как она мне сказала! О господи, так бы и убила ее! Значит, мы вовсе не на грани банкротства! Мы даже дом не продали! Она выдернула нас с братом из родного дома ради какого-то мужика?! Ненавижу! Надо срочно выйти из дома, а то меня разорвет! Я кидаю в

сумку конверты и телефон, выхожу в гостиную и бросаю ей на ходу:

– Я пошла гулять.

– С кем?

– С Эдди. Мы идем в кино, – отвечаю коротко и вежливо, чтобы она не расслышала в моем голосе нотки плохо сдерживаемой ярости.

Меня всю трясет от злости. Хочется поскорее выйти из дома и подумать над всем этим до того, как мы поговорим начистоту. Она подходит ко мне, выхватывает у меня из рук телефон и начинает нажимать на кнопки:

– Какого черта?! – кричу я, вырывая у нее трубку.

– Я знаю, что у тебя на уме, Лейк! Меня не обманешь!

– Что у меня на уме?! Ну-ка, очень интересно!

– Вчера вечером вас с Уиллом обоих не было дома. К нему как раз очень вовремя пришла няня! Сегодня его брат заявляет, что будет ночевать у нас, а ты собралась «погулять»?! Никуда ты не пойдешь!

Я швыряю телефон в сумочку, перекинув ее через плечо, и направляюсь к двери:

– А вот и пойду! С Эдди, к твоему сведению. Можешь посмотреть, как я уеду с Эдди! Можешь дождаться и посмотреть, как я вернусь с Эдди! – бросаю я через плечо.

Мама бежит за мной, но, к счастью, Эдди уже подъезжает к дому.

– Лейк! А ну вернись! Нам надо поговорить! – кричит мама, стоя в дверях.

– Ты права, мама, – отвечаю я, садясь к Эдди в машину. – Но, по-моему, объясняться придется тебе! Я все знаю! Знаю, что это за таинственный ужин! Знаю, почему мы переехали в Мичиган! Я отлично все знаю! Так что не смей обвинять меня в том, что я тебя обманываю!

Не дожидаясь ответа, я хлопаю дверцей, поворачиваюсь к Эдди и умоляющим голосом прошу:

– Увези меня отсюда! И поскорее!

Едва машина трогается с места, я начинаю плакать. Не хочу возвращаться в этот дом!

* * *

– На, попей. – Эдди придвигает ко мне еще одну бутылку лимонада.

Они с Гевинном молча наблюдают, как я пью и рыдаю. Мы заехали в «Гетти», потому что, по словам Эдди, только их волшебная пицца сможет меня утешить. Но у меня кусок в горло не лезет.

– Простите... я вам все свидание испортила...

– Ничего ты не испортила, – возражает Эдди и поворачивается к Гевину: – Правда, детка?

– Конечно, – кивает он, убирая пиццу в коробку, чтобы взять с собой. – Наоборот, внесла разнообразие в нашу скучную жизнь.

Телефон снова вибрирует. Моя мать уже шестой раз пытается мне дозвониться, поэтому я просто отключаю телефон и убираю его в сумку.

– А мы еще успеваем в кино? – спрашиваю я.

– Да, – кивает Гевин, взглянув на часы, – если ты, конечно, уверена...

– Уверена. Мне нужно отвлечься хотя бы на какое-то время.

Мы расплачиваемся и едем в кино. Фильм, конечно, не с Джонни Деппом, но сейчас я согласна на все.

Глава 10

*She puts her hands against
the life she had.
Living with ignorance,
Blissful and sad.
But nobody knows what lies behind
The days before the day we die.*

«The Avett Brothers». *Die Die Die*^[15]

Через пару-тройку часов мы подъезжаем к дому. Перед тем как выйти из машины, я делаю несколько глубоких вдохов-выдохов и готовлюсь к грядущей ссоре.

– Лейкен, позвони потом, я хочу все знать! Удачи! – обнимает меня Эдди.

– Спасибо, позвоню!

Я выхожу из машины, и они с Гевиним уезжают. Мама лежит на диване в гостиной. Услышав, как хлопнула дверь, она вскакивает. Я ожидаю, что она станет орать на меня, но она подбегает ко мне и обнимает. Я замираю на месте как вкопанная.

– Лейк, прости меня, я должна была все тебе рассказать! Прости! – плачет она.

Я отстраняюсь и сажусь на диван. Столик завален бумажными платками – она много плакала. Отлично, ей должно быть плохо! Нет, ей должно быть просто отвратительно!

– Мы с папой собирались тебе сказать, но тут он...

– Вы с папой? То есть ты начала встречаться с ним еще до того, как умер папа?! – не выдерживаю я, вскакиваю с места и начинаю ходить взад и вперед по комнате. – Мама! Сколько это уже продолжается?! – кричу я сквозь слезы.

Я смотрю на нее, ожидая, что она начнет оправдываться, но она лишь смотрит прямо перед собой невидящим взглядом, а потом наклоняется вперед и, недоуменно глядя на меня, спрашивает:

– С кем начала встречаться? Лейк, ты о чем?

– Да не знаю я с кем! С тем, кто тебе стихотворение написал! С тем, с кем ты встречаешься, когда «уходишь по делам»! С тем, кому ты признавалась в любви по телефону! Я не знаю, кто он, и, если честно, мне наплевать!

– Лейк, – тихо произносит она, встает и берет меня за плечи, – я ни с кем не встречаюсь. Ты все неправильно поняла. Совершенно неправильно.

Я вижу, что она говорит правду, но упрямо отказываюсь верить в это.

– А как же записка?! А как же справки из банка?! Мы же не обанкротились, мама! Ты ведь даже дом не продала! Ты наврала нам, чтобы вытащить сюда! Если это не из-за какого-то мужика, то зачем? Зачем мы сюда приехали?!

– О господи, Лейк... – Мама опускает руки и, глядя в пол, качает головой. – А я-то думала, что ты обо все догадалась... – едва слышно добавляет она, садится на диван и смотрит на собственные руки так, словно видит их впервые.

– Видимо, нет, – огрызаюсь я. – Рассказывай!

Этот разговор сводит меня с ума. Не понимаю, что такого есть в Мичигане, чтобы она вдруг решила оторвать нас от дома, от привычной жизни.

– Присядь, – поднимает глаза мама и показывает на диван рядом с собой. – Присядь, пожалуйста...

Я повинуюсь в ожидании объяснений. Она долго молчит, словно пытаюсь собраться с мыслями.

– Записку написал твой папа. Он просто дурачился: однажды нарисовал что-то мне на лице, пока я спала, и оставил на подушке записку. Я сохранила ее. Я любила твоего отца, Лейк. Мне ужасно его не хватает. Я бы никогда так с ним не поступила. У меня нет и не было никого, кроме него.

– Но, мама, – растерянно спрашиваю я, понимая, что она говорит правду, – тогда почему же мы оказались здесь? Зачем ты заставила нас

уехать из дома?

Она глубоко вздыхает, поворачивается, берет мои ладони в свои и смотрит на меня таким взглядом, что сердце замирает от ужаса. Точно так же она смотрела на меня тогда, в коридоре, когда собиралась сообщить мне о папиной смерти. Она еще раз вздыхает и крепко сжимает мои ладони.

– Лейк, у меня рак.

* * *

Отрицание. Однозначно отрицание. И гнев. Осмысление? Да, и это тоже. Я на трех стадиях одновременно, а может, и на всех пяти... Не могу дышать...

– Мы с папой собирались рассказать тебе... Но после его смерти мы все были в таком шоке... Я просто не могла заставить себя поговорить с вами. Когда мне стало хуже, я решила переехать сюда. Бренда умоляла меня переехать, говорила, что будет заботиться обо мне. Это с ней я говорила по телефону. В Детройте есть доктор, специалист по раку легких, – я езжу к нему на прием.

Рак легких... У этого ужаса есть название. Теперь он обретает реальную форму.

– Я собиралась рассказать вам с Келом завтра... Вам пора знать, чтобы мы все могли подготовиться...

– Подготовиться к чему, мам? – спрашиваю я, высвобождая руки.

Она обнимает меня и снова начинает плакать, но я резко отстраняюсь:

– Мам? Подготовиться к чему?

Совсем как пухлый директор Басс, мама не в силах смотреть мне в глаза – она жалеет меня.

Не помню, как я вышла из дома, не помню, как пересекла улицу... Помню только, что, хотя время уже за полночь, я стою перед домом Уилла и барабаню в дверь.

Он появляется на пороге и по моему лицу видит, что сейчас не время задавать вопросы, что мне необходимо видеть перед собой просто Уилла. Хоть ненадолго. Он обнимает меня за плечи, едва ли не вталкивает внутрь и запирает дверь.

– Лейк, что произошло?

Я не могу ответить. Не могу дышать. Он обнимает, у меня подкашиваются ноги, и я начинаю рыдать. Он опускается на пол вместе со мной, совсем как я с мамой тогда, в школьном коридоре, прижимает мою голову к груди, гладит по волосам и позволяет мне выплакаться, а потом все-таки шепчет:

– Расскажешь, что случилось?

Мне не хочется говорить. Если я произнесу это вслух, значит это правда. Это действительно правда.

– Она умирает, Уилл! У нее рак! – рыдаю я.

Он прижимает меня к себе еще крепче, берет на руки, несет в спальню и, бережно уложив на кровать, укрывает одеялом.

Неожиданно в дверь звонят. Уилл целует меня в лоб и выходит из комнаты.

Я слышу звук открывающейся двери и мамин голос, но не могу разобрать, что она говорит. Несмотря на то что Уилл отвечает ей совсем тихо, его слова доносятся до меня отчетливо:

– Пусть останется у меня, Джулия. Сейчас я ей нужен...

Разговор продолжается, но смысл его я не понимаю. Наконец дверь закрывается, и Уилл возвращается в спальню. Он залезает под одеяло, крепко обнимает меня, и я плачу, уткнувшись ему в грудь.

Часть 2

Глава 11

*Who cares about tomorrow?
What more is tomorrow,
Than another Day?*

«The Avett Brothers». *Swept Away*^[16]

Окно находится не там, где надо. Который час? Я тянусь за телефоном, который лежит на тумбочке, но не обнаруживаю ни телефона, ни тумбочки. Сев в кровати, я протираю глаза и понимаю, что это не моя комната. Постепенно я вспоминаю обо всем, что произошло, ложусь обратно, накрываюсь одеялом с головой и молюсь, чтобы все это оказалось плохим сном.

* * *

– Лейк!

Я снова просыпаюсь. Солнце светит уже не так ярко, но комната все равно чужая. Приходится завернуться в одеяло поплотнее.

– Лейк, вставай!

Кто-то стягивает с меня одеяло. Я со стоном хватаюсь за край и не отпускаю. Пытаюсь еще раз заснуть, чтобы избавиться от ужасных воспоминаний, но мочевого пузыря уже не выдерживает. Сбросив одеяло, я вижу, что на краю кровати сидит Уилл.

– Да, ты, судя по всему, не жаворонок, – замечает он.

– Туалет... где у тебя туалет?

Уилл показывает рукой в сторону коридора. Я выскакиваю из кровати и надеюсь, что успею добежать. Заскочив в туалет, тут же плюхаюсь на унитаза и чуть было не проваливаюсь – стульчак поднят.

– Мальчики! – бормочу я, опуская сиденье.

Выйдя из туалета, я обнаруживаю Уилла у стойки на кухне. Он улыбается и ставит чашку кофе перед пустым стулом рядом с ним. Я сажусь и беру чашку.

– Сколько сейчас времени?

– Половина второго.

– Ой! Да, у тебя и правда удобная кровать...

– Очевидно, да, – улыбается он, легонько толкая меня плечом.

Мы молчим и пьем кофе. Молчим, и нам хорошо.

Уилл забирает у меня чашку, ставит ее в раковину и споласкивает перед тем, как убрать в посудомойку.

– Я веду Кела и Колдера на дневной сеанс в кино, – сообщает он, включая посудомойку и вытирая руки о полотенце. – Мы выезжаем через пять минут, потом, наверное, перекусим где-нибудь и вернемся около шести. Так что у тебя будет время поговорить с мамой.

Мне не нравится, как он бросает последнюю фразу. Думает, я ведусь на такие манипуляции?

– А если я не хочу разговаривать? Если я хочу с вами в кино?

– Тебе сейчас нужно не кино смотреть, а с мамой поговорить, – уверенно заявляет он, облокачиваясь о стойку. – Пошли!

Уилл берет ключи и куртку и направляется в сторону двери.

Я откидываюсь на спинку стула и упрямо скрещиваю руки на груди.

– Да я же только что проснулась! Еще даже кофеин не подействовал! Можно я побуду здесь еще немного?

Конечно же, это неправда. Просто мне хочется, чтобы он поскорее ушел, и тогда я спокойно заберусь обратно в его уютную постель.

– Ладно. – Он подходит ко мне и целует в макушку. – Но не весь день. Ты должна поговорить с ней.

Уилл надевает куртку и уходит, закрыв за собой дверь. Я подхожу к окну и наблюдаю, как Кел и Колдер залезают в машину и все трое уезжают. На другой стороне улицы горит свет в окнах моего дома. Дома, который так и не стал мне родным. Знаю, что мама сейчас там, всего лишь в нескольких метрах от меня. Пока я даже не представляю себе, с чего начать разговор, поэтому решаю подождать. Мне не нравится, что я так на нее злюсь. Понимаю, что она не виновата, но больше винить в случившемся мне некого.

На дорожке стоит гном с разбитым красным колпачком. Он смотрит мне в глаза и ухмыляется, как будто все знает. Знает, что я прячусь здесь, слишком напуганная, чтобы вернуться домой. Он дразнит меня. Я уже собираюсь закрыть жалюзи и признать свое поражение, но тут к нашему дому подъезжает Эдди.

Как только она выходит из машины, я открываю дверь, выхожу на порог дома Уилла и машу ей рукой:

– Эдди, я здесь!

Она растерянно смотрит на меня, оглядывается на мой дом, снова

поворачивается ко мне и переходит улицу.

Отлично! Что я натворила?! Как я объясню ей, что происходит?

Я делаю шаг в сторону и придерживаю дверь, давая Эдди пройти. Переступив порог, она с любопытством оглядывает гостиную.

– Ты в порядке? Я тебе звонила раз сто! – восклицает она, плюхается на диван, кладет ноги на журнальный столик и начинает снимать сапоги. – А чей это дом?

Отвечать не обязательно: на стене напротив Эдди висит семейный портрет. Заметив его, она красноречиво округляет глаза.

– Ого! – К чести Эдди, этим ее реакция ограничивается, и она тут же переходит к делу: – Так что случилось? Она тебе рассказала про него? Ты его знаешь?

Я иду к дивану и, перешагнув через ноги Эдди, сажусь рядом с ней.

– Хочешь, я расскажу тебе о самом дурацком за всю мою жизнь поступке? – спрашиваю я, и Эдди удивленно поднимает брови, ожидая продолжения. – Я ошибалась. Она ни с кем не встречается. Она болеет. У нее рак.

Эдди ставит сапоги на пол, снова кладет ноги в разных носках на столик и откидывается на спинку дивана:

– Да ты что? Быть не может!

– Да... не может... Но все так и есть.

Некоторое время Эдди сидит неподвижно, машинально отколупывая с ногтей черный лак. Она явно не знает, что сказать. Так и не найдя нужных слов, она молча обнимает меня и тут же вскакивает, идет на кухню и открывает холодильник:

– Так, посмотрим... Что тут у мистера Купера есть из прохладительных напитков?

Она берет два стакана, кладет в них лед, ставит на столик в гостиной и наливает лимонад.

– Вина не нашла. Какой он все-таки зануда! – недовольно ворчит Эдди, вручая мне стакан и забираясь с ногами на диван. – И что говорят врачи?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю... Но ясно, что дело плохо... Понимаешь, я убежала сразу после того, как она мне рассказала... Не могла смотреть ей в глаза.

Повернувшись к окну, я бросаю взгляд на наш дом. Чему быть, того не миновать, это неизбежно, рано или поздно мне придется встретиться с мамой – просто мне хочется еще один день пожить нормальной жизнью.

– Лейкен, ты должна поговорить с ней.

– Господи, ты прямо как Уилл!

– Кстати, об Уилле... – Эдди делает глоток лимонада и ставит стакан обратно на столик.

Ну вот, началось...

– Лейкен, я изо всех сил стараюсь не лезть не в свое дело. Поверь мне, стараюсь. Но ты в его доме. На тебе та же одежда, что и вчера вечером, когда мы расстались. Если ты не будешь отрицать, что между вами что-то есть, мне останется только предположить, что ты признаешься в этом!

Я вздыхаю. Она права. С ее точки зрения, между нами и правда происходит больше, чем на самом деле. У меня нет выбора: я должна рассказать ей правду, иначе она подумает о нем самое худшее.

– Ладно. Но Эдди, прошу тебя...

– Клянусь! Никому ни слова, даже Гевину.

– Хорошо. Я познакомилась с ним в день своего приезда сюда. Мы понравились друг другу с первого взгляда. Он пригласил меня на свидание, я согласилась. Все прошло прекрасно. Мы целовались. Это был лучший вечер в моей жизни... Действительно лучший.

Эдди улыбается. Я сомневаюсь, стоит ли продолжать. По выражению моего лица она понимает, что хеппи-энда не предвидится, и улыбка постепенно тает.

– Мы ничего не знали. До первого дня занятий. Я понятия не имела, что он учитель. А он думал, что я уже закончила школу.

– Та сцена в коридоре! – Эдди вскакивает на ноги. – Так вот что произошло между вами в коридоре!

Я киваю.

– Господи! И он тебя бросил?

Я снова киваю.

– Черт! Вот отстой! – Эдди падает обратно на диван.

Я киваю еще раз.

– Но ты в его доме. Ты провела здесь ночь, – хмурясь, продолжает она. – Что, он не смог сдержаться?

– Нет-нет, все не так! Я была жутко расстроена, и он разрешил мне переночевать здесь. Между нами ничего не было, он просто по-дружески выручил меня.

Она пожимает плечами и надувает губы, давая мне понять, что надеялась на другое развитие событий.

– Всего один вопрос: твое стихотворение про него?

Я в очередной раз киваю, Эдди весело смеется:

– Молодец! – Она умолкает, но ненадолго. – Ну и последний вопрос... клянусь, последний!

Я смотрю на нее выжидающе.

– Он хорошо целуется?

На моем лице невольно расцветает улыбка.

– Эдди, да просто потрясающе!

– Я так и знала! – Она подпрыгивает на диване и хлопает в ладоши.

Мы обе смеемся, но быстро возвращаемся в печальную реальность и снова становимся серьезными. Я снова поворачиваюсь к окну и смотрю на наш дом. Эдди уносит стаканы, ставит их в раковину, а потом возвращается в гостиную и рывком поднимает меня с дивана:

– Пойдем, мы должны поговорить с твоей мамой.

Мы?! Я не возражаю... В Эдди есть нечто такое, что возражать ей невозможно.

Глава 12

*With paranoia on my heels
Will you love me still
When we awake and you see that
The sanity has gone from my eyes?*
«The Avett Brothers». *Paranoia in B Flat*
Major^[17]

Эдди так уверенно входит в дом и тянет меня за собой, как будто была тут сто раз! Мама сидит на диване и с удивлением смотрит, как какая-то незнакомая девушка с улыбкой направляется к ней, волоча за собой ее строптивую дочку. Должна признать, мне приятно, что мама удивлена и растеряна.

Эдди подводит меня к дивану и, взяв за плечи, усаживает рядом с мамой. Сама садится напротив нас на журнальный столик: спина идеально ровная, голова высоко поднята – всем своим видом она показывает, кто тут главный.

– Меня зовут Эдди, я лучшая подруга вашей дочери. Ну вот, теперь мы знакомы, так что переходим к сути проблемы.

Мама смотрит сначала на меня, потом на Эдди, но не произносит ни слова. Мне, в общем-то, тоже нечего сказать. Я не знаю, что задумала моя подруга, поэтому остается только ждать, что она скажет дальше.

– Вы Джулия – правильно? – спрашивает Эдди, и мама кивает. – Так вот, Джулия, у Лейкен есть вопросы. Много вопросов. Ответить на них можете только вы. Лейкен, – она поворачивается в мою сторону, – ты будешь задавать вопросы, а твоя мама – отвечать на них. Задача ясна? – спрашивает она, глядя на нас обеих. – Вопросы есть? Я имею в виду ко мне.

Мы с мамой отрицательно мотаем головами.

– Ну тогда, я свое дело сделала, – заявляет Эдди, вставая. – Вечером жду звонка.

Она перешагивает через журнальный столик и уже направляется к двери, но в последний момент разворачивается, возвращается к нам и обнимает маму за шею. Мама смотрит на меня широко раскрытыми от удивления глазами, но все-таки обнимает ее в ответ. Объятие длится долго,

но в конце концов Эдди отступает, улыбается нам, перепрыгивает через столик и быстро уходит.

Как ни в чем не бывало!

Мы молча смотрим вслед Эдди, пытаюсь понять, что же с ней не так. А может, наоборот: это с нами что-то не так, а вот с ней как раз все в порядке? Сложно сказать. Я кошусь на маму, и мы дружно смеемся.

– Ничего себе, Лейк! Откуда только ты таких берешь?

– Классная, правда?

Мы поудобнее усаживаемся на диване. Мама ласково похлопывает меня по руке:

– Знаешь, думаю, нам лучше поступить так, как она посоветовала. Спрашивай. Я постараюсь ответить на все твои вопросы.

– Ты умираешь? – без обиняков задаю я первый вопрос.

– Разве не все мы в каком-то смысле умираем? – отвечает она вопросом на вопрос.

– Так не по правилам! Ты должна просто отвечать.

– Возможно. Скорее всего, – признается она.

– Сколько тебе осталось? Насколько все плохо?

– Лейк, давай я сначала объясню, что происходит. Тогда ты лучше поймешь, в чем, собственно, дело.

Мама встает, идет на кухню и садится за барную стойку. Взяв ручку и листок бумаги, она начинает что-то писать и делает мне знак присесть рядом.

– Существует два типа рака легких: немелкоклеточный и мелкоклеточный. К сожалению, у меня обнаружили мелкоклеточный: он распространяется быстрее, – объясняет она, рисуя контуры легких. – Мелкоклеточный рак бывает с метастазами или без них. У меня их нет. Это означает, что рак поразил ограниченный участок. Вот здесь. – Она отмечает зону поражения. – Вот тут у меня обнаружили опухоль. Первые симптомы появились за несколько месяцев до того, как умер твой отец. Он заставил меня сделать анализ, и биопсия показала, что опухоль злокачественная. Мы несколько дней искали хорошего врача и наконец решили, что лучше всего обратиться к доктору, который работает в Детройте и специализируется на лечении таких заболеваний. Так что решение о переезде мы приняли вместе с твоим отцом. Мы...

– Мам, подожди... – прошу я.

Она откладывает ручку в сторону.

– Дай мне минутку прийти в себя. Мне кажется, что я попала на урок биологии... – жалуюсь я, хватаясь руками за голову.

Конечно, она-то живет с этим уже несколько месяцев! Говорит о своей болезни так легко, будто учит меня печь пироги!

Я иду в ванную, а она терпеливо ждет, пока я вернусь. Плеснув в лицо холодной водой, я смотрю на свое отражение в зеркале. После поездки в кино с Гевинем и Эдди накануне вечером я даже не подходила к нему. Жуткое зрелище... Под глазами черными потеками расплылась тушь, веки опухли, на голове черт знает что... Я смываю косметику, расчесываю волосы и возвращаюсь на кухню, чтобы слушать рассказ о том, как собирается умирать моя мама.

В ответ на мамин вопросительный взгляд я молча киваю, давая понять, что готова, и сажусь напротив.

– Через неделю после того, как мы решили переехать в Мичиган, поближе к врачу, твой папа умер. Его смерть, похороны и все остальное поглотили меня целиком, а свои проблемы я просто попыталась выбросить из головы и не прислушиваться к собственному самочувствию. Пришла на прием к врачу только через три месяца. К этому времени рак распространился дальше, появились метастазы. – Мама отворачивается и смахивает струящиеся по щекам слезы. – В том, что у твоего папы случился инфаркт, я винила прежде всего себя, потому что знала, что толчком послужил поставленный мне страшный диагноз. Он просто не смог это пережить...

Мама встает и уходит обратно в гостиную. Прижавшись лицом к стеклу, она задумчиво смотрит в окно.

– Но почему ты ничего мне не сказала? Я бы могла помочь... Тебе не пришлось бы справляться со всем этим в одиночку...

– Теперь я это понимаю. – Она поворачивается ко мне лицом и прислоняется к стене. – Но тогда я находилась на стадии отрицания. Отрицания и гнева. К тому же, наверное, надеялась на чудо... Не знаю... Дни незаметно превращались в недели, а недели – в месяцы... Время летит так незаметно. Три недели назад я начала повторный курс химиотерапии.

– Но это ведь хорошо, да? – спрашиваю я, вставая со стула. – Раз тебе делают химию, значит есть шанс, что она поможет?

– Нет, Лейк... Это не лечение, они просто пытаются снять боль – больше мне уже ничем не помочь.

У меня подкашиваются ноги. Упав на диван, я закрываю лицо руками и рыдаю. Поразительно, сколько в одном человеке помещается слез! В одну из ночей после смерти папы я так много плакала, что мне стало казаться, будто я слепну. Я даже залезла на свою страничку в Интернете и написала: «Можно ли выплакать глаза?» Однако, как показывает практика, рано или

поздно человек все равно засыпает и перестает плакать, а тело в это время получает необходимый отдых. Так что глаза выплакать невозможно, даже если очень захотеть.

Я прижимаю к глазам носовой платок и стараюсь глубоко дышать, чтобы прекратить наконец рыдания. Надоело плакать.

Мама садится рядом, обнимает меня, и я прижимаюсь к ней всем телом. Сердце болит за нее. За нас. Я держу ее крепко, боясь отпустить хоть на секунду. Я не могу отпустить ее.

Она вдруг начинает кашлять, резко отворачивается, встает и буквально задыхается не в силах остановиться. Господи, она действительно тяжело больна! Как я могла не замечать этого? Щеки совсем ввалились, волосы поредели... Я с трудом узнаю ее. Я так упивалась собственным горем, что даже не замечала, как тает от болезни моя мама!

Приступ наконец проходит, и мама снова садится на свое место за барной стойкой.

– Сегодня вечером скажем Келу. Бренда подъедет к семи часам, она хотела присутствовать, потому что ей предстоит стать его опекуном.

Я смеюсь. Ведь она шутит – правда? Но вдруг понимаю, что это серьезно, и резко осекаюсь.

– В каком смысле – его опекуном?!

– Лейк, ты еще учишься в школе, тебе скоро в колледж. – Мама смотрит мне прямо в глаза с таким выражением, будто это я несу чушь, а не она. – Я не ожидаю, что ты бросишь все ради брата. И не хочу этого. У Брендды есть опыт в воспитании детей, она с радостью возьмет Кела. Да и ему Бренда нравится.

Мало мне того, что уже пришлось пережить за этот год, так теперь еще и это! Как она может такое говорить?! Я просто в ярости!

Вскочив со стула, я хватаю его за спинку и с такой силой швыряю на пол, что сиденье отлетает в сторону. Мама хмурится, я подбегаю к ней и, тыча пальцем ей в грудь, ору так, что начинает саднить в горле:

– Она не получит Кела!!! Ты не посмеешь отдать ей МОЕГО брата!!!

Мама пытается успокоить меня, кладет руки мне на плечи, но я уворачиваюсь.

– Лейк, прекрати! Прекрати! Ты еще в школу ходишь! Даже в колледж еще не поступила! Что прикажешь мне делать?! У нас больше никого нет! – кричит она, шагая за мной к двери. – У меня никого больше нет, Лейк!

Уже на пороге я разворачиваюсь и кричу, не обращая внимания на ее слезы:

– Ты ничего ему сегодня не скажешь! Пока ему лучше не знать! Не дай бог ты ему скажешь!

– Мы должны сказать ему! Он должен знать! – уже на улице увещевает меня она.

– Иди к себе, мама! Немедленно! Я все сказала! И если ты хочешь увидеть меня еще раз, то ничего ему не говори!

Я рывком открываю дверь дома Уилла и хлопаю изо всех сил, чтобы не слышать ее рыданий. Бегом бросаюсь в спальню и кидаюсь на кровать. Я не плачу – я рыдаю, вою и кричу от отчаяния.

* * *

Никогда не пробовала наркотики. Даже алкоголь не пила. Глоток вина из маминого бокала, когда мне было лет четырнадцать, не в счет. И дело не в страхе или слишком строгом воспитании, – если честно, мне просто никогда не предлагали. На вечеринки я в Техасе не ходила, с людьми, которые могли бы попытаться втянуть меня во что-нибудь противозаконное, никогда не связывалась. В общем, я в принципе не попадала в такие ситуации, где могла бы поддаться давлению, подпасть под чье-то влияние... По пятницам я ходила на футбол. По субботам папа водил нас в кино, а потом в ресторан. По воскресеньям делала уроки. Вот из этого и состояла моя жизнь.

Вспоминается разве что один случай. Мне было шестнадцать. Керрис пригласила меня на свадьбу своей двоюродной сестры. Прием закончился, и мы допоздна помогали прибираться. Прекрасно проводили время: пили пунш, доедали остатки торта, снова пили пунш. Вскоре мы заметили, что в пунш кто-то подлил водки – уж больно мы развеселились. Даже не знаю, сколько мы выпили: столько, что когда мы поняли, что напились, то уже не могли остановиться. Не задумываясь, мы сели в машину и поехали домой. Керрис только что получила права. Через пару километров она не справилась с управлением и въехала в дерево. К счастью, мы обе легко отделались: я рассадила бровь, она сломала руку. Машина тоже не сильно пострадала, поэтому, вместо того чтобы дожидаться помощи, как полагается в таких случаях, мы вытолкали машину обратно на дорогу, вернулись в ресторан, где была свадьба, и только после этого позвонили моему папе. На следующий день у нас были серьезные проблемы, но это уже совсем другая история.

Лучше всего я помню момент перед тем, как Керрис врезалась в дерево. Она пыталась выговорить слово «перекресток», у нее никак не получалось, мы хохотали и все время повторяли его, и вдруг машина начала съезжать с

дороги. Увидев дерево, я поняла, что мы вот-вот в него врежемся, и тут время будто остановилось... Дерево словно отодвинулось от нас на пять тысяч километров. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем мы почувствовали удар. И в этот бесконечный промежуток я думала только о Келе, и ни о чем больше – ни о школе, ни о мальчиках, ни о том, что если я умру, то никогда не поступлю в колледж... Я думала о Келе, о том, как много он для меня значит. В те секунды, когда я думала, что скоро умру, я думала только о нем.

* * *

И снова я умудрилась заснуть в постели Уилла. Как я поняла, что заснула? Потому что, когда я снова открыла глаза, слезы уже высохли. Вот видите: вечно плакать не получается – рано или поздно все засыпают...

Сначала мне кажется, что, как только туман в голове рассеется, я снова разрыдаюсь. Но нет – я чувствую себя обновленной, у меня появилась цель! Как будто мне поручили какую-то крайне важную миссию. Встав с постели, я вдруг ощущаю дикое желание сделать уборку. И попеть! Точно! Мне нужна музыка! Я отправляюсь в гостиную и быстро нахожу музыкальный центр. Даже диск менять не приходится – в проигрывателе уже стоит альбом «Братьев Эйвитт». Отыскав на нем одну из любимых песен, я прибавляю громкость.

К сожалению, в доме Уилла на удивление чисто, если учесть, что здесь живут две особи мужского пола. Решаю начать с ванной и туалета – я-то знаю, что девятилетние мальчики частенько промахиваются! Отдраиваю унитаз, пол, душ, раковины – вот теперь тут чисто!

Дальше на очереди – спальни. Я убираю разбросанные вещи, застилаю кровати, потом перестилаю еще раз, поаккуратнее. С помощью тряпки и пылесоса избавляю от пыли гостиную. Мою полы в ванной и протираю все горизонтальные поверхности, которые удастся найти. Наконец, добравшись до кухни, мою грязную посуду, то есть наши с Эдди стаканы.

Уилл с мальчиками возвращается домой часам к семи. Они входят в дом и, заметив меня на полу посреди гостиной, замирают на пороге.

– Что ты делаешь? – спрашивает Колдер.

– Расставляю в алфавитном порядке, – отвечаю я.

– Что расставляешь? – пораженно спрашивает Уилл.

– Все! Начала с фильмов, потом – компакт-диски. А еще я расставила книжки у тебя в комнате, Колдер. Игры тоже расставила. Учти, те, названия которых начинаются с цифр, идут первыми. А вот это, – показываю я на кучу бумаги перед собой, – рецепты. Я их нашла на

холодильнике, раскладывая по категориям: говядина, баранина, свинина, курица. А потом внутри каждой категории...

– Мальчики, идите к Келу, скажите Джулии, что мы вернулись, – перебивает Уилл, не сводя с меня пристального взгляда.

Мальчики не трогаются с места и большими глазами смотрят на кучу рецептов, лежащую передо мной на полу.

– Мальчики! А ну! – повышает голос Уилл, и те поспешно поворачиваются и бегут к двери.

– Твоя сестра какая-то странная, – громко шепчет Колдер.

Уилл садится на диван рядом со мной и наблюдает, как я продолжаю сортировать рецепты.

– Слушай, ты же учитель! А ну-ка, подскажи мне: «Суп из печеного картофеля» надо положить в категорию «Супы» или «Картофель»? – спрашиваю я.

– Перестань, – мрачно откликается он.

– Да не могу я, дурачок! Я уже почти закончила. Если я перестану, то ты ни за что не сможешь найти... ну, например «Курицу по-ямайски»! – провозглашаю я, вытащив из кучи рецептов наугад одну карточку, потом кидаю ее в нужную стопку и продолжаю заниматься своим делом.

Уилл оглядывается по сторонам, встает, идет на кухню, проводит пальцем по плиткам – как хорошо, что я и их не забыла протереть! Потом уходит к себе и возвращается через пару минут.

– Ты что, развесила мою одежду по цветам? – недовольно спрашивает он.

А я-то думала, он обрадуется.

– Да это было не сложно, не переживай. У тебя же рубашки всего трех цветов.

Он быстро подходит ко мне, наклоняется, смешивает все мои стопочки рецептов в одну кучу и пытается забрать их.

– Уилл, перестань! Знаешь, сколько у меня на это времени ушло! – кричу я, хватаясь за карточки.

Он бросает карточки на пол, хватая меня за запястья и пытается поднять. Я изо всех сил сопротивляюсь и пинаю его по ногам.

– Отпусти! Отпусти! Я еще не закончила!

Наконец он все-таки разжимает руки, и я падаю обратно на пол. Собираю в кучу карточки с рецептами и начинаю сортировать их заново. Ну вот, все испортил! Да я теперь даже рецепты блюд из говядины не смогу найти! Я переворачиваю карточки одну за другой, и тут на меня вдруг обрушивается поток воды.

– Какого черта!

Я поднимаю глаза и вижу над собой разъяренного Уилла с пустым кувшином в руках.

Какого черта он творит?! Да я ему сейчас в глаз дам! Вскочив на ноги, я пытаюсь ударить его по лицу, но он делает шаг назад, хватая меня за запястье и заламывает мне руку за спину. Я пытаюсь достать его другой рукой, а он тем временем толкает меня по коридору в сторону ванной. Не успеваю я и глазом моргнуть, как он подхватывает меня на руки и запикивает под душ. Я пытаюсь вывернуться и ударить его, но он сильнее. Одной рукой он прижимает меня к стене, а другой открывает кран, и мне прямо в лицо начинает бить струя ледяной воды.

– Идиот! Придурок! Урод! – задыхаясь и отплевываясь, кричу я.

– Вставай под душ, Лейкен! – орет он, делая воду теплее. – Вставай под душ, мать твою!

С этими словами он отпускает меня и, громко хлопнув дверью, выходит из ванной. Я тут же выскакиваю из душа. С одежды течет вода. Но открыть дверь мне не удается, потому что Уилл держит ручку с другой стороны.

– Уилл, а ну выпусти меня! Немедленно! – кричу я, безуспешно пытаюсь повернуть ручку.

– Послушай, Лейкен, – спокойно отвечает он через дверь, – я тебя выпущу только после того, как ты разденешься, залезешь в душ, помоешь голову и успокоишься.

Я показываю ему фак. Он, конечно, не видит, но все равно приятно. Снимаю мокрую одежду, кидаю все на пол, надеясь что она испачкается, и залезаю в душ. Теплые струи воды приятно ласкают кожу. Я прикрываю глаза, позволяя воде стекать по волосам прямо на лицо.

Твою мать! Уилл снова оказался прав.

* * *

– Мне нужно полотенце! – кричу я, простояв под душем добрые полчаса.

У них душ с функцией гидромассажа, которой я и воспользовалась, направив струю на шею и плечи. И правда неплохо снимает напряжение.

– Полотенце на раковине, рядом с одеждой, – доносится из коридора его голос.

Я отдергиваю занавеску: действительно, полотенце и одежда лежат на раковине. Причем моя одежда! Значит, он успел сходить ко мне домой и незаметно принести вещи сюда! А я в это время стояла под душем!

Выключив воду, я вылезаю и вытираюсь. Он принес мне пижаму, –

может, мне удастся провести еще одну ночь в его чудесной кровати? Я нерешительно поворачиваю ручку, не зная, поддастся ли она, но дверь распахивается.

Услышав, что я вышла, он вскакивает с дивана и подбегает ко мне. Я прижимаюсь к стене, испугавшись, что он затолкает меня обратно в ванную, но он вдруг сжимает меня в объятиях.

– Прости, Лейк... – шепчет он мне в ухо. – Прости, что я так с тобой обращался... Но ты была совсем не в себе...

Я тоже обнимаю его... Естественно, я его обнимаю!

– Все в порядке. Просто тяжелый выдался день...

Он отстраняется и кладет руки мне на плечи:

– Значит, мир? Ты не будешь больше драться со мной?

– Мир, – неохотно соглашаюсь я, чувствуя, как он снова переходит на дружеский тон... Не хочу, чтобы он был просто другом!

– Как кино? – спрашиваю я, шагая рядом с ним по коридору.

Но он игнорирует мой вопрос.

– Ты с мамой поговорила?

– А ты мастер менять тему!

– Поговорила или нет? Только не говори мне, что ты весь день тут прибиралась, – не унимается он, заходя на кухню и доставая из шкафчика два стакана.

– Нет, не весь. Мы поговорили.

– И?

– И у нее рак, – честно отвечаю я.

Уилл хмурится. Я бросаю на него взгляд, ставлю локти на стол и сжимаю руками голову. Почувствовав под пальцами полотенце, о котором забыла, я снимаю его, наклоняю голову вперед и пальцами разглаживаю волосы.

Избавившись от всех колтунов, я снова поднимаю голову и замечаю, что Уилл быстро отводит взгляд и смотрит на стоящую перед ним чашку – он отвлекся, и молоко уже течет через край. Я притворяюсь, что ничего не заметила, и продолжаю возиться с волосами, пока он вытирает молоко со стойки.

Он достает что-то из шкафчика, потом ложку из ящика... Господи, он делает мне шоколадное молоко...

– Она поправится? – с безжалостной прямоотой спрашивает он.

– Нет. Скорее всего, нет, – со вздохом отвечаю я.

– Но она лечится?

Черт! Мне удавалось не думать об этом целый день! Проснувшись, я

убедила себя, что все в порядке. Я знаю, что это его дом, но мне безумно хочется, чтобы он уехал еще куда-нибудь.

– Она умирает, Уилл. У-ми-ра-ет! Возможно, это случится уже к концу года, а может быть, и раньше. Ей делают химию, просто чтобы облегчить страдания. Пока она умирает! И совсем скоро она умрет! Потому что она умирает! Ты это хотел услышать?! Доволен?!

Уилл немного смягчается и ставит передо мной молоко. Достает из морозилки поднос со льдом и кидает целую горсть кубиков в стакан.

– Ваш коктейль со льдом, – говорит он.

Он прекрасно умеет менять тему и еще лучше – игнорировать мои язвительные замечания.

– Спасибо, – благодарю его я и молча пью свое шоколадное молоко. Похоже, он снова победил.

* * *

Песни «Братьев Эйвитт» все еще доносятся из колонок, пока я допиваю шоколадное молоко. Войдя в гостиную, я ставлю последнюю песню на повтор, ложусь на пол, вытянув руки за головой, и смотрю в потолок – так мне удастся хоть немного расслабиться.

– Выключи свет, – прошу я Уилла. – Хочу еще немного послушать.

Он щелкает выключателем и в темноте ложится на пол рядом со мной. Зеленые отсветы от эквалайзеров танцуют на стенах, как будто «Братья Эйвитт» устроили световое шоу. Мои мысли уносятся вдаль вместе с музыкой, мы лежим рядом не шевелясь. Песня заканчивается и начинается заново, и тут я наконец говорю ему то, что беспокоит меня больше всего:

– Она не хочет, чтобы Кел остался со мной... Собирается отдать его Бренде.

Он на ощупь находит в темноте мою руку и крепко сжимает. Уилл сжимает мою руку, и я позволяю ему быть мне просто другом.

* * *

В комнате вдруг зажигается свет, я инстинктивно прикрываю глаза рукой и приподнимаюсь. Уилл крепко спит рядом.

– Привет, – шепчет Эдди, – я постучалась, но никто не ответил.

Она проходит в гостиную, садится на диван и разглядывает Уилла, который оглушительно храпит на полу.

– Господи, в субботу-то вечером! – закатывает глаза она. – Говорила я тебе, что он жуткий зануда!

– Что ты тут делаешь? – со смехом спрашиваю я.

– Заехала проверить, как ты. К телефону не подходишь, на сообщения весь день не отвечаешь. У твоей мамы рак, и поэтому ты решила объявить бойкот всем электронным устройствам? Не вижу логики!

– Я даже не знаю, где мой телефон...

Мы обе смотрим на Уилла. Он и правда спит как убитый, – наверное, мальчишки его сегодня вконец замучили.

– Я так полагаю, разговора с мамой не получилось? Судя по тому, что ты спишь тут на полу. – В голосе Эдди слышится легкая нотка раздражения из-за того, что мы всего лишь спали, когда она пришла.

– Да нет, получилось... Поговорили.

– И что?

Я встаю, потягиваюсь и сажусь рядом с ней на диван. Она уже сняла сапоги. Видимо, когда у человека так долго нет постоянного дома, он учится чувствовать себя как дома повсюду. Я забираюсь на диван с ногами, облакачиваюсь на подлокотник и поворачиваюсь к Эдди.

– На прошлой неделе во дворе ты мне рассказала о своей маме и о том, что произошло, когда тебе было девять. Помнишь?

– Ну да, а при чем тут это? – удивляется она, не сводя глаз с храпящего Уилла.

– Я испытала такое чувство благодарности... За то, что с Келом никогда такого не случится. За то, что он может вести нормальную жизнь девятилетнего мальчишки. Но сейчас... даже не знаю. Похоже, у Бога кончился запас подарков для нас обоих. Почему оба родителя? Разве папы недостаточно? Как будто смерть пришла, чтобы оторваться на нашей семье по полной.

– Не смерть, Лейкен, – глядя мне в глаза, поправляет Эдди. – Не смерть, а *жизнь*! В жизни такое бывает. Бывает, что и дерьмо случается. Причем часто. Со многими людьми.

Я не спешу рассказывать ей ужасные подробности. Мне стыдно говорить о том, что моя собственная мать не хочет, чтобы я растила ее ребенка.

Уилл переворачивается на другой бок. Эдди быстро обнимает меня и хватается за сапоги.

– Учитель скоро проснется, мне пора. Просто хотела убедиться, что ты в порядке. И пожалуйста, найди свой телефон, – шепчет она, направляясь к двери.

Я смотрю ей вслед: Эдди была здесь всего три минуты, но за столь короткое время успела наполнить все вокруг своей энергией. Обернувшись, я обнаруживаю, что Уилл сидит на полу. Он смотрит на

меня с таким видом, как будто намеревается оставить после уроков или даже выгнать из класса. Я отвечаю ему самой невинной улыбкой.

– Какого черта она тут делала? – спрашивает он, и я понимаю, что при желании он может выглядеть поистине устрашающе.

– В гости зашла, – бормочу я. – Проверить, все ли у меня в порядке. – Я стараюсь говорить о появлении Эдди в его доме как о чем-то само собой разумеющемся, в надежде, что и Уилл отнесется к этому так же... Но нет, легко я не отделаюсь...

– Твою мать, Лейкен! Ты что, хочешь, чтобы меня уволили? – орет он, вскакивая на ноги и размахивая руками. – Неужели ты такая эгоистка, что тебя не волнуют ничьи проблемы, кроме своих собственных?! Знаешь, что будет, если она кому-нибудь расскажет, что ты у меня ночевала?! – кричит он, задевая головой лампу и подходя ближе. – Она знает, что ты у меня ночевала?

Я сжимаю губы в тонкую линию и опускаю взгляд, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Лейкен, что ты ей рассказала? – тихо спрашивает он, но по мне ведь и так видно, что я рассказала Эдди абсолютно все.

– Господи Иисусе, Лейкен!.. Марш домой.

* * *

Мама уже легла спать. Кел и Колдер сидят на диване и смотрят телевизор.

– Колдер, брат зовет тебя домой! У нас с Келом планы на завтра, так что нас не будет дома весь день.

– Увидимся, Кел, – говорит Колдер, надевает куртку, ботинки и уходит.

Войдя в гостиную, я падаю на диван рядом с Келом, хватаю пульт и начинаю переключать каналы, пытаюсь не думать о том, что мне только что удалось по-настоящему взбесить Уилла.

– Ты где была? – спрашивает Кел.

– С Эдди встречалась.

– И что вы делали?

– Катались по городу.

– А почему ты была дома у Колдера, когда мы вернулись из кино?

– Уилл заплатил мне, чтобы я у них прибралась.

– А почему мама такая грустная?

– Потому что! У нее слишком мало денег, чтобы заплатить мне, поэтому я не прибираюсь в ее доме.

– А зачем? У нас дома и так чисто.

– Ты хочешь завтра покататься на коньках?

– Да!

– Тогда не задавай столько вопросов!

Я выключаю телевизор и отправляю Кела спать. Забравшись в постель, я ставлю будильник на шесть утра. Лучше убраться из дома до того, как проснется мама.

* * *

В воскресенье мы с Келом просаживаем все мои сбережения до последнего цента. Сначала я веду его завтракать, и мы с ним заказываем по два блюда каждому. Катание на коньках, мягко говоря, не доставило удовольствия нам обоим, поэтому мы быстро прекращаем это занятие. Обедаем в торговом центре и четыре часа проводим в зале игровых автоматов. После автоматов идем в кино, а потом ужинаем там же. Я бы Келу еще и десерт купила, но у него уже и так живот болит.

Я отлично все рассчитала. Мама ушла на работу до нашего возвращения. Я принимаю душ, готовлю одежду на завтра, убираю на место постиранное белье и под конец дня устаю настолько, что могу заснуть и ни о чем не думать.

Глава 13

*Shooting off vicious
collections of words.
The losers make facts
by the things they have heard.
And I find myself
trying hard to defend them.*

«The Avett Brothers». *All My Mistakes*^[18]

– А у меня для тебя кое-что есть! – провозглашает Ник, входя в класс утром в понедельник.

Если он сейчас выдаст очередной анекдот про Чака Норриса, меня разорвет, в самом буквальном смысле этого слова.

– Не сегодня, Ник, у меня голова болит...

– Знаешь, что делает Чак Норрис, когда у него болит голова?

– Ник, я серьезно! Заткнись!

Ник отворачивается и принимается обрабатывать свою несчастную соседку справа.

Уилла нет. Мы ждем, не зная, что делать. Судя по реакции одноклассников, обычно он никогда не опаздывает.

– Академическое опоздание! – заявляет Хави, встает, собирает учебники, выходит в коридор, но тут же возвращается. Вместе с Уиллом.

Уилл закрывает за собой дверь, подходит к своему столу и кладет на него стопку бумаг. Он на взводе – это видно невооруженным взглядом. Разделив бумаги на три стопки, он передает их ученикам, сидящим на первых партах каждого ряда, включая меня. Там примерно десять листков. Я перебираю их и на одном вижу стихотворение Эдди про розовый шарик. Видимо, это все стихи, написанные учениками, но остальные мне незнакомы.

– Некоторые из вас уже выступили на слэме в этом семестре. Я ценю это. По себе знаю, что выйти на сцену в первый раз очень непросто, – говорит он, беря в руки свою копию распечаток. – Это стихи, написанные учениками вашего и других классов. Сейчас я хочу, чтобы вы сначала прочитали их, а потом оценили. От нуля до десяти баллов. Десять – высший балл, ноль – низший. Будьте откровенны: если вам не нравится,

ставьте низкую оценку. Мы попытаемся определить лучшее и худшее стихотворение. Напишите вашу оценку внизу справа на каждой странице. Вперед! – Он садится за стол и наблюдает за реакцией класса.

Задание мне не по душе, оно кажется мне не совсем честным. Я поднимаю руку. Ну зачем, зачем я поднимаю руку?! Уилл смотрит на меня и кивает.

– А в чем смысл задания? – спрашиваю я.

Прежде чем ответить, Уилл медленно обводит класс взглядом.

– Лейкен, задай этот вопрос еще раз, когда все закончат.

Он ведет себя очень странно!

Я начинаю читать первое стихотворение, и тут Уилл берет два листка бумаги, проходит мимо меня и кладет один из листков на парту Эдди. Она читает то, что на нем написано, и недоуменно хмурится. Уилл возвращается и кладет второй листок передо мной – это уведомление о том, что нас оставляют после уроков.

Мы с Эдди переглядываемся. Она пожимает плечами. Я комкаю листок в шарик и кидаю его через весь класс в мусорное ведро, причем попадаю точно в цель.

Примерно через полчаса почти все в классе уже оценили стихи. Уилл начинает собирать распечатки и считать общую сумму баллов на калькуляторе. Как только последний человек сдает работу, Уилл записывает итоговые оценки и садится за стол.

– Ну что, вы готовы услышать, какие стихи – полный отстой? – спрашивает он, помахивая листком с итоговыми баллами. – А какие получили самую высокую оценку? – с улыбкой произносит он и ждет, что ответит класс.

Все молчат. Все, кроме Эдди.

– Некоторые из авторов этих стихов, может, и не хотят знать, сколько баллов получили. Я вот точно не хочу.

– А если тебе все равно, сколько баллов ты получила, то зачем вообще писала? – спрашивает Уилл, подходя к ее парте.

Эдди молчит, обдумывая ответ, а потом произносит:

– Ну, если не считать того, что я хотела получить зачет по вашему предмету автоматом... Наверное, затем, что мне было что сказать.

– Лейкен, будь добра, задай еще раз свой вопрос, – поворачивается ко мне Уилл.

Мой вопрос? Я лихорадочно пытаюсь вспомнить, что спрашивала. Ах, ну да, о смысле?

– В чем смысл этого задания? – неуверенно повторяю я.

Уилл поднимает листок с итоговыми баллами и медленно рвет его ровно посередине. Потом берет распечатки с проставленными баллами и бросает их в мусорное ведро, подходит к доске и начинает что-то писать. Закончив, он делает шаг в сторону.

Балом правят не баллы, балом правит поэзия.

Алан Вульф^[19]

В классе воцаряется тишина, все молча разглядывают написанную на доске цитату. Уилл выдерживает паузу, а потом продолжает:

– Вас не должно волновать, что другие думают о вашей поэзии. Выходя на сцену, вы делитесь со слушателями частью своей души, а душу в баллах оценить невозможно!

Звенит звонок. Обычно народ уже кинулся бы к двери, но сейчас никто не двигается с места – мы все смотрим на доску, словно загипнотизированные.

– Завтра вы узнаете, почему так важно писать стихи, – говорит Уилл.

На долю секунды, несмотря на весь бардак, который творится у меня в голове, я забываю, что передо мной Уилл, и смотрю на него именно как на своего учителя.

Хави первым встает с места, вскоре его примеру следуют все остальные. Уилл стоит ко мне спиной, и тут Эдди идет к его столу, держа в руке бланк. А я-то уже и забыла, что мы оставлены после уроков! Проходя мимо меня, Эдди подмигивает и идет к его столу.

– Мистер Купер, – преувеличенно вежливо обращается к нему она, – насколько я понимаю, данное распоряжение вступает в силу с последнего урока, то есть примерно с половины четвертого. Мне бы очень хотелось – и, думаю, Лейкен меня поддержит – быть пунктуальной и честно отбыть наше целиком и полностью заслуженное наказание с должным усердием. Не будете ли вы так любезны сообщить, где именно будет приведен в исполнение данный приговор?

– Здесь, – на ходу бросает Уилл, даже не взглянув на нее. – Только вы двое. Три тридцать.

И уходит. Как ни в чем не бывало.

– Ты что с ним сделала? – расхохотавшись, спрашивает Эдди.

– Ну не только я, Эдди, мы обе, – отвечаю я, направляясь следом за ней к двери.

– О господи! – оборачивается она и с ужасом смотрит на меня. – Он знает, что я знаю? И что он собирается предпринять?!

– Вот это мы, видимо, и узнаем в три тридцать, – пожимаю плечами я.

* * *

– Что? Красавчик оставил вас после уроков?! – недоверчиво смеется Гевин.

– Да, давно у него бабы не было, – вздыхает Ник.

Эдди так хохочет над его комментарием, что давится молоком, и оно брызгает во все стороны. Я награждаю ее многозначительным взглядом, и она умолкает.

– Да не может быть, чтобы он вас после уроков оставил! – продолжает Гевин. Но вы точно не знаете за что, да? За прогул? Так он вроде что-то вам говорил насчет этого на прошлой неделе и не особо-то сердился...

Я прекрасно знаю, за что нас оставили после уроков. По крайней мере, думаю, что знаю: он хочет убедиться, что Эдди можно доверять. Однако от него всего можно ожидать, поэтому я придумываю ответ на ходу:

– Он сказал, что это из-за того, что мы так и не сдали то задание, которое вы делали в тот день, когда мы прогуляли.

– Да ладно! Ты же его делала, я помню! – обращается к Эдди Гевин.

– По-моему, я его потеряла, – пожимает плечами она.

* * *

Мы с Эдди встречаемся перед аудиторией Уилла ровно в три тридцать.

– Знаешь, чем больше я думаю, тем меньше мне все это нравится. Почему он не мог просто позвонить мне или подойти поговорить, если ему что-то нужно? У меня, вообще-то, планы...

– Ну, может, это ненадолго...

– Ненавижу, когда оставляют после уроков, такое занудство! Я лучше бы повалялась у него дома на полу рядом с тобой, чем сидеть вот так в классе...

– Может, нам все равно удастся весело провести время?

– А знаешь, ты права! – поворачивается ко мне Эдди, уже держась за ручку двери. – Давай веселиться! Если не ошибаюсь, обычно после уроков оставляют на час – представляешь, сколько шуток про Чака Норриса мы успеем сочинить за это время?

– Ну, не так много, как сам Чак Норрис, – улыбаюсь в ответ я.

– Добрый день, мистер Купер, – влетая в аудиторию, заявляет Эдди.

– Садитесь, – говорит он, стирая с доски цитату про поэзию.

– Мистер Купер, а вы знали, что даже сиденья встают, когда в комнату входит Чак Норрис? – спрашивает она.

Я давлюсь от смеха и прохожу в аудиторию вслед за Эдди. Она идет в

самый конец класса и сдвигает две парты на последнем ряду. Теперь мы находимся на максимальном расстоянии от учительского стола.

Уилл не смеется. Даже не улыбается. Сидя за своим столом, он сердито смотрит на нас, а мы хихикаем, как и положено ученицам старших классов.

– Значит, так... – Он встает, подходит к нам и прислоняется к подоконнику, скрестив руки на груди. – Нам надо поговорить... – Он смотрит в пол и явно не знает, как поделикатнее завести разговор. – Эдди, мне нужно знать, что у тебя на уме. Я знаю, что ты была у меня дома. Знаю, что ты в курсе, что Лейкен у меня ночевала. Знаю, что она рассказала тебе о нашем свидании. Мне просто нужно знать, что ты собираешься делать с этой информацией... если ты, конечно, собираешься с ней что-то делать...

– Уилл, она никому не скажет. Да и о чем говорить-то? – перебиваю его я, но он даже не смотрит в мою сторону, ожидая ответа от Эдди.

Видимо, моих слов ему недостаточно. То ли от нервов, то ли от того, что последние три дня оказались самыми странными за всю мою жизнь, я вдруг начинаю хохотать. Эдди вопросительно смотрит на меня, но не выдерживает и тоже раздражается хохотом.

– Что с вами?! – в отчаянии всплескивает руками Уилл. – Что тут смешного?!

– Да ничего, просто так странно... – объясняю я, пытаюсь сдержать смех. – Уилл, ради этого ты оставил нас после уроков? Ты не мог зайти ко мне вечером? Спокойно поговорить с нами? Зачем было оставлять нас после уроков?

Он ждет, когда мы перестанем смеяться, и, как только мы наконец замолкаем, выпрямляется и подходит ближе.

– Раньше у меня с вами обеими поговорить не получалось. Я всю ночь не спал, мучился и думал, что будет, если вдруг я приду сегодня на работу, а мне сообщат, что я уволен! Если эта история всплывет, – говорит он, глядя на Эдди, – если кто-то узнает, что девушка из моего класса спала со мной в одной постели, меня уволят! Да еще из колледжа выгонят!

– Ты спала в его постели вместе с ним? – оживляется Эдди, поворачиваясь ко мне. – А ты скрытная, дорогуша! Как ты могла утаить это от меня?! – смеется она.

Уилл в отчаянии мотает головой, возвращается к учительскому столу, обессиленно падает на стул и закрывает лицо руками. Наш разговор явно складывается не так, как он планировал.

– Ты правда спала с ним в одной постели? – шепчет Эдди так, чтобы Уилл не расслышал.

– Да ничего не было! Ты же сама говорила, что он зануда!

Эдди снова смеется, причем так заразительно, что я тоже теряю самообладание.

– Неужели это смешно?! Пошутить решили?! – доносится из противоположного конца класса голос Уилла.

Судя по его взгляду, он надеялся, что известие об оставлении после уроков нас расстроит, и уж точно не ожидал, что мы будем так веселиться.

– А вы знаете, что у Чака Норриса нет чувства юмора? – не унимается Эдди. – Он сразу убивает всех, кто осмелится при нем засмеяться!

Уилл утыкается лбом в стол, признавая поражение. Мы с Эдди переглядываемся и тут же перестаем смеяться, пытаюсь проявить уважение к тому, что он пытается поговорить с нами серьезно.

– Послушайте, мистер Купер... – Эдди вздыхает и выпрямляется на стуле. – Я никому ничего не скажу. Клянусь. Тем более и рассказывать-то особо не о чем.

– Есть о чем, Эдди. Вот это я и пытаюсь объяснить вам обеим. Если вы будете думать, что это пустяк, то рано или поздно наверняка проговоритесь. А для меня слишком многое поставлено на карту.

Мы обе вздыхаем. Воздух в классе словно вдруг лишился кислорода, и вся наша веселость исчезла вместе с ним. Эдди тоже чувствует это и пытается разрядить возникшее вдруг напряжение.

– А вы знаете, что Чак Норрис не любит играть в карты, потому что... – начинает она, но тут Уилл окончательно выходит из себя и, стукнув кулаком по столу, вскакивает на ноги.

Мы с Эдди уже не смеемся. Я делаю большие глаза и мотаю головой, давая знак, что Чаку Норрису пора на покой.

– Это не шуточки! Это очень серьезное дело! – повысив голос, говорит он, достает что-то из ящика, подходит к нам и швыряет на стык наших парт фотографию.

На фотографии изображен Колдер.

– Этот мальчик! Этот мальчик – очень серьезное дело! – кричит Уилл, тыкая пальцем в фотографию. Он делает шаг назад, разворачивает соседнюю парту и садится перед нами.

– Не уверена, что мы понимаем, о чем ты, Уилл, – осторожно начинаю я, и Эдди согласно кивает. – При чем тут Колдер?

Уилл делает глубокий вдох, наклоняется и забирает фотографию. Я по лицу вижу, что он вспомнил о чем-то неприятном. Некоторое время он смотрит на фото, потом снова кладет его на стол и откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди и продолжая смотреть на фотографию, лишь

бы не встречаться с нами взглядом.

– Он был с ними... когда это случилось. Они умерли у него на глазах.

Я шумно вдыхаю. Мы с Эдди почтительно молчим, ожидая, что он скажет дальше, но у меня сразу же появляется чувство, что это будет нечто важное.

– Врачи сказали, что он чудом остался жив. Машина была всмятку. Когда к месту аварии подбежали люди, они обнаружили Колдера пристегнутым к остаткам заднего сиденья. Он звал маму, просил ее обернуться. Больше пяти минут он сидел там один и смотрел, как умирают родители...

Уилл нервно кашляет. Эдди берет меня под столом за руку и крепко сжимает. Мы молчим.

– Я не отходил от него все шесть дней, которые он пролежал в больнице. Не пошел даже на похороны родителей. Когда бабушка с дедушкой приехали за ним, он разрыдался. Ему не хотелось ехать с ними, он хотел остаться со мной, умолял меня взять его к себе в общежитие. У меня не было ни работы, ни страховки, мне было девятнадцать лет. Я понятия не имел, что значит растить ребенка... поэтому я позволил им забрать его.

Уилл встает и подходит к окну. Некоторое время он молча наблюдает за тем, как машины одна за другой уезжают с парковки, потом подносит руку к лицу и, как мне кажется, смахивает слезы. Не будь рядом Эдди, я бы подошла к нему и крепко обняла.

Наконец Уилл снова поворачивается к нам лицом.

– Колдер возненавидел меня, – продолжает он. – Так злился, что не отвечал на мои звонки и редко перезванивал. Однажды, в самый разгар матча, я вдруг задумался, верный ли выбор сделал. Посмотрел на футбольный мяч, провел руками по свиной коже, по тисненому логотипу... Этот продолговатый предмет не весил и полкило. Я выбрал какой-то дурацкий кожаный мяч, а не свою плоть и кровь! Оказалось, что мои интересы, моя девушка, моя стипендия для меня важнее, чем малыш, которого я люблю больше всех на свете. Я бросил мяч и ушел с поля прямо посреди игры. К двум часам ночи я добрался до бабушки с дедушкой и вытащил Колдера из постели. В ту ночь он переехал ко мне. Они умоляли меня не делать этого, говорили, что для меня это будет слишком тяжело, что я не смогу дать ему то, в чем он нуждается, но я знал, что они ошибаются. Знал, что по-настоящему Колдеру нужен только я!

Он медленно идет к парте перед нами и опирается о нее руками, а потом смотрит на наши залитые слезами лица:

– Последние два года моей жизни я пытаюсь убедить себя в том, что принял правильное для него решение. Вы думаете, я забочусь о своей работе? О своей карьере? Нет! Ничего подобного. Речь о жизни, которую я пытаюсь построить для этого маленького мальчика? Да, это серьезно, очень серьезно! Для меня нет ничего важнее!

Спокойно оставив парту в покое, Уилл забирает свои вещи и уходит.

Эдди встает, подходит к его столу, достает из ящика коробку бумажных салфеток, кладет ее передо мной и тяжело опускается на стул. Я достаю салфетки, и мы обе вытираем слезы.

– Господи, Лейкен... Как тебе это удастся? – спрашивает она, сморкается и берет из коробки еще одну салфетку.

– Что удастся? – всхлипывая, переспрашиваю я, продолжая тереть глаза.

– Как тебе удастся в него не влюбиться?

– А мне не удастся! – отвечаю я, и слезы начинают течь еще сильнее. Приходится взять еще одну салфетку. – Мне не удастся не влюбиться в него! Мне не удастся не влюбиться в него слишком сильно!

Эдди со смехом сжимает мою руку. Еще час мы сидим в аудитории в полном одиночестве, добровольно отбывая вполне заслуженное нами наказание.

Глава 14

*And I know you need me in the next room over
But I am stuck in here all paralyzed.*

«The Avett Brothers». 10 000 words^[20]

Я еще ни разу не занималась сексом. Однажды дело чуть до этого не дошло, но в последний момент я струсила. Относительно долго я встречалась всего с одним парнем – Керрис познакомила меня с ним как раз накануне моего семнадцатилетия.

Брат Керрис учился в колледже, и однажды (это было пару лет назад) к нему приехал друг – погостить на весенних каникулах. Его звали Сет, ему было восемнадцать, и я решила, что влюбилась. На самом деле, думаю, мне просто нравилось, что у меня появился парень. Он учился в Техасском университете, как минимум в четырех часах езды на машине от нашего дома.

Мы встречались примерно полгода: часто разговаривали по телефону, общались в чате. Мне уже исполнилось семнадцать, мы много обсуждали это, вот я и решила, что пора. Меня отпустили гулять до полуночи, он снял номер в гостинице, а маме мы сказали, что поедem в кино.

Когда мы добрались до гостиницы, у меня тряслись руки. Я передумала, но боялась сказать ему, ведь он так старался, чтобы у нас все получилось, даже привез из дома постельное белье, чтобы обстановка была уютнее. Некоторое время мы лежали на кровати и целовались, а потом он снял с меня рубашку и уже взялся за джинсы, как я вдруг разревелась. Он тут же остановился и даже не пытался уломать меня. Он даже не обиделся на меня за то, что я передумала, – просто поцеловал и сказал, что все в порядке. Мы взяли в прокате какой-то фильм и смотрели его, лежа на кровати.

Через семь часов рассвело, и мы в панике проснулись. Никто не знал, где мы находимся, телефоны были отключены всю ночь. Мои родители наверняка уже сходили с ума от беспокойства. Он побоялся встречаться с ними, довез меня до дома и сразу же уехал. Помню, как я отчаянно мечтала оказаться в каком-нибудь другом месте. Мне наверняка предстоял серьезный разговор, придется объяснить, где я пропадала. А я терпеть не могла скандалы...

* * *

Стоя у джипа, я разглядываю уставленный гномами дворик дома, который на самом деле не стал нам домом. Меня охватывает знакомое чувство беспокойства, под ложечкой предательски сосет. Мама наверняка захочет обо всем поговорить: о раке, о Келе... Она захочет поговорить напрямую, а мне хочется разве что забиться в угол.

Я медленно подхожу к двери, нажимаю на ручку и мечтаю, чтобы кто-нибудь держал ее изнутри, не давая мне войти. Однако дверь открывается, и я вижу маму, Кела и Колдера, расположившихся за барной стойкой.

Они вырезают тыквы – отлично, значит, разговор откладывается.

– Привет! – говорю я, не обращаясь ни к кому конкретно.

Мама даже не смотрит в мою сторону.

– Привет, Лейкен! Гляди, какая у меня тыква! – радостно кричит Кел и поворачивает тыкву ко мне «лицом» – глаза и рот вырезаны крест-накрест, а сбоку на скотч прилеплен пакет с конфетами. – Он кислый, потому что переел кислых леденцов, – объясняет мне брат.

– Что ж, очень креативно, – хвалю я.

– А смотри, какая у меня! – вмешивается Колдер и поворачивает ко мне свою тыкву, но у той вместо лица лишь множество больших дырок.

– Ой... а это как понимать? – спрашиваю я.

– Это Бог!

– Бог?! – растерянно переспрашиваю я.

– Ну да, Бог! – смеется Колдер, смотрит на Кела, и они хором говорят:

– Потому что Бог не просто всех прощает – у Него голова дырявая, и Он все забывает!

– Да, ребята, вы друг друга стоите! – смеюсь я и в этот момент ловлю на себе мамин взгляд: она пытается понять, в каком я настроении. – Привет! – говорю я, обращаясь непосредственно к ней.

– Привет! – улыбается она.

– Слушай, а что, если сегодня мы будем просто вырезать тыквы? Просто вырезать тыквы, и больше ничего? – повторяю я, надеясь, что она поймет, на что я намекаю.

– Конечно, – с улыбкой отвечает она, разглядывая стоящую перед ней тыкву. – Но мы не сможем вырезать тыквы каждый вечер, Лейк. Рано или поздно нам придется перестать вырезать тыквы.

Я беру с пола свободную тыкву, ставлю ее на стойку и усаживаюсь поудобнее, но тут кто-то стучится в дверь.

– Я открою! – кричит Колдер, спрыгивая со стула.

Мы с мамой оборачиваемся – в дверях стоит Уилл.

– Привет, малыш! Ты теперь уже и дверь тут гостям открываешь? – спрашивает он у Колдера.

– Мы вырезаем тыквы для Хеллоуина, – радостно сообщает Колдер, хватая его за руку и тянет через гостиную на кухню. – Смотри, Джулия и для тебя тоже купила!

– Да нет, я как-нибудь в другой раз. Вообще-то, я за тобой пришел. Надо дать людям отдохнуть...

– Садись, Уилл, – говорит вдруг моя мама, отодвигая свободный стул. – Сегодня мы просто вырезаем тыквы. Просто вырезаем тыквы, и все. Ничего больше.

Колдер уже достал тыкву и поставил ее на стол перед предназначенным Уиллу стулом.

– Ладно... Тыквы так тыквы, – соглашается Уилл.

Колдер протягивает ему ножик, мы впятером сидим за стойкой и просто вырезаем тыквы. И все.

Кел заставляет нас немного понервничать, спросив, почему я так поздно вернулась из школы. Мама внимательно смотрит на меня, ожидая ответа, а Уилл просто вырезает тыкву, не поднимая глаз.

– Нас с Эдди оставили после уроков.

– Оставили после уроков?! Но за что? – спрашивает мама.

– Мы на прошлой неделе прогуляли урок – спали во дворе.

– Лейк, но зачем вы это сделали? – кладя ложку на стол и разочарованно глядя на меня, спрашивает мама. – И какой же урок вы прогуляли?

Я молча надуваю губу и киваю в сторону Уилла. Мама переводит взгляд на него, он смотрит ей в глаза, пожимает плечами и смеется:

– Она прогуляла мой урок! И что мне оставалось делать?!

– Я тебя ужином за это угощу, – улыбается мама, похлопывает его по плечу и достает телефонный справочник.

* * *

Вечер проходит просто нереально: мы едим пиццу, болтаем, смеемся – все, даже мама. Как приятно слышать ее смех! Она сегодня совсем другая: думаю, что ей стало легче уже потому, что она наконец все мне рассказала. Я вижу это по ее глазам.

Кел с Колдером обсуждают, кем они хотят быть на Хеллоуин. Колдер не может решить: то ли трансформером, то ли сердитой птичкой, а Кел и вовсе еще не придумал.

Я убираю с пола тыквенные очистки, ополаскиваю в раковине коврик, а потом, подперев руками подбородок, облокачиваюсь на стойку и наблюдаю за ними. Возможно, мама в последний раз вырезает с нами тыквы. Через месяц мы в последний раз отпразднуем День благодарения, а потом наступит ее последнее Рождество. Но сейчас она как ни в чем не бывало болтает с Уиллом о планах на Хеллоуин и смеется. Остановись, мгновенье! Ну почему нельзя вырезать тыквы целую вечность?

* * *

Мама уходит к себе, чтобы собраться на работу, Уилл и Колдер возвращаются домой. Я прибираюсь на кухне, подбираю с пола обрезки тыквы, складываю их в большой мешок и несу его в мусорный бак в конце улицы. Стоит мне выйти, как открывается дверь дома напротив и на пороге появляется Уилл, тоже с мусорным пакетом. Уже почти у самого бака он оглядывается, замечает меня и улыбается, потом поднимает крышку и закидывает мусор в бак.

– Привет, – говорит он, засовывая руки в карманы куртки, и подходит ко мне.

– Привет, – отвечаю я.

– Привет, – повторяет он, проходит мимо меня и садится на бампер моего джипа.

– Привет, – произношу я, прислоняясь к машине.

– Привет...

– Перестань! – не выдерживаю я и смеюсь.

Мы оба ждем, что кто-нибудь заговорит первым, но никто не решается нарушить неловкое молчание. Ненавижу такие паузы, поэтому решаю рискнуть:

– Прости, что я рассказала Эдди... Но она такая умная, знаешь, она сама обо всем догадалась... Только ей показалось, что между нами есть нечто большее, чем на самом деле, поэтому мне пришлось рассказать ей правду. Я не хотела, чтобы она плохо о тебе думала.

– Я тебе доверяю, Лейк. – Уилл запрокидывает голову и смотрит в небо. – Я даже Эдди доверяю. Просто мне нужно было, чтобы она поняла, почему я так дорожу этой работой. А может быть, я все это рассказал вам, чтобы ты поняла, почему я не могу рисковать.

– В любом случае, – продолжаю я, не в силах проанализировать услышанное, – я знаю, что тебе было непросто решиться на такую откровенность... Спасибо тебе!

Мимо проезжает машина и останавливается у соседнего дома. Из нее

выходит женщина, а за ней – две девочки. У каждой в руках по тыкве.

– Слушай, а я ведь не знаю никого из соседей, кроме вас с Колдером, – признаюсь я.

– Это Эрика, – рассказывает Уилл, глядя в сторону дома, куда только что зашла мама с дочками. – Ее мужа зовут Гас, они женаты уже лет двадцать, наверное. Две дочки, подростки. Старшая иногда подрабатывает няней и сидит с Колдером. Наши соседи справа, Боб и Мелинда, живут здесь дольше всех. Их сын недавно ушел в армию. Они очень помогли мне после смерти родителей... Мелинда несколько месяцев готовила нам обед каждый день. Она до сих пор приносит нам что-нибудь вкусненькое, примерно раз в неделю... А вон в том доме... Видишь? Там живет ваш хозяин, Скотт. Он владеет шестью домами только на этой улице. Хороший человек, но съемщики у него надолго не задерживаются. Ну вот и все, кого я знаю.

Я разглядываю соседние дома – они как две капли воды похожи друг на друга, сложно даже представить, что в них живут разные семьи. Интересно, а у них тоже есть свои тайны? Может быть, кто-то из них влюблен. Или, наоборот, пытается разлюбить кого-то? Они счастливы? Грустят? Напуганы? Обанкротились? Страдают от одиночества? Насколько они ценят то, что имеют? Интересно, Гас и Эрика понимают, какое счастье, что они здоровы? А Скотт? Понимает ли он, как ему повезло, что у него такой большой доход от аренды? Ведь все это, абсолютно все, не вечно. Все изменяется, нет ничего постоянного. Единственное, что всех нас объединяет, – это неизбежность смерти: рано или поздно все мы умрем.

– А еще тут есть одна девушка... – продолжает Уилл. – Она переехала на нашу улицу не так давно. Я помню, как увидел ее впервые: она уверенно парковала перед домом фургон с прицепом. Он был, наверное, раз в сто больше ее, но она легко заехала задом во двор, даже не попросив о помощи. Я смотрел, как она ставит ручку в режим паркинга и кладет ноги на торпеду – как будто всю жизнь только и делала, что грузовики водила. Сущие пустяки! Мне было пора на работу, но Колдер уже побежал к их дому и стал сражаться на воображаемых мечях с маленьким мальчиком, который выпрыгнул из фургона. Я хотел было позвать его, но в той девушке было нечто такое... В общем, я почувствовал, что должен с ней познакомиться. Перешел дорогу, но она меня даже не заметила и с отсутствующим видом наблюдала, как ее брат играет с Колдером. Я стоял рядом с фургоном и любовался девушкой. И вдруг она посмотрела на меня. В ее взгляде было столько печали... Мне захотелось узнать, о чем она думает, чем живет, почему она такая грустная. Мне ужасно захотелось

обнять ее. Наконец она вышла из кабины, я подал ей руку, поздоровался. Мне ужасно не хотелось отпускать ее. Я хотел держать ее за руку вечно. Хотел сказать ей, что она не одинока в этом мире. Какая бы тяжесть ни лежала у нее на сердце, я готов был снять с него этот груз.

Я кладу голову ему на плечо, и он обнимает меня.

– Мне жаль, что я не могу сделать этого, – продолжает он. – Жаль, что не могу снять камень с твоего сердца. Но, к сожалению, так не бывает. Ничто не проходит само собой. Твоя мама пытается объяснить тебе именно это. Ей нужно, чтобы ты приняла то, что происходит, нужно рассказать все Келу. Ты должна помочь ей.

– Я знаю, Уилл, знаю... Но я не могу. Я еще не готова смириться с этим.

– К этому невозможно подготовиться, Лейк, – шепчет он, прижимая меня к себе. – Никому еще не удавалось.

Он отпускает меня и уходит. Да, он снова прав. Но на этот раз меня это не задевает.

* * *

– Лейк? Можно войти? – доносится из коридора мамин голос.

– Открыто, – отвечаю я.

Она входит и прикрывает за собой дверь. На ней униформа: медицинский халат и брюки. Мама садится на кровать рядом со мной, а я продолжаю писать в своей тетрадке.

– Что пишешь? – спрашивает она.

– Стихотворение.

– Для школы?

– Нет, для себя.

– Не знала, что ты пишешь стихи, – удивляется она, украдкой пытаюсь заглянуть мне через плечо.

– А я и не пишу. Просто если мы выступим со своими стихами в клубе «ДЕВУТЬ», то получим зачет автоматом. Я думаю, может, стоит попробовать, но еще не решила. Очень страшно выходить на сцену на глазах у множества людей.

– Расширай свои границы, Лейк! Они для того и существуют.

– Так что ты хотела? – спрашиваю я, откладывая в сторону тетрадку.

– Да ничего особенного... Просто мне скоро на работу, и я подумала, что мы можем поговорить... Сегодня я работаю последний день. Хотела тебе сказать, что больше на работу ходить не буду. – Мама заглядывает мне в глаза.

Я отвожу взгляд, беру ручку, надеваю на нее колпачок, закрываю тетрадку и убираю все в рюкзак:

– Мам, я все еще тыквы вырезаю.

Она тяжело вздыхает, встает, некоторое время смотрит на меня и выходит из комнаты.

Глава 15

*Forever I will move like the world that turns
beneath me
And when I lose my direction, I'll look up to the
sky
And when the black cloak drags upon the ground
I'll be ready to surrender, and remember
Well we're all in this together
If I live the life I'm given, I won't be scared to
die.*

*«The Avett Brothers». Once and Future
Carpenter^[21]*

Уилл заходит в аудиторию с небольшим проектором в руках, ставит его на стол и подключает к ноутбуку.

– А что мы сегодня будем делать, мистер Купер? – спрашивает Гевин.

– Хочу показать вам, зачем писать стихи, – отвечает Уилл не оборачиваясь, переносит провод через стол и включает проектор в сеть.

– Я и так знаю, зачем люди пишут стихи, – язвительно замечает Хави. – Потому что они чувствительные слабаки, которым больше нечем заняться, кроме как стенать о том, что от них ушла девушка, ну, или там собака умерла.

– А вот и нет, Хави, – перебиваю его я, – это не поэзия, это музыка в стиле кантри.

Все смеются, даже Уилл. Смех стихает, он садится за стол, включает ноутбук и внимательно смотрит на Хави:

– Ну и что? Если кому-то становится легче после того, как он напишет стихотворение о своей умершей собаке, прекрасно, пусть пишет! А вдруг какая-нибудь девушка разобьет тебе сердце и ты решишь излить свои чувства на бумаге, а, Хави? Это ведь твое личное дело – правда?

– Ладно, это по-честному! Люди должны иметь право писать, о чем хотят. Но меня интересует другое: а вдруг автор стихотворения не хочет переживать все это заново? Вдруг какой-нибудь чувак выступит на слэме, расскажет, как расстался с девушкой, а потом как-то это переживает, и жизнь продолжается. Он, может, в другую чувиху влюбляется, но видео-то на «YouTube» уже лежит! Весь Инет знает о том, как ему было грустно и обидно, когда та красотка разбила ему сердце! По-моему, полный отстой! Если ты выступаешь на сцене или даже просто записываешь слова на бумаге, рано или поздно тебе придется прожить эту ситуацию заново!

Уилл заканчивает возню с проектором, берет мел и что-то пишет на доске. Когда он делает шаг в сторону, мы читаем:

«Братья Эйвитт»

– Кто-нибудь про них слышал? – спрашивает Уилл, бросая на меня взгляд и едва заметно покачивая головой, чтобы я не поднимала руку.

– Что-то знакомое, – слышится неуверенный голос с задних рядов.

– Они известные философы, – начинает Уилл, расхаживая взад и вперед по классу, – говорят и пишут удивительно мудрые слова, которые заставляют нас задуматься.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. Хотя... он совершенно прав.

– Кажется, на одном из творческих вечеров им задали вопрос об их поэзии: тяжело ли вновь и вновь переживать во время выступлений описанный в их стихах опыт? Они ответили, что им хотелось бы верить, что они уже миновали этот этап: люди или события, которые в какой-то момент времени вдохновили их на написание стихотворения, остались в прошлом, однако это не значит, что кто-то из их слушателей не переживает нечто подобное в настоящем. Какой же из этого следует вывод? Возможно, вы уже не чувствуете той боли, о которой писали год назад, но что, если слушатель, сидящий в первом ряду, сейчас ощущает именно это? Вот почему люди пишут стихи: чтобы когда-нибудь, лет, скажем, через пять, другой человек услышал их и узнал в них себя!

Он включает проектор, и я сразу же узнаю появляющиеся на экране слова: это стихотворение, которое он читал со сцены на слэме в вечер нашего свидания, то самое стихотворение о смерти.

– Видите? Я написал это стихотворение два года назад, после смерти родителей. Я злился. Мне было больно. Я описал все именно так, как чувствовал. Читая эти слова сейчас, я уже не ощущаю ни гнева, ни боли. Жалею ли я, что написал его? Нет, потому что, возможно, именно сейчас, в

этой самой аудитории, есть кто-то, для кого эти слова могут оказаться важны.

Он передвигает мышь по столу, увеличивая текст и выделяя одну из строчек:

Люди не любят *говорить* о смерти, потому что им становится *грустно*.

– Никогда не знаешь – вдруг сейчас это важно для кого-то в нашей аудитории? Вам грустно говорить о смерти? Ну конечно грустно. Смерть – отстой. Говорить о смерти крайне неприятно. Но иногда вы вынуждены говорить о ней.

Я понимаю, что он делает. Скрестив руки на груди, я сердито смотрю на него. Он тоже не сводит с меня глаз. Потом снова обращает взгляд на монитор и выделяет другую строчку:

Если бы они *только* успели *подготовиться, принять неизбежное*, поменять свои *планы*...

– А как насчет этой фразы? Мои родители не были готовы умереть. За это я злился на них. Они оставили мне счета, долги и ребенка. А что, если бы их предупредили заранее? Дали им шанс все обсудить, поменять свои планы? Если бы мы не избегали с такой легкостью разговоров о смерти, пока они были живы, то, возможно, мне было бы не так тяжело разобраться со всеми проблемами после их смерти.

Уилл смотрит прямо на меня и увеличивает следующую строчку:

...понимая, что *на кону* не только *их* жизнь.

– Мы всегда думаем, что у нас есть как минимум еще один день. Если бы мои родители узнали, что с ними произойдет, они сделали бы все возможное, чтобы подготовить нас. Все возможное! Дело не в том, что они не думали о нас, – просто они не думали о смерти.

Он выделяет последнюю строчку стихотворения:

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой *жизни*.

Я снова и снова перечитываю эти слова. Они звучат у меня в ушах до конца урока. Звенит звонок, все выходят, а я продолжаю сидеть и смотреть на экран. В классе остаемся только мы с Уиллом.

Он сидит за столом и смотрит на меня в надежде, что я пойму.

– Я поняла, Уилл, – шепчу я. – В первой строчке ты говоришь, что смерть – единственное, что неизбежно в этой жизни, и подчеркиваешь

слово «смерть». А повторяя эту строчку в конце стихотворения, ты подчеркиваешь слово «жизнь». В конце ты хочешь обратить внимание слушателей на слово «жизнь»! Я поняла, Уилл! Ты прав. Она не пытается подготовить нас к ее смерти. Она пытается подготовить нас к жизни после ее смерти... К тому, что после нее останется...

Уилл выключает проектор. Я собираю вещи и иду домой.

* * *

Присев на край кровати, я разглядываю маму. Она лежит прямо посередине. Теперь, когда она спит одна, ей больше не надо выбирать какую-то одну сторону.

На маме по-прежнему медицинская форма. Она проснется и снимет ее. Последний раз в жизни... Интересно, она поэтому не стала снимать ее сразу?

Я наблюдаю, как ее тело ритмично движется в такт дыханию. Каждый вдох дается маме с трудом. Я слышу это. Легкие работают из последних сил. Легкие, которые все-таки подвели ее.

Наклонившись, я глажу ее по волосам. Несколько волосинок остается у меня в руках – я отдергиваю руку, медленно накручиваю волосинки на палец, иду в свою комнату и поднимаю с пола фиолетовую заколку. Открыв ее, я вкладываю туда тонкую прядку маминых волос и защелкиваю обратно. Кладу заколку под подушку, возвращаюсь в мамину спальню, залезаю к ней под одеяло и обнимаю ее. Она берет меня за руку, наши пальцы переплетаются, и мы начинаем разговор – молча, без единого слова.

Глава 16

«...»

«*The Avett Brothers*». *Complainte d'un matelot mourant*^[22]

Вскоре мама снова засыпает, а я иду в магазин. Больше всего на свете Кел обожает «базанью» – так он называл лазанью, когда был маленький, поэтому мы с мамой до сих пор говорим именно так. Я покупаю все ингредиенты, возвращаюсь домой и начинаю готовить.

– Дело пахнет базаньей, – восклицает мама, выходя из спальни.

Она уже переделалась в домашнюю одежду, в последний раз сняв медицинскую форму.

– Ага. Я подумала, что надо Кела порадовать. Сегодня вечером ему это понадобится.

– Значит, мы все-таки перестали вырезать тыквы? – спрашивает мама, подходит к раковине, моет руки и начинает помогать мне с тестом.

– Ага. Похоже, тыквы закончились, – отвечаю я, и мама смеется. – Мам, слушай, нам надо поговорить до того, как он вернется. Поговорить о том, что с ним будет.

– Я очень хочу поговорить об этом, Лейк. Правда хочу.

– Почему ты не хочешь, чтобы он остался со мной? Думаешь, я не справлюсь? Считаешь, что я не смогу стать ему хорошей мамой?

– Лейк, ну что ты! – протестует мама, выкладывая в форму последний слой теста и делая мне знак полить его соусом. – Я просто хочу, чтобы у тебя была своя жизнь. Восемнадцать лет я растила тебя, учила всему, что знаю сама. А теперь пришел твой черед отправиться в свободное плавание – начать учиться на собственных ошибках, а не воспитывать ребенка.

– Но иногда в жизни не все происходит в строго хронологическом порядке, – возражаю я. – Ты же прекрасный тому пример. Если бы все было так просто, ты не умирала бы сейчас... Ты умерла бы лет в семьдесят семь, не раньше. Кажется, у нас сейчас такая средняя продолжительность жизни, – шучу я, и она снова смеется. – Мам, я серьезно. Я хочу этого. Хочу вырастить его. Да и он наверняка захочет остаться со мной, ты же знаешь. Ты должна дать нам выбор. До сих пор такого выбора у нас не было, а теперь ты можешь дать нам такую возможность.

– Хорошо, – соглашается она.

– Хорошо? Хорошо, я над этим подумаю? Или хорошо-хорошо?

– Хорошо-хорошо!

Я обнимаю ее. Мне кажется, я никогда в жизни так крепко не обнимала ее, как сейчас.

– Лейк, ты решила и меня заодно полить соусом для базаньи?

Опомнившись, я понимаю, что держу в руках лопатку и соус стекает с нее прямо маме на спину.

* * *

– А почему он не может пойти к нам? – спрашивает Кел, после того как мы паркуемся перед домом и я отправляю Колдера домой.

– Я же тебе сказала: маме надо с нами поговорить, – отвечаю я и веду его в дом, где мама уже ставит базанью в духовку.

– Мам, угадай что! – кричит Кел, вбегая на кухню.

– Что, милый?

– У нас в школе на Хеллоуин будет соревнование на лучший костюм! Победитель получает пятьдесят баксов!

– Пятьдесят баксов?! Ничего себе! А ты уже решил, кем ты будешь?

– Пока нет, – признается он, подходит к стойке и кидает на пол рюкзак.

– Сестра тебе сказала, что нам сегодня надо поговорить?

– Да. Хотя это и так понятно, раз базанья на ужин, – заявляет Кел и, встретив наши с мамой удивленные взгляды, поясняет: – Вы всегда готовите базанью, перед тем как сообщить плохие новости. Так было, когда умер дедушка, когда вы сказали мне, что умер папа, когда решили, что мы переезжаем в Мичиган. Сегодня у нас опять на ужин базанья, значит либо кто-то умирает, либо мы переезжаем обратно в Техас.

Мама ошарашенно смотрит на меня, пытаюсь понять, что делать. Вообще-то, мы не собирались сообщать ему вот так, с ходу. Она подходит к стойке и садится рядом с Келом. Я следую ее примеру.

– Какой ты наблюдательный! – говорит она.

– Ну так что? – спрашивает он, глядя ей в глаза.

– Кел, – нерешительно произносит мама, глядя его по щеке, – у меня рак легких.

Он тут же бросается ей на шею и крепко обнимает. Мама гладит его по голове, но он не плачет. Некоторое время они сидят молча, и мама терпеливо ждет его реакции. Наконец Кел шепчет, уткнувшись ей в плечо:

– Ты умрешь?

– Да, милый. Но я не знаю, когда именно. Поэтому теперь мы будем

проводить очень много времени вместе. Сегодня я в последний раз ходила на работу, так что теперь буду больше времени проводить с вами обоими.

Я не была уверена, как он отреагирует. Ему же всего девять лет. Возможно, он и не поймет, что все это правда, пока она не умрет по-настоящему. Папа умер внезапно и скоропостижно, поэтому тогда он, естественно, отреагировал куда сильнее.

– А что будет, когда ты умрешь? С кем мы будем жить?

– Твоя сестра уже взрослая. Ты будешь жить вместе с ней.

– Но я хочу остаться здесь, поближе к Колдеру, – умоляюще произносит он и смотрит на меня. – Лейкен, ты заставишь меня переехать вместе с тобой в Техас?

– Нет, Кел, мы останемся здесь, – отвечаю я, хотя еще пару минут назад была уверена в обратном.

– Мам, – вздыхает Кел, пытаюсь переварить все услышанное, – а ты боишься?

– Уже нет, – отвечает она. – У меня было достаточно времени, чтобы смириться с этим. Вообще-то, мне повезло: в отличие от вашего папы меня предупредили заранее. Теперь я могу много времени провести дома, с вами обоими.

Кел слезает с маминых коленей, опирается локтями о стойку и поворачивается ко мне:

– Лейкен, пообещай мне одну вещь!

– Конечно, какую?

– Никогда больше не делай базанью!

Мы смеемся. Боже мой, мы действительно смеемся! Мы с мамой только что сделали самую сложную вещь за всю нашу жизнь, а теперь мы просто смеемся... Кел все-таки потрясающий ребенок!

* * *

Через час мы достаем из духовки огромную базанью, ставим на стол хлебные палочки и салат и понимаем, что ни за что не сможем все это съесть.

– Кел, иди спроси Уилла и Колдера, ужинали они или нет, – предлагает мама, глядя на ломящийся от еды стол, и Кел пулей бросается к двери.

Мама накрывает еще на двоих, а я наливаю чай.

– Надо попросить Уилла помочь нам с Келом, – говорю я.

– Уилла? Зачем?

– Потому что я хочу сама возить тебя на процедуры, Бренда и так слишком много для тебя сделала. Иногда я могу пропускать занятия, или

будем ездить после школы.

– Ладно, – с улыбкой соглашается она.

На кухню врываются Кел с Колдером, а через секунду в дверях появляется Уилл.

– Кел говорит, у нас на ужин базанья? – неуверенно спрашивает Уилл.

– Да, сэр, – рапортует мама, раскладывая ее по тарелкам.

– Что такое базанья?! Лазанья болоньезе? – с сомнением в голосе интересуется он.

– Базанья – это базанья. К тому же мы готовим ее в последний раз, так что не упусти свой шанс!

Уилл подходит к столу, ждет, пока мы с мамой сядем, а потом садится сам.

Мы передаем друг другу хлебные палочки и салат, пока наконец на тарелках не остается свободного места. Как и вчера вечером, Кел не дает нам скучать:

– Колдер, а моя мама умирает!

Уилл бросает на меня взгляд, и я едва заметной улыбкой даю ему понять, что мы уже все обсудили.

– Когда она умрет, я буду жить с Лейкен. Прямо как ты с Уиллом! У нас все будет одинаково – родителей у нас обоих не будет, и мы будем жить с нашими братом и сестрой!

– Круто! С ума сойти! – восхищенно произносит Колдер.

– Колдер!!! – орет на него Уилл.

– Все в порядке, Уилл! – успокаивает его мама. – С точки зрения девятилетнего ребенка, и правда можно с ума сойти.

– Мам, а что насчет твоей комнаты? Можно я туда перееду? Она больше, чем моя!

– Ну уж нет, – протестую я, – там есть отдельный туалет! Так что туда перееду я!

Кел выглядит расстроенным, но я не ведуся: спальня с отдельным туалетом, разумеется, достанется мне.

– Кел, зато тебе достанется мой компьютер, – утешает его мама.

– Класс!

Я наблюдаю за Уиллом, пытаюсь понять, не в шоке ли он от нашего разговора, но он смеется. Видимо, именно на это он и надеялся – на то, что мы сможем принять ситуацию.

За ужином мы обсуждаем, что произойдет в ближайшие несколько месяцев, обговариваем, кто из нас будет сидеть с Колдером и Келом, пока мама будет на процедурах. Уилл соглашается, чтобы Кел приходил к ним,

когда захочет, и обещает возить обоих мальчиков в школу. Взамен мама уговорила Уилла разрешить ей готовить ужин на всех. Я буду забирать их из школы в те дни, когда у мамы не будет процедур. Вечер прошел просто замечательно! Такое ощущение, как будто мы все просто взяли и плюнули смерти в лицо!

– С ног валюсь от усталости, – говорит мама, – пойду в душ и спать.

Уилл на кухне моет посуду.

– Спасибо тебе. За все, – тихо говорит мама и обнимает его сзади за плечи.

Он оборачивается и тоже обнимает ее. Проходя мимо, мама с хитрым видом толкает меня в плечо. Она не произносит ни слова, но я понимаю, на что она намекает: дает добро. Снова. Жаль, что это не поможет.

Я вытираю стол и подхожу к раковине, чтобы прополоскать тряпку.

– У Эдди день рождения в четверг, а я не знаю, что ей подарить...

– Ну, по крайней мере, я точно знаю, что ей дарить не стоит, – отвечает он.

– Поверь мне, я в курсе! – смеюсь я. – Кажется, Гевин куда-то ведет ее в четверг вечером. Может, придумаю для нее что-нибудь в пятницу...

– О, кстати, насчет пятницы! Вы как? Мне нужно будет присмотреть за Келом? Я совсем забыл, что мы с Колдером на этих выходных едем в Детройт.

– Нет-нет, мы сами справимся. А что у тебя там? Семейные посиделки?

– Ну да. Мы всегда раз в месяц ездим к бабушке с дедушкой на выходные. У нас такой уговор, с тех пор как я практически выкрал его ночью из их дома.

– Ну что ж, вполне справедливо, – замечаю я, вытаскивая из раковины затычку.

– Значит, тебя не будет на слэме в четверг? – спрашивает он.

– Нет. Зато мы сможем присмотреть за Колдером – просто отправь его к нам после школы.

– Как все странно, – вдруг говорит Уилл, ставя в сушилку последнюю тарелку и вытирая руки полотенцем. – Как все так удачно устроилось. Вы переезжаете именно сюда именно сейчас. Кел и Колдер знакомятся именно в тот момент, когда Келу особенно нужен близкий друг. Он довольно спокойно воспринимает новость о вашей маме. Неужели так бывает? – спрашивает он. – Я тобой так горжусь, Лейк! Ты сегодня была просто молодчина! – с улыбкой хвалит меня он, запечатлевает на моем лбу долгий фирменный поцелуй и направляется в гостиную. – Колдеру нужно еще сходить в душ перед сном, так что, думаю, нам пора идти. До завтра!

– Ага, до завтра!

Я вздыхаю, думая о том, что все-таки есть одна вещь, о которой он не подумал. Одна очень важная вещь, которая так и не устроилась: мы.

Постепенно я начинаю смиряться с мыслью, что нам не быть вместе. Что мы просто не можем быть вместе. Особенно много я думаю об этом последние два дня. Кажется, мы действительно вышли на новый уровень отношений. Разумеется, время от времени между нами все равно возникает неловкость, но мы вполне в состоянии с этим справиться. Сейчас еще только октябрь, а Уилл будет моим учителем до июня, то есть еще восемь долгих месяцев! Я ложусь, закрываю глаза и принимаю важное решение: отныне Уилл для меня не самый главный человек на свете. Сначала – мама, потом – Кел, а потом – жизнь.

Наконец-то! Теперь я свободна от него!

* * *

– Эдди,хватишь мне шоколадного молока, а то я забыл? Ну пожалуйста, – просит Гевин, умоляюще глядя на нее щенячьим взглядом.

Эдди демонстративно закатывает глаза и встает. Как только она отходит от столика, Гевин поворачивается к нам и быстро шепчет:

– Завтра вечером, в шесть, в «Гетти»! Захватите розовые шарики! Потом все едем на слэм!

– Гевин, ты с ума сошел?! Это не смешно, она обидится! – возмущенно шепчу я.

– Поверь мне, я знаю, что делаю!

– Вот, с тебя пятьдесят центов, – произносит Эдди, ставя перед ним стакан с молоком.

– С меня мое сердце, – парирует Гевин.

Ну, такому олуху, как ты, лучше отрастить парочку запасных, – не остается в долгу Эдди, давая ему шуточный подзатыльник и тут же целуя в щеку.

* * *

С неохотой я все-таки являюсь в «Гетти» в назначенное время с розовым шариком в руке. Гевин и Ник машут мне рукой из дальней кабинки. Над столиком парит огромная связка розовых шариков – господи, она наверняка обидится!

Гевин забирает у меня шарик, что-то пишет на нем большим маркером, а потом вручает мне целую связку и командует:

– Иди к туалетам, я за тобой зайду, когда будет пора, она уже скоро

приедет!

Он подталкивает меня в сторону туалетов, и я даже не успеваю возразить. Стоя в коридоре между подсобкой и мужским туалетом, я разглядываю шарики и вдруг замечаю, что на каждом из них написано имя. Через некоторое время ко мне подходит немолодой мужчина и спрашивает:

– Вы Лейкен?

– Да, – отвечаю я.

– Меня зовут Джоел, я приемный отец Эдди.

– Ой, здравствуйте!

– Гевин просит вас выйти, а я пока подержу шарики. Эдди уже приехала. Она думает, что я просто вышел в туалет, так что ничего не говорите про шарики!

– Ладно... – соглашаюсь я, отдаю ему шарики и возвращаюсь к столику.

– Лейкен! И ты тут! О ребята, какие вы милые! – радуется Эдди, садясь за столик.

– погоди! – хватая ее за руку Гевин. – Есть будем потом, а пока что все выходим на улицу!

– На улицу? Но там же холодно!

– Пойдем-пойдем, – подталкивает ее к двери он.

Мы все идем на улицу следом за Гевином и встаем рядом с Эдди. Я поглядываю на Ника, но тот лишь пожимает плечами. Он явно понимает не больше моего. Гевин достает из кармана листок бумаги и поворачивается к Эдди:

– Эдди, это письмо написал не я, но меня попросили его зачитать.

Эдди с улыбкой смотрит на нас, пытаюсь по нашим лицам понять, что происходит. Бесполезно! Мы и сами не знаем, что он задумал.

Ты появилась в моей жизни четвертого июля, в День независимости. Тебе было четырнадцать. Ты распахнула дверь и направилась напрямик к холодильнику, заявив, что хочешь спрайта. Спрайта у меня не было, но ты сказала, что «Доктор Пеннер» тоже вполне сойдет. Я был просто в шоке. Сказал социальному работнику, что не смогу взять тебя, ведь я никогда не пытался воспитывать подростка. Она пообещала найти для тебя подходящую семью, но попросила разрешения оставить тебя до утра в моем доме.

Я ужасно нервничал. Понятия не имел, о чем говорят с четырнадцатилетними девочками. Не знал, что им нравится, какие они смотрят передачи. Я чувствовал себя совершенно беспомощным. Но с

тобой все было так легко. Ты очень старалась, чтобы мне было легко...

Поздно вечером, когда стемнело, мы услышали залпы салюта. Ты схватила меня за руку, подняла с дивана и вытащила на улицу. Мы лежали на траве перед домом и смотрели на небо. Ты болтала без умолку. Рассказала мне все о последней семье, и о той, что была до нее, и о предыдущей... Ты говорила и говорила, а я слушал. Слушал рассказ жизнерадостной маленькой девочки. Жизнерадостной девочки, которую жизнь изо всех сил старалась сломить...

В окне ресторана Эдди вдруг видит Джоела с огромной связкой розовых шариков в руках и ахает. Он выходит на улицу и встает рядом с Гевинном, а тот продолжает читать:

Я мало что смог дать тебе. Ну разве что научить тебя правильно парковаться. А вот ты... Ты научила меня гораздо большему. Ты себе даже не представляешь, как много мне дала! С этого дня – с этого особенного дня, с дня твоего восемнадцатилетия – ты больше не принадлежишь штату Мичиган. И на данный момент юридически ты больше не принадлежишь и мне. Ты больше не принадлежишь никому из тех людей, которые когда-то владели тобой и твоим прошлым.

Джоел начинает произносить имена и по очереди отпускает шарики. Эдди плачет, а мы все замороженно смотрим, как шарики медленно плывут по воздуху и исчезают в темном небе. Он отправляет в полет все шарики с именами двадцати девяти братьев и сестер и тринадцати родителей.

Под конец в руке у Джоела остается всего один розовый шарик, на котором большими черными буквами написано: «ПАПА».

Гевин складывает листок и отходит в сторону, уступая место Джоелу.

– Я надеюсь, что в этот день ты примешь от меня этот подарок. – Джоел вручает Эдди последний шарик. – Я хочу остаться твоим папой, Эдди, твоей семьей на всю оставшуюся жизнь!

Эдди обнимает его, и они оба плачут. Мы тихо заходим обратно в «Гетти», чтобы дать им возможность побыть наедине.

– Господи, мне срочно нужна салфетка, – всхлипываю я.

Подойдя к стойке, я оглядываюсь на Гевина и Ника и решаю прихватить целую стопку: парни тоже плачут. Мы молча возвращаемся за наш столик.

Глава 17

*If I get murdered in the city
Don't go revengin' in my name
One person dead from such is plenty
No need to go get locked away.*

«The Avett Brothers». Murder in the City^[23]

Скажу честно: похоже, я прошла через пять стадий горя во всех аспектах моей жизни.

Я приняла смерть отца. Приняла еще за несколько месяцев до того, как мы переехали в Мичиган. Приняла судьбу матери. Я понимаю, что, вообще-то, она еще не умерла и что после ее смерти мне придется заново пройти все стадии. Но будет уже не так тяжело.

Я приняла наш переезд в Мичиган. Та песня, которую я слушала на повторе в доме Уилла, называлась «Груз лжи». Там есть такие слова:

*The weight of lies will bring you down, follow you to every town 'cause
nothing happens here that doesn't happen there^[24].*

Каждый раз, когда песня звучала заново, я все время слышала лишь эти строки о лжи и о том, какой это тяжелый груз. Сегодня, сидя за рулем джипа на дороге в Детройт, я наконец до конца понимаю их смысл. Дело не только во лжи – дело в самой жизни. От жизни не убежишь в другой город, в другое место, в другой штат – то, от чего ты бежишь, всегда будет преследовать тебя, оставаясь рядом, до тех пор, пока ты не найдешь в себе силы встретиться с этим лицом к лицу.

Если бы даже мне удалось сбежать от своих проблем обратно в Техас, они рано или поздно нашли бы меня. Поэтому я здесь, в Ипсиланти, штат Мичиган, и здесь останусь. И меня это больше не напрягает.

Я приняла ситуацию с Уиллом. Перестала винить его за выбор, который он сделал. Конечно, в девичьих грезах я мечтаю о том, что он подхватит меня на руки и скажет, что ему наплевать на карьеру, что самое главное – это любовь. Но на самом деле я вряд ли смогла бы смириться с тем, что он с такой легкостью отбросил в сторону все, что было для него важнее всего на свете. Такой поступок многое сказал бы о нем как о человеке. Я не виню его – я его уважаю. И когда-нибудь, когда буду готова, обязательно

поблагодарю его.

* * *

К клубу я подъезжаю в начале девятого. Гевин приготовил какой-то сюрприз для Эдди, поэтому они должны заскочить куда-то еще и немного задержаться. На парковке на удивление много машин, поэтому мне приходится поставить джип с другой стороны здания. Выйдя из машины, я делаю глубокий вдох и пытаюсь настроиться. Не могу точно сказать, решила ли я, что буду сегодня выступать: сомнения мучают меня до сих пор.

У меня в голове неотступно звучат мамины слова: «Расширяй свои границы, Лейк, они для того и существуют».

Я смогу. Ведь это же просто слова. Я произнесу их – и дело сделано! Все очень просто.

Через несколько минут я вхожу в клуб. Видимо, вот-вот свершится «жертвоприношение», потому что в зале стоит звенящая тишина. Я осторожно пробираюсь через толпу в дальний угол и, не желая привлекать к себе внимание, сажусь за столик в свободной кабинке. Достāju телефон, отключаю звук и пишу сообщение Эдди, чтобы она знала, где меня искать. И тут со сцены доносится его голос.

Уилл стоит у микрофона. Значит, жертвой сегодняшнего слэма оказался он.

Раньше я *любил* морскую стихию.

Все в ней меня восхищало.

Коралловые *риффы*, белые *мысы*, ревущие *волны*, *ласково омывающие скалы*, легенды о *пиратах* и *русалочьих* хвостах,
О потерянных и обретенных сокровищах...

И *ВСЕ*

рыбы

в *море*.

Да, раньше я *любил* морскую стихию,

Все в ней меня восхищало.

Как она *пела* мне *колыбельные*, когда я *лежал в постели*,

а потом *пробуждала* меня с *силой*,

которая *вскоре* стала *пугать* меня.

Ее *сказки*, ее *ложь*, ее *хитрый* взгляд,

Я бы осушил ее до *дна*,

Если бы только *захотел*.
Раньше я *любил* морскую стихию.
Все в ней меня восхищало.
Коралловые *риффы*, белые *мысы*, ревущие *волны*, *ласково*
омывающие скалы, легенды о *пиратах* и *русалочьих* хвостах,
Потерянных и *обретенных* сокровищах...

И *ВСЕ*
рыбы
в *море*.

Все так. Но если бы вы хоть раз попытались *провести* свою *яхту* по ее бурным *волнам*, то сразу бы *поняли*, что ее *белые мысы* – ваши *враги*. А пытались ли вы хоть раз *доплыть до берега*, когда вашу *ногу* сводит *судорогой*, а вы только что *плотно пообедали в* закусочной «Туда-сюда», и теперь вас *тянет* ко дну и *ревущие волны* вышибают из вас *дыхание ветра*, наполняя *легкие водой*, пока вы *машете* руками, пытаясь привлечь *что-то внимание*, но ваши друзья

просто
машут
вам в ответ.

И если вы росли в *грезах* о *жизни*, о том, как однажды вы станете пиратом, у вас появится *свой* корабль со *своей* командой и как *все* эти русалки

будут любить
только
вас,

Что ж, тогда вы *поймете*...

Так же как недавно понял я...

Что все *хорошее*, что есть в морской стихии,

Все *прекрасное*

Призрачно и *нереально*.

Одним словом, чистый фейк.

Оставьте морскую стихию себе

Я выбираю *Лейк!*^[25]

Глоток воздуха! Или воды! Даже не знаю, что мне сейчас нужно

больше... Я незаметно выскальзываю из кабинки, иду к выходу, но по дороге заворачиваю в туалет. Наверное, мне просто нужна тишина.

Все кабинки свободны. Какая-то девушка моет руки у единственной раковины, поэтому с водой придется подождать. Я захожу в кабинку побольше, запираю за собой дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Неужели мне не показалось? А он, вообще, знает, что я здесь? Нет, не знает! Я же сказала, что не приду. Он думал, что я это не услышу. Да какая разница?! Важно, что он написал это! Он сам говорил, что пишет о том, что чувствует! Господи, он меня любит! Уилл Купер в меня влюблен!

Все это время я и без того понимала, что он ко мне чувствует. Я же вижу, как он на меня смотрит. Но услышать слова, открывающие его истинные чувства, услышать, как он произносит мое имя... Разве я смогу теперь посмотреть ему в глаза?! Нет, невозможно. Но он же не знает, что я здесь, надо просто тихо уйти! Уйти, пока он не заметил меня!

Выйдя из туалета, я озираюсь по сторонам, но Уилла не видно. К счастью, на сцену уже поднялся следующий выступающий, поэтому внимание зрителей приковано к сцене. Я пробираюсь по коридору к выходу, но в дверях сталкиваюсь с Эдди.

– Лейкен! Смотри, что мне Гевин подарил! – радостно кричит она, приподнимая волосы, чтобы показать подарок.

– Эдди, мне надо идти... Я тебе попозже позвоню. – Даже не взглянув на ее сережки, я прохожу мимо.

Эдди растерянно застывает на месте, улыбка на ее лице гаснет.

– Если что, ты меня не видела! – кричу я, обернувшись.

Огибая здание, я вдруг сталкиваюсь с выходящим из-за угла Хавьером. Вот тебе на! Сегодня сюда весь класс пришел, что ли?! Кто-нибудь наверняка обмолвится, что видел меня, а я не хочу, чтобы Уилл знал, что я слышала его выступление!

– Эй, куда спешишь? – спрашивает он, когда я пытаюсь протиснуться между ним и стеной.

– Мне пора! Завтра увидимся! – У меня нет ни малейшего желания останавливаться и вести светскую беседу. Главное сейчас – просто дойти до джипа и поскорее убраться отсюда.

– погоди, я тебя до машины провожу.

– Да все в порядке, Хави! Иди в клуб, там уже все началось.

– Лейкен, мы, вообще-то, в Детройте. Ты припарковалась позади клуба.

Поэтому ты уж извини, но я тебя все-таки провожу.

– Ладно, но тогда пошли скорее...

– Куда ты так торопишься?

– Просто устала, спать хочу. – Уверенная, что здесь Уилл меня уже точно не увидит, я немного замедляю шаг.

– Тут недалеко есть кафе. Хочешь выпить чашечку? – предлагает он.

– Нет, спасибо, мне не кофеин нужен, а кровать.

Мы доходим до джипа, я собираюсь достать ключи из... О черт! Сумочка! Я же забыла сумочку в зале!

– Черт! – ругаюсь я, с такой силой пиная гравий, что один камень отлетает и ударяется о дверцу джипа.

– Что случилось? – спрашивает Хави.

– Сумочку забыла! А ключи там! – Я устало прислоняюсь к джипу, скрестив руки на груди.

– Ну это не беда. Сейчас пойдем и заберем.

– Нет, не хочу... Слушай, а ты можешь сходить? – Я изображаю на лице свою самую очаровательную улыбку.

– Лейкен, тебе не стоит торчать тут вечером одной.

– Ладно, давай я просто напишу Эдди, чтобы она принесла мне сумку. Можешь телефон дать?

– Он у меня в тачке, – отвечает Хави, похлопав себя по карманам. – Пошли, достану. – Он берет меня за руку, ведет к машине, открывает дверь и достает телефон. – Блин, да он сдох... – Он ставит мобильный на зарядку. – погоди. Через пару минут можно будет позвонить.

– Спасибо, – киваю я, прислоняюсь к дверце и терпеливо жду.

– Снова снег пошел, – замечает Хави, становясь рядом и стряхивая что-то с моего рукава.

Я поднимаю глаза: действительно, большие белые хлопья падают с почти черного вечернего неба. Похоже, мы скоро узнаем, что такое настоящая мичиганская зима.

Обернувшись к Хави, я хочу спросить у него насчет зимней резины и скребок, но он вдруг обнимает меня и пытается поцеловать. Я отворачиваюсь и толкаю его в грудь. Почувствовав мое сопротивление, он слегка отстраняется, но продолжает прижимать меня к ледяной дверце фургона.

– Ты чё?! – недоуменно спрашивает он. – Я думал, тебе охота, чтобы я тебя поцеловал!

– Вообще нет! – кричу я, продолжая упираться руками ему в грудь, но он и не думает отпускать меня.

– Да ладно тебе, – с мерзкой улыбочкой говорит он. – Никаких ключей ты нигде не забывала, просто тебе хочется этого!

Он наваливается на меня, елозит влажными губами по моему рту, у

меня чуть сердце из груди не выскакивает, причем не от возбуждения, как это было с Уиллом, а оттого, что у меня просто включается животная реакция «бей или беги». Я хочу закричать, но он держит меня так крепко, что я и дышу-то с трудом. Пытаюсь вырваться, но он прижимает меня к фургону, не давая мне двигаться.

Я закрываю глаза: «Думай, Лейкен! Думай!»

Только я собираюсь укусить Хави за губу, как он вдруг резко отстраняется. Мало того, он почему-то продолжает пятиться, как будто кто-то тащит его назад и в конце концов падает на землю. Он пытается встать, но Уилл кидается на него, хватая за рубашку и бьет прямо в челюсть. Хави падает на спину, но умудряется перевернуться и, оттолкнувшись от земли, вскочить. Уилл невольно отшатывается.

– Перестаньте! – кричу я.

Хави не остается в долгу, и Уилл оказывается на земле! Я боюсь, что Хави ударит его снова, поэтому бросаюсь между ними как раз в тот момент, когда Хави заносит кулак над Уиллом. Удар приходится мне в спину, и я падаю прямо на Уилла. Горло перехватывает, я пытаюсь перевести дыхание, но ничего не получается – не могу вдохнуть.

– Лейк! – встревоженно кричит Уилл, опуская меня на землю, но ярость быстро берет верх над беспокойством. Он хватается за ручку дверцы какой-то машины и пытается встать.

– Лейкен, я не хотел тебя ударить, – подбегает ко мне Хави.

Я лежу на земле, поэтому не вижу, что происходит дальше, – слышу лишь удар, а потом ноги Хави взлетают в воздух. Уилл наклоняется над Хави и отвешивает ему еще раз.

– Мистер Купер, отстаньте от него! – кричит Гевин, пытаюсь разнять их, и они падают на землю.

– Лейкен, что произошло?! – спешит ко мне Эдди.

Она помогает подняться, и я хватаюсь за грудь. Удар пришелся в спину, но ощущение такое, как будто мне в легкие залили бетон. Я хватаю ртом воздух и ничего не могу ей ответить.

Уилл вырывается из хватки Гевина, встает, подходит ко мне и берет меня за руку. Эдди отходит в сторону. Уилл обнимает меня одной рукой за плечи, другой – за талию и медленно ведет к машине.

– Я отвезу тебя домой, – просто говорит он.

– Погодите! – кричит Эдди, догоняя нас – Я нашла твою сумочку!

Я беру сумку у нее из рук и пытаюсь улыбнуться. Она подносит руку к уху и одними губами беззвучно просит: «Позвони».

Уилл ведет меня к своей машине, и я с облегчением откидываюсь на

спинку сиденья. Уже можно дышать, но мне будто нож в спину воткнули. Закрыв глаза, я пытаюсь сосредоточиться на дыхании, делая вдох и выдох через нос. Мы наконец выезжаем с парковки.

Никто из нас не произносит ни слова. Я просто не могу. Почему молчит Уилл – неизвестно. В полной тишине мы доезжаем почти до самого Ипсиланти.

Уилл резко тормозит, останавливается, ударяет кулаком по рулю, выходит из машины и хлопает дверью. Его силуэт четко вырисовывается в свете фар, он отходит от машины, пиная камни и громко ругаясь. В какой-то момент он останавливается и просто стоит, опустив руки и глядя в небо. Снежинки падают ему на лицо. Наконец он возвращается в машину, садится, спокойно закрывает дверь, и мы все так же молча едем дальше.

Я уже в состоянии двигаться, уже почти нормально дышу, острая боль в спине немного притупилась. Однако Уилл все равно помогает мне дойти до его дома.

– Ложись на диван, – приказывает он. – Сейчас принесу лед.

Я подчиняюсь, ложусь на живот, прикрываю глаза и пытаюсь понять, что же сегодня за день такой... Через пару минут Уилл опускается на колени рядом с диваном, я поворачиваюсь к нему и в ужасе охаю:

– Уилл! Твой глаз!

У него рассечена бровь, и по лицу стекает струйка крови.

– Все в порядке, не волнуйся! – успокаивает он и спрашивает, берясь за край моей рубашки: – Можно?

Я киваю.

Он поднимает на спине рубашку, кладет на больное место холодный компресс, приятно ледящий кожу, а потом встает, открывает дверь и выходит.

Он ушел! Просто взял и ушел, ни слова не говоря! Я лежу в прежней позе еще несколько минут, надеясь, что он скоро вернется, но в конце концов переворачиваюсь на бок. Пакет со льдом падает на пол, я одергиваю рубашку и уже собираюсь встать, как вдруг дверь распаивается. В дом буквально врывается мама, а за ней входит Уилл.

– Лейк, милая! Как ты? – бросается ко мне мама.

– Мам... – тихо шепчу я, обнимаю ее за шею и рыдаю.

* * *

– Да все нормально, мам, ну правда!

Мама заставила меня лечь в постель и уже в сотый раз за десять минут спрашивает, как моя спина. Улыбаясь, она гладит меня по голове. Да, вот

по этому я буду скучать больше всего... по тому, как она гладит меня по голове и смотрит на меня с такой любовью.

– Уилл сказал, что тебя ударили в спину! Кто?

– Хави. Парень из моего класса, – отвечаю я, пытаюсь сесть, и морщусь от боли. – Он хотел ударить Уилла, но попал мне по спине.

– А почему он хотел ударить Уилла?

– Да потому, что сначала Уилл ударил его... Хави проводил меня до джипа, когда я ушла из клуба, и с чего-то решил, что я хочу с ним целоваться... Я пыталась вырваться, но никак не могла. А потом появился Уилл и врезал ему.

– Какой ужас, Лейк! Бедная девочка! – Наклонившись, она целует меня в лоб.

– Все нормально, мам... мне просто нужно поспать...

– А что Уилл? – спрашивает мама, вставая, чтобы погасить свет. – Что он собирается делать? – интересуется она уже в дверях.

– Не знаю, – отвечаю я.

Сначала я решила, что мама спрашивает о том, что он собирается сделать с Хави, но, когда дверь за ней закрывается, до меня наконец доходит, что она имела в виду работу!

Несколько часов я не могу уснуть. Мысли крутятся вокруг сложившейся ситуации. Мы находились за пределами территории школы. Он меня защищал. Возможно, Хави никому не скажет. Но Уилл все-таки ударил его первым. А потом еще раз. И еще. Наверное, он на этом не остановился бы, не появись как нельзя более вовремя Гевин. Я пытаюсь припомнить мельчайшие подробности всего, что произошло сегодня вечером, на случай если завтра мне придется выступить в защиту Уилла.

* * *

Утром я просыпаюсь и выхожу на кухню. Колдер и Кел сидят за столом и едят хлопья.

– Привет! Мой брат сегодня не сможет отвезти нас в школу. Сказал, что у него дела.

– Какие дела?!

– Не знаю, – пожимает плечами Колдер. – Утром пригнал домой твой джип, а потом опять уехал, – рассказывает он, отправляя в рот ложку фруктовых кружочков.

* * *

Я едва смогла высидеть первые два урока. Весь второй урок мы с Эдди

обмениваемся записками. Я рассказала ей обо всем, что произошло вчера вечером. Обо всем, кроме стихотворения, которое прочитал Уилл.

Перед началом третьего урока мне кажется, что я как будто плаваю в тумане. Почти как во снах, когда я выхожу из тела и со стороны наблюдаю за тем, как оно куда-то идет. Такое ощущение, что я не контролирую собственные действия, а просто слежу за ними. Эдди открывает дверь и входит первая. Я медленно иду за ней в аудиторию. Уилл еще не пришел. Хави тоже нет. Сделав глубокий вдох, я сажусь на свое место. И тут болтовню моих одноклассников резко прерывает пощелкивание громкой связи: «Лейкен Коэн, пожалуйста, пройдите в администрацию».

Резко обернувшись, я в ужасе смотрю на Эдди. Она натянуто улыбается и показывает мне большие пальцы. Подруга нервничает не меньше, чем я.

В приемной собралось несколько человек. Я узнаю директора, мистера Мёрфи, который разговаривает с двумя незнакомыми мне мужчинами. Заметив, что я пришла, он кивает и приглашает меня в кабинет. Там, сложив руки на столе, сидит Уилл. Когда мы входим, он даже не поднимает глаз – плохо дело...

– Мисс Коэн, прошу вас, – говорит мистер Мёрфи и садится напротив Уилла, а я осторожно опускаюсь на краешек ближайшего стула.

– Это мистер Круз, папа Хавьера, – представляет мистер Мёрфи незнакомца, которого я видела в приемной.

Мистер Круз сидит напротив меня. После слов директора Мёрфи он встает и пожимает мне руку через стол.

– А это офицер Вентурелли, – произносит директор, глядя на второго мужчину, который следует примеру отца Хави и тоже пожимает мне руку.

– Уверен, вы знаете, почему мы пригласили вас. Насколько нам известно, за пределами территории школы произошел инцидент с участием мистера Купера... – начинает разговор офицер Вентурелли и умолкает, вопросительно глядя на меня.

Возможно, он ожидает от меня какой-то реакции, но я молчу.

– Мы были бы крайне вам благодарны, если бы вы изложили нам свою версию произошедшего, – после паузы продолжает офицер.

Я бросаю взгляд на Уилла, и он едва заметно кивает, давая понять, что мне следует рассказать правду. Я так и поступаю. Десять минут я честно и подробно описываю вчерашние события.

Когда я закончила рассказ и ответила на все вопросы, мне разрешили вернуться в класс. Я встаю и уже поворачиваюсь в сторону двери, но тут меня окликает мистер Круз:

– Мисс Коэн! Я хочу извиниться перед вами. Я прошу прощения за

поведение моего сына.

– Спасибо, – коротко отвечаю я, выхожу из кабинета и возвращаюсь в аудиторию.

Уилла замещает другой преподаватель – дама в возрасте, которую я не раз встречала в коридорах школы, так что она, судя по всему, тоже здесь работает. Я вхожу и тихо сажусь на свое место. Но не могу думать ни о чем, кроме Уилла. Неужели он потеряет из-за меня работу?

Звенит звонок, ребята идут к выходу, а я поворачиваюсь к Эдди.

– Ну как? – встревоженно спрашивает она.

Я рассказываю ей, как все было, и добавляю, что пока ничего не понятно. Некоторое время я стою перед аудиторией, на случай если Уилл придет сюда. Но его нет. На четвертом уроке я понимаю, что в таком состоянии совершенно не воспринимаю новую информацию, поэтому, как только он заканчивается, ухожу.

Повернув на нашу улицу, я вижу машину Уилла. Даже не заехав во двор, я выскакиваю из джипа и бегу через дорогу. Только я собираюсь постучаться, как дверь распахивается и на пороге появляется Уилл в куртке и с сумкой через плечо.

– А ты что тут делаешь? – удивляется он.

– Увидела твою машину. Как все прошло?

Он не приглашает меня в дом, а выходит на крыльцо и запирает за собой дверь.

– Я уволился. Они расторгли мой контракт, – на ходу бросает он, направляясь к машине.

– Но тебе же осталось проработать всего восемь недель! Ты не виноват, Уилл! Как они могут так с тобой поступить?!

– Нет-нет, ты не поняла, – качает головой он. – Никто меня не увольнял, просто мы решили, что мне лучше закончить практику в другой школе, подальше от Хавьера. Через полчаса я встречаюсь с моим научным руководителем, так что мне пора, – объясняет он, открывает дверцу и бросает куртку и сумку на пассажирское сиденье.

– А что с работой? – Я придерживаю дверь, не позволяя ее захлопнуть, пока не получу ответы на все накопившиеся вопросы. – Я должна знать! Они будут платить тебе зарплату? Как же ты будешь жить?!

– Лейкен, – улыбается он, выходя из машины и кладя руки мне на плечи, – успокойся! Я что-нибудь придумаю. А сейчас мне пора. – Он садится за руль и открывает окно. – Можно Колдеру побыть у вас после школы, если я задержусь?

– Ну конечно!

– Завтра нам рано выезжать к бабушке с дедушкой, проследи, пожалуйста, чтобы он не ел сладкого на ночь. Ему надо лечь пораньше, – говорит он, медленно выкруливая со двора.

– Конечно!

– И еще кое-что, Лейкен... Успокойся.

– Конечно!

И он уезжает. Как ни в чем не бывало.

Глава 18

*Close the laundry door
Tiptoe across the floor
Keep your clothes on
I got all that I can take
Teach me how to use
The love that people say you made.*

«The Avett Brothers». *Laundry Room*^[26]

Чтобы хоть как-то отвлечься от навязчивых мыслей, всю оставшуюся часть дня я помогаю маме делать уборку. Она даже не спросила, почему я не в школе. Думаю, теперь такие мелочи ее не очень волнуют. Пора ехать за Келом и Колдером, а Уилл так и не вернулся, поэтому я забираю мальчиков из школы и привожу их к нам домой. Они наперебой обсуждают грядущий Хеллоуин. Мама разбирает одежду в гостиной.

– Вот теперь я знаю, кем я хочу быть! – заявляет ей Кел.

– И кем же, дорогой? – спрашивает она, откладывая в сторону полотенце.

– Твоим раком легких! – с широкой улыбкой сообщает он.

– Да ты что? – и бровью не поведя, переспрашивает ко всему привыкшая мама. – А что, в «Уол-марте» такие костюмы продаются?

– Вряд ли, – пожимает плечами Кел, доставая из холодильника лимонад. – А может, ты сошьешь? Я хочу быть легким!

– Слушай, а можно я буду вторым легким? – встревает вдруг в разговор Колдер.

Мама смеется, берет ручку и бумагу и садится за барную стойку:

– Что ж, давайте подумаем, как сшить пару раковых легких.

Кел и Колдер подбегают к ней и начинают выдавать одну гениальную идею за другой.

– Мам, – решительным тоном говорю я, – ты этого не сделаешь.

Она отрывает взгляд от лежащего перед ней наброска:

– Лейк, если на этот Хеллоуин мой малыш хочет быть раковым легким, то, уж поверь, я сделаю все, чтобы он был самой лучшей раковой опухолью во всем мире!

Я со вздохом присоединяюсь к ним и начинаю писать список того, что

нам потребуется.

* * *

Мы едва успеваем вернуться из магазина со всеми необходимыми для создания костюмов раковых легких материалами, как к дому подъезжает Уилл.

– Уилл! – Колдер бросается к нему и хватается за руку. – Пошли скорей, я тебе такое покажу!

Уилл помогает нам с мамой выгрузить покупки из багажника, а потом мы впятером заходим к нам.

– Знаешь, кем мы будем? На Хеллоуин? – с сияющим лицом спрашивает у него Колдер, показывая пальцем на стоящие на полу пакеты.

– Ну-у-у...

– Раком Джулии! – возбужденно заявляет Колдер.

Уилл приподнимает брови и смотрит на маму, которая появляется в дверях спальни со швейной машинкой в руках.

– Гулять так гулять, правда ведь? – произносит она, ставя машинку на барную стойку.

– Она разрешила нам самим сделать опухоли для легких, – сообщает Уиллу Кел. – Хочешь тоже? Можешь даже большую сделать!

– Ммм...

– Кел, – окликаю я брата, начиная разбирать два самых больших пакета с покупками. – Уилл и Колдер не смогут нам помочь, они уезжают из города на все выходные.

– Ну вообще-то, – перебивает меня Уилл, поднимая с пола остальные пакеты, – я же не знал, что вы тут собираетесь делать рак легких. Думаю, поездку придется перенести!

– Спасибо, Уилл! – Колдер подбегает к брату и обнимает его. – Им ведь в любом случае надо будет снимать с меня мерки, чтобы сшить костюмы. Я ведь так быстро расту!

И вот опять, уже в третий раз за неделю, мы ведем себя как одна большая счастливая семья.

* * *

Мы практически все придумали, и теперь остается только снять мерки и нарисовать выкройки.

– А где сантиметр? – спрашиваю я у мамы.

– Не знаю... Я, кстати, вообще не уверена, что он у нас есть, – отвечает она.

– У Уилла есть! – говорю я. – Уилл, можешь принести? Пожалуйста!

– У меня есть сантиметр?! – переспрашивает он.

– Да, в коробке со швейными принадлежностями.

– У меня есть коробка со швейными принадлежностями?!

– Да, в прачечной.

Поверить не могу! Неужели он даже не знает, что есть у него дома? Получается, что я всего один раз сделала у него уборку, но и то лучше знаю, что где лежит!

– Рядом со швейной машинкой, на полке, за выкройками твоей мамы. Я расставила их в хронологическом порядке, поэтому... Ладно, забей! Давай я тебе просто покажу, – вставая, говорю я.

– Ты разложила выкройки в хронологическом порядке?! – ошарашенно спрашивает мама.

– Ну да, – отвечаю я, уже стоя в дверях. – Неудачный тогда выдался денек...

Мы с Уиллом идем к нему, и я, пользуясь возможностью, спрашиваю, как дела с его практикой. Не хотела задавать ему этот вопрос при Колдере, потому что не была уверена, в курсе ли он того, что произошло.

– Ну, в общем-то, они просто погрозили мне пальцем, – рассказывает он, заходя в дом. – Объяснили, что, поскольку я защищал другую ученицу, они ничего не могут мне предъявить.

– Отлично! А что с практикой? – спрашиваю я, проходя через кухню к прачечной и доставая с полки коробку со швейными принадлежностями.

– Ну, тут немного сложнее... Все вакансии в Ипсиланти только в начальных школах, а у меня диплом по среднему школьному образованию, поэтому меня распределили в школу в Детройте.

– В смысле? – замираю я и с ужасом смотрю на него. – Вы что, переезжаете?!

– Да нет же, Лейк, – смеется он, глядя на мое обеспокоенное лицо. – Это же всего на восемь недель. Хотя, конечно, придется поездить... Не смогу отвозить мальчиков в школу и забирать, меня не будет боольшую часть времени. Знаю, что сейчас не самый подходящий момент просить тебя помочь, но...

– Перестань, – перебиваю его я, доставая из коробки сантиметр и складывая остальное содержимое обратно. – Ты же знаешь, что мы все сделаем!

Я возвращаюсь в прачечную, чтобы убрать коробку, Уилл идет следом. Проводя рукой по аккуратно сложенным в хронологическом порядке выкройкам, я вспоминаю, как всего неделю назад наводила здесь чистоту и

расставляла все по алфавиту. Возможно, у меня действительно случилось кратковременное помутнение рассудка? Я качаю головой, выключаю свет и натываюсь на Уилла: он стоит в дверях, прислонившись к косяку, и наблюдает за мной. В кладовке темно, но на его лицо падает свет с кухни.

У меня внутри разливается приятное тепло, но я стараюсь не поддаваться напрасным мечтам. Хотя он так на меня смотрит...

– Вчера вечером, – шепотом произносит он, – когда я увидел, что Хави целует тебя... – Он запинаяется и некоторое время молчит. – Мне показалось, что ты не против...

Мне тяжело находиться так близко от него, но я изо всех стараюсь не терять самообладание и обдумываю его признание. Если он решил, что я не против, то почему оттащил от меня Хави? Зачем ударил его? И тут до меня доходит! Уилл вовсе не пытался защитить меня вчера вечером, он просто ревновал!

– Вот как? – только и могу вымолвить я.

– Я не знал, что произошло до сегодняшнего утра, пока ты не рассказала, как все было на самом деле, – продолжает он, загоразивая мне дорогу и вынуждая стоять в темноте. – Господи, Лейк, – вздыхает он, проводя рукой по волосам, – ты не представляешь, как я разозлился! Мне так хотелось надрать ему задницу! А теперь, теперь, когда я знаю, что он и правда сделал тебе больно, мне вообще хочется его убить! – Он отворачивается.

Я вспоминаю вчерашний вечер и думаю о том, что пережил Уилл: сначала он со сцены признается в любви ко мне, а потом видит, что у меня что-то есть с Хави! Неудивительно, что он был в таком бешенстве по дороге домой.

Он продолжает стоять в дверях, не давая мне пройти. Не то чтобы я собиралась сбежать... но все-таки. Я ощущаю дикое напряжение во всем теле, потому что не понимаю, что он собирается говорить или делать. Я пытаюсь успокоиться и стараюсь замедлить дыхание, учатившееся настолько, что у меня даже легкие заболели. Да еще этот ушиб на спине...

– А откуда... откуда ты знал, что я там? – заикаясь, спрашиваю я.

Он оборачивается и упирается руками в косяки, полностью загоразивая собой дверной проем. Но мне это даже нравится.

– Я тебя видел. Когда я закончил выступление, заметил, как ты пошла к выходу.

У меня подкашиваются ноги, и я хватаюсь за сушильный шкаф, чтобы не упасть. Он знает, что я видела его выступление? Зачем же он говорит мне об этом? Я изо всех сил стараюсь ни на что не надеяться, но, может

быть, теперь, когда он больше не работает в моей школе, мы все-таки сможем встречаться? Может быть, именно это он пытается мне сказать?

– Уилл, ты хочешь сказать, что...

Он подходит ко мне вплотную, проводит рукой по моей щеке и внимательно смотрит в глаза. Я касаюсь его груди, и он крепко обнимает меня, а когда я пытаюсь сделать шаг назад, чтобы все-таки договорить, прижимает к шкафу.

Я собираюсь повторить свой вопрос, но его губы оказываются совсем рядом с моими, и у меня пропадает дар речи. Я тут же перестаю сопротивляться и разрешаю ему поцеловать меня. Ну конечно разрешаю! Как же иначе?! Едва держась на ногах, я роняю на пол сантиметр.

Он хватает меня за талию, приподнимает и сажает на сушильный шкаф – теперь наши лица находятся на одной высоте. Уилл целует меня с таким неистовством, как будто пытается наверстать все упущенное за последний месяц время. Я уже не понимаю, где его руки, а где – мои, и мы исступленно гладим друг друга. Обхватив его ногами за талию, я подставляю ему шею для поцелуя, чтобы хоть немного перевести дыхание. Все мои прежние чувства к нему возвращаются словно по мановению волшебной палочки. Я вдруг осознаю всю силу моей любви к нему и едва сдерживаю слезы. О господи, я люблю его! Я люблю Уилла Купера!

Я уже даже не пытаюсь дышать ровно – это все равно бесполезно.

– Уилл, это значит... значит, что нам больше... больше не надо притворяться? – шепчу я, с трудом переводя дыхание, пока он целует меня в шею. – Мы сможем быть вместе? Раз... раз ты больше не мой учитель...

Его объятие ослабевает, губы уже не касаются моей шеи, он медленно отстраняется и мягко опускает мои ноги вниз, потом отходит к стене и отворачивается.

Я спрыгиваю с сушильного шкафа:

– Уилл?

Свет с кухни тускло освещает его лицо, но я вижу, как напряжены его челюсти. В глазах застыло виноватое выражение.

– Уилл, скажи... Правила все равно действуют?!

Он молчит, но я и так все понимаю.

– Лейк... прости меня, это был момент слабости... – тихо произносит он наконец.

– Момент слабости?! – упираясь руками ему в грудь, кричу я. – Вот как это теперь называется?! Момент слабости?! И что же ты собирался делать, Уилл??? Когда ты собирался взять себя в руки и выставить меня за дверь на этот раз?! – Я резко разворачиваюсь и вылетаю из прачечной на кухню.

– Лейк, ну не надо! Прости! Прости меня! Это больше не повторится, клянусь!

– Ты чертовски прав! – обернувшись, бросаю ему я. – Это и правда больше не повторится. Твою мать, Уилл, только я смирилась! После целого месяца мучений я наконец-то научилась быть рядом с тобой и нормально общаться! А ты взял и все испортил! Я так больше не могу! – ору я и чувствую, как по щекам потоком струятся слезы. – Я не могу думать ни о чем, кроме тебя! Но теперь у меня нет на это времени! Есть вещи поважнее твоих «моментов слабости»! – Усилим воли я все-таки беру себя в руки и, уже подходя к двери, ровным голосом прошу: – Принеси мне сантиметр.

– Ч-ч-что?!

– Принеси сантиметр! Он на полу в этой чертовой прачечной!

Он быстро идет в прачечную, находит сантиметр и приносит мне. Опуская его в мою раскрытую ладонь, он берет меня за руку и пристально смотрит мне в глаза:

– Лейк, не делай из меня последнюю сволочь. Пожалуйста!

– Ну уж ты точно не жертва обстоятельств! – резко отвечаю я, отдергивая руку, и ухожу, громко хлопнув дверью.

Я даже не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, смотрит ли он мне вслед. Мне все равно!

Перед нашим домом я останавливаюсь, делаю глубокий вдох и вытираю слезы. Открываю дверь дома, который постепенно становится мне родным, изображаю на лице улыбку и помогаю маме в последний раз шить костюмы для Хеллоуина.

Глава 19

*Ain't it like most people
I'm no different
We love to talk on things
We don't know about.*

«The Avett Brothers». 10 000 words^[27]

Уилл и Колдер все-таки уезжают. Мы с мамой проводим выходные вместе, добавляя последние штрихи к костюмам. Я рассказываю маме, какое у Уилла расписание, и объясняю, что нам придется больше помогать ему с Колдером. Пусть я ужасно злюсь на него, но Колдер и Кел тут ни при

чем, они не должны страдать. В воскресенье вечером Уилл возвращается, но я не обращаю на него внимания. Мне нет до него никакого дела.

* * *

– Кел, позвони Колдеру и скажи, что он может прийти примерить костюм, – бужу я Кела, вытаскивая его из кровати. – Уиллу все равно рано уезжать, так что он может собраться у нас.

Наступил Хеллоуин – день раковых легких. Кел бросается на кухню и хватается телефон.

Я принимаю душ, привожу себя в порядок, а потом бужу маму, чтобы она посмотрела на дело наших рук. Мама одевается и по распоряжению Кела и Колдера крепко зажмуривается. Я веду ее к ним в гостиную.

– Стойте! – кричит Колдер. – А как же Уилл?! Он тоже должен на нас посмотреть.

Я вывожу маму обратно в коридор, бегу к двери, быстро натягиваю сапоги и выхожу на улицу. Уилл как раз отъезжает от дома, но я машу ему рукой. По его лицу я понимаю, что он надеется на прощение. Ну уж нет, пусть даже не думает!

– Я все равно считаю тебя кретином, но твой брат хочет, чтобы ты посмотрел на его костюм, так что зайди к нам на минутку, – сообщаю я и ухожу обратно в дом.

Когда он открывает дверь, я прошу его закрыть глаза, отвожу в гостиную и ставлю рядом с мамой. Мальчики наконец разрешают им посмотреть.

Кел – правое легкое, а Колдер – левое. Объемные костюмы сшиты так, что для рук и головы оставлены маленькие прорезы, а низ – открытый, как юбка. Мы покрасили ткань, чтобы пятна напоминали омертвевшие участки. В некоторых местах выступают уплотнения – опухоли. Уилл и мама некоторое время молча смотрят на мальчишек, потеряв дар речи.

– Отвратительно, – произносит наконец Уилл.

– Омерзительно, – поддерживает его мама.

– Жуть! – восклицаю я.

Мальчики, точнее легкие, дают друг другу пять. Мы быстро фотографируемся, я сажаю парочку раковых легких в джип и везу их в школу.

* * *

Прошла только половина второго урока, когда мой телефон неожиданно завибрировал. Я смотрю на высветившийся на экране номер –

это Уилл. Но он же никогда мне не звонит! Наверное, хочет еще раз извиниться, думаю я и убираю телефон в карман. Он вибрирует снова. Обернувшись, я вопросительно смотрю на Эдди.

– Мне Уилл названивает, подойти, как думаешь? – спрашиваю я у нее, сама не понимая зачем. Видимо, надеюсь получить мудрый совет.

– Не знаю.

Да, надежда умирает последней... Вызов повторяется, я нажимаю «Принять звонок» и тихо шепчу:

– Алло!

– Лейкен, это я! Слушай, надо поехать к мальчикам в школу! У них там что-то случилось, а до твоей мамы не дозвониться. Я в Детройте и никак не могу вырваться.

– Что случилось? С кем? – шепотом спрашиваю я.

– С обоими, кажется. Они в порядке, просто надо, чтобы их кто-нибудь забрал, так что поезжай скорее и перезвони мне!

Я отпрашиваюсь с урока, Эдди выходит следом за мной.

– Что случилось? – спрашивает она, стараясь не отставать.

– Не знаю. Что-то с Келом и Колдером.

– Я с тобой! – заявляет она.

* * *

Мы подъезжаем к школе, и я со всех ног бросаюсь ко входу. Задыхаясь и практически на грани истерики, я все-таки нахожу кабинет директора. Кел и Колдер сидят в коридоре. Я подбегаю к ним и крепко обнимаю:

– Все хорошо? Что случилось?

Они пожимают плечами.

– Без понятия. Нам просто велели сидеть здесь, пока нас не заберут родители, – сообщает Кел.

– Мисс Коэн? – раздается голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь: передо мной стоит высокая, стройная рыжеволосая дама. На ней черная юбка-карандаш до колена и белая рубашка. Женщина больше похожа на библиотекаря, чем на директора. Она жестом предлагает нам с Эдди зайти в кабинет, садится за стол и кивает на свободные стулья напротив. Мы послушно садимся.

– Меня зовут миссис Брилл, я директор начальной школы Чепмена. Директор Брилл, – бесстрастно произносит она ледяным голосом.

Ее манера говорить и высокомерная поза раздражают меня. Она мне не нравится.

– Родители Колдера к нам присоединятся? – спрашивает она.

– Родители Колдера умерли, – отвечаю я.

Она на мгновение теряется, но тут же берет себя в руки и еще больше (если такое, конечно, возможно) выпрямляет спину.

– Ах да, вы правы. Прошу прощения. Он ведь с братом живет, если я не ошибаюсь?

– Да, – киваю я. – Но его брат в Детройте, на работе. Приехать не сможет. Я сестра Кела. Что произошло?

– А сами разве не видите? – Она с усмешкой показывает на мальчиков, сидящих за стеклянной стеной кабинета и весело играющих в «камни—ножницы—бумага».

Я прекрасно знаю, что она имеет в виду их костюмы, но, поскольку директор Брилл не вызывает у меня ни малейшего уважения, изображаю полнейшее непонимание и удивленно спрашиваю:

– У вас в школе запрещено играть в «камни—ножницы—бумага»?

Эдди буквально давится от смеха.

– Мисс Коэн! Они же нарядились раковыми легкими! – возмущенно восклицает директор Брилл.

– А мы думали, что это гнилые фасолины! – со смехом отвечает Эдди.

– Не вижу ничего смешного! Они привлекают к себе внимание! Это крайне некорректные и пошлые костюмы! К тому же просто отвратительные! Уж не знаю, кому пришла в голову такая идея, но вам придется забрать их домой и переодеть!

Я внимательно смотрю в глаза директору Брилл, наклоняюсь вперед и опираюсь руками о ее стол.

– Миссис Брилл, – спокойно говорю я, – эти костюмы собственноручно сшила моя мать, ее диагноз: четвертая стадия мелкоклеточного рака легких. Моя мать, которая уже никогда больше не увидит, как ее малыш наряжается на Хеллоуин. Моя мать, у которой, скорее всего, в этом году все будет последним. Последнее Рождество. Последний день рождения. Последняя Пасха. И если на то будет воля Божья, последний День матери. Ее девятилетний сын спросил у нее, можно ли ему нарядиться ее раком на Хеллоуин, и у нее не было выбора: она просто сшила ему самый лучший в мире костюм пораженных раковой опухолью легких. Поэтому, если вам это кажется некорректным, предлагаю вам самой отвезти мальчиков к нам домой и лично сообщить ей свое мнение. Запишите, пожалуйста, адрес.

Директор Брилл лишь открывает рот, качает головой и молча ерзает на стуле. Я встаю и вместе с Эдди иду к двери, но в последний момент останавливаюсь и оборачиваюсь:

– И еще. У вас тут, говорят, будет конкурс на лучший костюм?

Надеюсь, жюри будет беспристрастным и объективным!

Мы выходим в коридор, и Эдди начинает хохотать на всю школу.

– Ну что? – спрашивает Кел.

– Ничего, – отвечаю я. – Возвращайтесь на урок. Она просто хотела узнать, где мы купили материал для ваших костюмов, – хочет нарядиться геморроем на следующий год!

Мальчики возвращаются в класс, а мы с Эдди, едва сдерживая смех, выходим из школы. Но как только дверь за нами захлопывается, начинаем хохотать так, что аж слезы по щекам текут.

Вернувшись в машину, я обнаруживаю на телефоне шесть пропущенных звонков от мамы и два от Уилла, перезваниваю им и, не вдаваясь в подробности, заверяю, что все улажено.

Когда я заезжаю за мальчиками, они с сияющими лицами наперегонки несутся к машине.

– Мы выиграли! – кричит Колдер, забираясь на заднее сиденье. – Оба! По пятьдесят долларов каждому!

Глава 20

*Well I've been locking myself up in my house for
some time now*

*Reading and writing and reading and thinking
and searching for reasons and missing the
seasons*

The Autumn, the Spring, the Summer, the snow

The record will stop and the record will go

Latches latched the windows down,

the dog coming in and the dog going out

Up with caffeine and down with the shot

Constantly worried about what I've got

Distracted by work but I can't make it stop

and my confidence on and my confidence off

And I sink to the bottom I rise to the top

and I think to myself that I do this a lot

*World outside just goes it goes it goes it goes it
goes it goes...*

«The Avett Brothers». *Talk on Indolence*^[28]

Следующие несколько недель пролетают незаметно. В те дни, когда я вожу маму на процедуры, Эдди помогает нам приглядывать за мальчиками. Уилл каждый день уезжает в полседьмого утра и возвращается не раньше половины шестого вечера, так что мы с ним не видимся. Я делаю все возможное, чтобы не пересекаться с ним, – теперь наши отношения сводятся к эсэмэскам и звонкам насчет Кела и Колдера. Мама пыталась выпытать у меня, что случилось и почему Уилл к нам больше не заходит. Я соврала, что он очень занят на новой работе.

За последние два месяца он всего один раз заходил к нам домой. После той сцены в прачечной это был наш единственный с ним разговор. Уилл сообщил мне, что с января, то есть всего через две недели, ему предлагают начать работу в средней школе.

Я рада за него, но все-таки мне немного грустно. Я знаю, что это очень важно для них с Колдером, но, с другой стороны, прекрасно понимаю, что это означает для нас с Уиллом. В глубине души я считала дни до окончания его практики в Детройте – и вот практика окончена, а он уже подписал новый контракт. Теперь все окончательно встало на свои места: между нами все кончено.

Мы наконец выставили на продажу наш дом в Техасе. Мама умудрилась отложить целых сто восемьдесят тысяч долларов из суммы, полученной по папиной страховке, – оказывается, он все-таки застраховал свою жизнь! Деньги за дом полностью пока не получены, но вскоре должен поступить очередной платеж. Мы с мамой проводим боольшую часть ноября, пытаюсь разобраться с финансовыми вопросами: откладываем нам на образование, открываем сберегательный счет на имя Кела. Она расплатилась по всем кредитным картам, которые открыты на ее имя, и строго-настрого запретила мне влезать в такие дела. Сказала, что достанет меня с того света, если я посмею завести кредитную карточку.

* * *

Сегодня четверг. Последний день учебы во всех школах, в том числе и в той, где работает Уилл. Сегодня нас отпустили домой пораньше, поэтому я забрала Колдера к нам. Обычно по четвергам он остается у нас до утра, потому что Уилл ходит на слэм.

Я не была в клубе «ДЕВУТЬ» с той самой ночи, когда Уилл прочел посвященное мне стихотворение. Теперь я понимаю, что имел в виду Хави тогда, на уроке, говоря о том, что не хочет вновь переживать боль, оставшуюся в прошлом. Поэтому я не хожу на слэм – напереживалась на всю жизнь вперед.

Покормив мальчиков, я отправляю их в комнату к Келу, а сама иду к маме – поболтать перед сном:

– Закрой дверь, – шепчет она. – Это для Кела.

Она упаковывает рождественские подарки. Я прикрываю за собой дверь, сажусь к ней на кровать и принимаюсь помогать.

– Какие у тебя планы на рождественские каникулы?

У мамы совсем не осталось волос. Парик носить она не хочет – говорит, ощущение такое, будто на голове спит свернувшийся клубком хорек. Но она все равно очень красивая!

– Думаю, такие же, как у тебя, – пожимаю плечами я.

– Пойдешь с нами завтра к Уиллу на выпускной? – нахмурившись, спрашивает она.

Он прислал нам приглашение еще две недели назад. Вроде как каждый выпускник имеет право пригласить определенное количество людей. Уилл пригласил только бабушку с дедушкой и нас.

– Не знаю, еще не решила.

– Ты должна пойти, – вдруг говорит мама, обвязывая коробку лентой. – Что бы там между вами ни произошло, тебе все равно следует сходить. Он очень помогает нам, Лейк.

Мне не хочется признаваться, что я не хочу идти просто потому, что совершенно не понимаю, как себя с ним вести. В тот вечер, в прачечной, мне показалось, что мы все-таки сможем быть вместе, и, о господи, как я была счастлива! Меня охватило потрясающее чувство свободы – свободы любить его. Но все оказалось неправдой... Одна минута чистого счастья, а потом – ужасная боль... Я больше так не хочу. Я устала от горестных переживаний.

Мама убирает с коленей оберточную бумагу и крепко обнимает меня. А я-то думала, что умею скрывать свои чувства...

– Прости, пожалуйста, – кажется, я дала тебе ужасный совет...

– Перестань, мам, это невозможно! – смеясь, отстраняюсь я. – Ты вообще неспособна делать что-то ужасное. – Я поднимаю с пола коробку и начинаю заворачивать ее в уже отрезанный лист бумаги.

– И тем не менее... Всю жизнь я учила тебя думать головой, а не сердцем.

– Это не просто хороший совет, – отвечаю я, методично подгибая углы и закрепляя их скотчем, – это отличный совет! Иначе не знаю, как бы я пережила последние несколько месяцев.

Мама забирает у меня коробку, хотя я еще не успела привязать бантик, и отставляет ее в сторону, а потом берет мои руки в свои и разворачивает

меня лицом к себе:

– Я серьезно, Лейк! Ты так много думаешь головой, что совершенно не слушаешь то, что подсказывает тебе сердце. Здесь необходимо соблюдать равновесие. Вы с головой окунаетесь в проблемы других, не оставляя себе ни единого шанса быть счастливыми!

– Никуда я не окунаюсь, мам, – растерянно качаю головой я.

– Да нет же, Лейк. – Мама слегка трясет мои руки, словно пытаюсь донести до меня что-то очень важное. – Я, я поглощаю тебя! Перестань так сильно беспокоиться за меня, живи своей жизнью! Я еще жива!

Я смотрю на наши руки невидящим взглядом и пытаюсь понять, о чем она говорит. Я действительно сконцентрировала на ней все свое внимание, но ведь ей сейчас именно это и нужно, это нужно нам обеим! Ей осталось не так много, и я хочу быть рядом каждую секунду.

– Мам, я нужна тебе. Ты нуждаешься во мне больше, чем я в Уилле. К тому же он сделал свой выбор.

– Ничего он не сделал, Лейк! – Мама отпускает мои руки и отводит глаза. – Он выбрал то, что ему казалось наилучшим вариантом, но он ошибается. Вы оба ошибаетесь.

Конечно, она хочет видеть меня счастливой. У меня не хватает духу сказать ей, что между мной и Уиллом все кончено. Он сделал окончательный выбор там, в прачечной, когда позволил мне уйти. У него четкая система ценностей, и я в нее на данный момент не вписываюсь.

Она берет у меня из рук коробку и продолжает заворачивать ее сама.

– Помнишь, как я тебе сказала, что у меня рак, и ты убежала к Уиллу? – тихо говорит она и откашливается, стараясь не смотреть мне в глаза. – Знаешь, что он сказал мне, когда я пришла за тобой?

Я понимаю, о каком разговоре идет речь. Тогда я не расслышала их слов.

– Он открыл дверь, и я заявила, что пришла забрать тебя, что нам нужно поговорить. Он посмотрел на меня с такой болью... а потом сказал: «Пусть она останется, Джулия. Сейчас ей нужен я». Лейк, ты разбила мне сердце! Я пришла в ужас от того, что он нужен тебе больше, чем я. Как только он произнес эти слова, я поняла, что ты выросла... что твоя жизнь больше не принадлежит мне. Уилл все понял. Он увидел, что его слова ранили меня. Я развернулась и пошла домой, но он догнал меня во дворе и обнял. Сказал, что не станет забирать тебя у меня. Сказал, что отпустит тебя... чтобы ты могла быть со мной в то недолгое время, что мне осталось. – Она кладет завернутый подарок на кровать и снова берет меня за руки. – Лейк, он не забыл тебя! Дело не в том, что новая работа для него

важнее, чем ты, просто он хочет, чтобы ты оставалась рядом со мной.

Я глубоко вздыхаю и пытаюсь осознать все, что рассказала мне мама. Неужели она права? Неужели он любит меня настолько, что готов отпустить?

– А вдруг ты ошибаешься? – тихо спрашиваю я.

– А вдруг нет, Лейк? Всегда задавай вопросы! А вдруг он хочет выбрать тебя? Если ты не скажешь ему о своих чувствах, то никогда не узнаешь ответ! Ты же полностью вычеркнула его из своей жизни, не даешь ему даже шанса вернуть тебя!

Она права. Не даю... С того вечера я совсем отгородилась от него.

– Сейчас полвосьмого, Лейк. Ты знаешь, где он. Пойди и поговори с ним, расскажи, что ты чувствуешь!

Я не двигаюсь с места. Ноги дрожат, словно превратились в желе.

– Ну иди уже! – смеется мама.

Вскочив с кровати, я бегу к себе в комнату. Дрожащими руками, едва соображая, что делаю, меняю домашние брюки на уличные и надеваю фиолетовую рубашку, в которой была на нашем первом и единственном свидании. Потом иду в ванную и критически изучаю свое отражение.

Чего-то не хватает! Я снова бросаюсь в комнату, залезаю под подушку, достаю оттуда фиолетовую заколку, открываю ее и убираю мамины волосинки в шкатулку с украшениями. Потом возвращаюсь в ванную, зачесываю волосы набок и закрепляю их заколкой.

Глава 21

*Don't say it's over
Cause that's the worst news I
could hear I swear that I will
Do my best to be here
just the way you like it
Even though it's hard to hide
Push my feelings all aside
I will rearrange my plans and
change for you.*

«The Avett Brothers». *If it's the Beaches*^[29]

Я вхожу в клуб, озираясь по сторонам в поисках Уилла. Он наверняка

где-то здесь! Быстро, чтобы, не дай бог, не передумать, я напускаю на себя уверенный вид, иду к сцене и поднимаюсь на нее как раз в тот момент, когда ведущий объявляет, сколько баллов получил предыдущий выступающий. С пониманием взглянув на меня, он уступает мне место у микрофона. Здесь такое яркое освещение, что лиц людей в зале не разглядеть. Уилла я не вижу.

– Я бы хотела прочитать свое стихотворение, – внешне спокойно говорю я, хотя на самом деле сердце, того и гляди, выпрыгнет из груди. – Я знаю, что нарушаю протокол, но у меня экстренный случай.

Зрители в зале смеются. Смеются так громко, что я замираю, осознав, что собираюсь сделать. Но уже поздно: все пути к отступлению отрезаны, придется отвечать за свои слова. В отчаянии я смотрю на ведущего, но тот лишь толкает меня в бок и дает знак начинать.

Я вставляю микрофон в стойку, опускаю ее под свой рост, закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

– Три бакса! – доносится из зала.

Открыв глаза, я вспоминаю, что не оплатила выступление! Лихорадочно пошарив по карманам, достаю пятидолларовую купюру, отдаю ее ведущему, возвращаюсь к микрофону и закрываю глаза.

– Мое стихотворение называется... – еще раз начинаю я, и тут кто-то трогает меня за плечо.

Я открываю глаза: ведущий протягивает мне два доллара:

– Ваша сдача.

Я забираю деньги, кладу их в карман, но он продолжает стоять у меня над душой! Тогда я оборачиваюсь и бросаю сквозь зубы:

– Свободен!

Он недоуменно моргает и быстро уходит со сцены.

Я в третий раз поворачиваюсь к микрофону и дрожащим голосом произношу:

– Мое стихотворение называется «Обучение».

Только бы ничего не перепутать! Я переписала несколько строчек уже по дороге в клуб... Все, последний глубокий вдох – и я начинаю.

За этот год я многому научилась.

У *всех*.

У моего младшего брата...

у *«Братьев Эйвитт»*...

у моей *матери*, у *лучшей подруги*, у *учителя*, у *отца*

и еще

у
одного
парня.

У парня, в которого я *серьезно, по уши, безумно, невероятно и несомненно влюблена.*

За этот год я многому научилась
у *девятилетнего* мальчика.
Он показал мне, что *можно жить*
немного *наоборот*.
Что можно *смеяться*
над тем, над чем, *по мнению многих,*
смеяться нельзя.

За этот год я многому научилась
у одной *группы!*
Они научили меня, как снова *почувствовать* то, что ты *чувствуешь*.
Научили, как решить, чем *стать*,
а потом просто взять и *стать* этим.

За этот год я многому научилась
у больной *раком* женщины.
Она *столь* многому меня научила. И *до сих пор* учит.
Научила всегда *задавать вопросы*
и никогда не жалеть о сделанном.
Научила *расширять* границы,
потому что *именно для этого* они и созданы.
Посоветовала найти *баланс* между *головой* и *сердцем*,
а потом
подказала, *как* это сделать...
За этот год я многому *научилась*
у одного *приемного ребенка*.
Она научила меня *уважать* выпавшую мне *судьбу*.
И быть *благодарной* за то, что у меня вообще есть *судьба*.
Она показала мне, что *семья* —
это не обязательно *кровные* родственники.
Иногда *семьей*
становятся *друзья*.

За этот год я многому *научилась*
у моего *учителя*.
Он рассказал мне,
что *балом* правят не *баллы*,
балом правит *поэзия*...

За этот год я многому *научилась*
у моего *отца*.
Он показал мне, что *герои* не всегда *непобедимы*
и что *магия*
находится *внутри* меня самой.

За этот год я многому научилась
у
одного
парня.

У парня, в которого я *серьезно, по уши, безумно, невероятно и несомненно влюблена*.

Он научил меня *самой* важной вещи —
делать *ударение* на слове
«жизнь».

Что чувствуешь, стоя на сцене перед зрителями? Перед людьми, которые жаждут ваших слов, мечтают хотя бы на минутку заглянуть вам в душу... Наверное, возбуждение.

Я бросаю микрофон ведущему и убегаю со сцены. Я оглядываюсь по сторонам, но Уилла нигде нет! Бросаю взгляд на кабинку, в которой мы сидели на нашем первом свидании, – никого! И тут, после всей этой бури эмоций, которая чуть не сбила меня с ног, я понимаю, что его вообще нет в зале. Все же я делаю еще один круг, проверяя, не ошиблась ли. Потом еще один – его нет...

Чувство окрыляющей радости, которое я ощущала на сцене... в прачечной у него дома... в кабинке на задних рядах... бесследно испарилось. Второй раз я так не смогу. Мне хочется убежать отсюда, мне нужен воздух! Пусть холодный ветер Мичигана остудит мое разгоряченное лицо!

Распахнув дверь, я выхожу из зала, но тут из динамиков доносится мужской голос, и я замираю на месте.

– Плохая идея. – До боли знакомый мне голос произносит не менее знакомую фразу, я медленно оборачиваюсь и вижу стоящего на сцене Уилла, который в упор смотрит на меня. – Не уходи, пока не узнаешь свой балл, – добавляет он, показывая на стол, за которым сидит жюри.

Я поворачиваюсь в ту сторону: четверо судей пристально смотрят на меня, пятое кресло – пустое. Я с ужасом понимаю, что пятый судья – Уилл!

Земля уходит у меня из-под ног, перед глазами все плывет, но я каким-то чудом умудряюсь дойти до центра зала. Зрители притихли и внимательно разглядывают меня. Никто не понимает, что происходит. Кажется, я и сама не очень понимаю. Уилл поворачивается к ведущему.

– Я хотел бы выступить прямо сейчас, у меня экстренный случай, – заявляет он.

Ведущий делает шаг назад, уступая Уиллу место у микрофона.

– Три бакса! – раздается из толпы.

– У меня нет налички, – отвечает Уилл, поглядывая на ведущего.

Я тут же достаю из кармана два доллара сдачи, подбегаю к сцене и кидаю их под ноги ведущему. Он поднимает купюры:

– Доллара не хватает!

Тишина в комнате нарушается звуком отодвигающихся стульев, ко мне подходят незнакомые люди, они окружают меня, толкая с разных сторон, и постепенно вокруг меня собирается настоящая толпа. Через пару минут люди расходятся, возвращаясь на свои места, и в зале снова воцаряется тишина. Посмотрев на сцену, я вижу, что у ног ведущего лежит целая куча долларовых бумажек. Четвертак катится по сцене, падает на пол, крутится и наконец останавливается прямо у моих ног.

Ведущий пораженно смотрит на кучу денег.

– Та-а-ак, ну что ж, этого вполне достаточно... Как называется твоё стихотворение, Уилл?

– «Не на третьем месте», – улыбаясь мне, произносит в микрофон Уилл. Я делаю несколько шагов от сцены, и он начинает:

Я познакомился с девушкой,

прекрасной девушкой!

И влюбился в нее.

Влюбился **по уши**.

К сожалению, иногда **жизнь** встает у нас на **пути**.

Жизнь **однозначно** встала у **меня** на пути

Просто взяла и **загородила** мне дорогу.

Жизнь **забаррикадовала дверь** деревянными досками **два на**

четыре, приколоченными друг к другу и намертво прилепленными к **бетонной стене** толщиной сантиметров тридцать, загородила дорогу **решеткой** из прочных стальных **прутьев, приваренных к титановой рамке**, и как бы я ни старался пробить ее —

она
не поддавалась.

Иногда **жизнь** нам не **поддается**,
а просто встает **прямо** у нас на **пути**.

Она преградила дорогу моим **планам, мечтам, стремлениям, желаниям**, моим «**хочу**» и «**надо**».

Она оторвала меня от этой **прекрасной** девушки,
в которую я так **сильно влюбился**.

Жизнь пытается подсказать, что́ будет **лучше**.
Что́ должно быть **важнее** всего.
Что́ должно быть на **первом месте**,
или **на втором**,
или **на третьем**.

Я из **всех сил** старался, чтобы все было **упорядочено, расставлено по алфавиту, в хронологическом порядке**, чтобы всему было **идеальное место и идеальное время**.

Я думал, что **жизнь хочет** от меня именно этого.
Жизни необходимо, чтобы я поступал именно так.
Правда ведь?
Чтобы **все** было **по порядку**?
Иногда **жизнь встает** у нас на **пути**.
Встает **прямо** у нас на **пути**.

Но она не загоразживает нам дорогу полностью, потому что **хочет**, чтобы мы просто **сдались и подчинились ей**. **Жизнь не загоразживает нам дорогу**, потому что **хочет**, чтобы мы **отдались ей**, чтобы нас **подхватило потоком**.

Жизнь **хочет**, чтобы мы **сражались** с ней.
Научились делать ее **своей собственной**.
Она **хочет**, чтобы мы схватили **топор** и **разбили** доски в **щепки**.
Хочет, чтобы мы взяли **отбойный молоток** и **пробились** сквозь **бетон**.

Хочет, чтобы мы взяли *факел, расплавили металл и сталь* и наконец добрались до всего

Упорядоченного, расставленного по алфавиту, в хронологическом порядке, в нужной последовательности. Она хочет, чтобы вы смешали все *как попало, растворили, перемешали.*

Жизнь не хочет, чтобы вы *говорили* ей, что ваш младший *брат* всегда должен быть на *первом* месте.

Жизнь не хочет, чтобы вы *говорили* ей, что ваша *карьера* и *образование* всегда должны быть на *втором* месте.

И *жизнь совершенно точно* не хочет, чтобы *я* позволил ей взять и сказать мне, что *девушка*, с которой я познакомился, — *прекрасная, сильная, потрясающая, стойкая девушка*, в которую я *так сильно* влюбился, — Должна *всегда* быть на *третьем* месте. *Жизнь знает.*

Жизнь пытается *сказать* мне, что для *девушки*, которую я *люблю*, для девушки, в которую я так *сильно* влюбился,

предназначено *первое* место.
Для *нее* предназначено первое место.

Уилл отходит от микрофона и спрыгивает со сцены. Я так долго учила себя, как отпустить его, как скрыть свои чувства... Ничего не получилось. Ровным счетом ничего!

Он берет меня за подбородок, вытирает слезы с моего лица, улыбается, прижимается своим лбом к моему и шепчет:

– Я люблю тебя, Лейк. Ты заслуживаешь первого места!

Все и вся вокруг нас словно меркнут и исчезают, остается лишь один звук – грохот рушащихся стен, которые я выстроила вокруг себя.

– Я тоже тебя люблю! Я так сильно тебя люблю!

Он наклоняется ко мне, целует, я обнимаю его за шею и отвечаю на

поцелуй. Конечно же, я отвечаю на его поцелуй. Разве может быть иначе?!

Эпилог

My parents taught me to learn

When I miss

Just do your best

Just do your best.

«The Avett Brothers». *When I drink*^[30]

Я хожу по гостиной, перешагивая через груды игрушек, собираю оберточную бумагу и запихиваю ее в пакет.

– Ну что, понравились вам подарки? – спрашиваю я.

– Да! – хором кричат Кел и Колдер.

Собрав всю бумагу и завязав пакет, я иду к мусорному баку. Не успеваю я выйти со двора, как на пороге появляется Уилл.

– Давай я вынесу, милая! – подбегая ко мне, говорит он, забирает у меня пакет, а потом возвращается, обнимает меня и целует в шею. – Счастливого Рождества!

– Счастливого Рождества! – отвечаю я.

Вот уже второе Рождество мы встречаем вместе. Первое Рождество без мамы. Она умерла в сентябре этого года, практически в годовщину нашего переезда в Мичиган. Было тяжело. Ужасно тяжело.

Когда умирает близкий человек, любая мысль, любое воспоминание о нем причиняет боль. Пока не пройдешь пятую стадию горя, все воспоминания крайне болезненны, и лишь потом начинаешь видеть в них светлые стороны. Перестаешь думать о том, как человек умер, и начинаешь вспоминать, как чудесно он прожил свою жизнь.

Хорошо, что все это время Уилл был рядом со мной. После окончания университета он подал документы в магистратуру и все-таки отказался от работы в школе. Оставшийся до моего выпуска семестр ему пришлось жить на стипендию.

Уилл берет меня за руку, и мы возвращаемся в дом. На полу в гостиной высится настоящая гора из игрушек.

– Сейчас вернусь, последний заход, – говорит Уилл, берет очередную коробку и выходит. Уже в третий раз он переходит улицу между нашими домами, чтобы отнести все новые игрушки Колдера.

– Кел, не может быть, чтобы все это было твоим! – Я оглядываю

гостиную. – Собери игрушки и отнеси их в свободную спальню. Мне нужно пропылесосить здесь.

Пол гостиной усеян жалкими остатками от пронесшегося по комнате урагана подарков. Закончив работу, я сматываю шнур и ставлю пылесос на место – в шкаф в коридоре. В дом входит Уилл с двумя подарочными пакетами в руках.

– Ой, надо же! Как же мы забыли? – удивляюсь я и зову мальчишек.

– Нет, это не для мальчиков, а для вас с Келом, – объясняет Уилл и жестом предлагает мне и Келу присесть на диван.

– Уилл, ну зачем?! Ты же подарил мне билеты на концерт!

– А это не от меня. – Он вручает нам пакеты, целует меня в лоб, а потом берет Колдера за руку и уводит.

В недоумении я смотрю на Кела, но он лишь пожимает плечами. Мы одновременно срываем обертку и достаем по конверту. На моем мамином почерком написано: «Лейк». Дрожащими руками я достаю из конверта письмо и разворачиваю его, смахивая с лица слезы.

Моим деткам

С Рождеством вас! Простите, если эти письма застанут вас обоих врасплох, но я еще столько не успела вам сказать... Знаю, вы думаете, что больше не дождетесь от меня советов, но я не могла не оставить вам парочку заповедей в письменном виде. Возможно, сейчас они покажутся вам не важными, но когда-нибудь обязательно пригодятся. Я не могу быть рядом с вами вечно, но надеюсь, что вы сохраните в памяти мои слова.

– Не стоит отказываться от базаньи. Базанья – это же так вкусно! Выберите день, когда не будет никаких плохих новостей, и сделайте эту чертову базанью!

– Найдите баланс между умом и сердцем. Лейк, надеюсь, что тебе это уже удалось и, когда настанет время, ты сможешь объяснить Келу, что я имею в виду.

– Расширяйте свои границы – для этого они и существуют.

– А эту фразу я ukrала у твоей любимой группы, Лейк: «Всегда помните о том, что главное, чем вы можете поделиться, – это любовь, которая позволяет нам разделить одно имя».

– Не относитесь к жизни слишком серьезно. При необходимости просто дайте ей в глаз и рассмейтесь в лицо.

– И вообще, смейтесь почаще. Смейтесь каждый день. Хотя бы один раз.

– *Никогда не судите других. Вы оба прекрасно знаете, как неожиданные события могут изменить человека. Всегда помните об этом. Никогда не знаешь, что пришлось или приходится переживать другому человеку.*

– *Задавайте вопросы, сомневайтесь во всем – в любви, в религии, в желаниях. Если вы не будете задавать вопросы, то никогда не найдете ответы.*

– *Научитесь принимать все: сходство людей и их различия, их выбор, их индивидуальность. Иногда нужно испробовать многое, чтобы собрать хорошую коллекцию. Это касается и людей.*

– *Вступайте в битвы, но пусть сражений не будет слишком много.*

– *Оставайтесь открытыми, иначе в вашей жизни не появится ничего нового.*

– *И последнее, но немаловажное, скорее, даже очень важное: никогда не жалеете о сделанном.*

Спасибо вам обоим за то, что вы подарили мне лучшие годы моей жизни.

Особенно последний.

Я вас люблю.

Мама

Примечания

1

...Я нахожусь в середине «нигде»,
Поможешь мне превратить его в «где»?
«Братья Эйвитт». Салина

2

Дарт Вегйдер, он же Энакин Скайуокер, – главный герой киноэпопеи «Звездные войны».

3

«Братья Эйвитт» («The Avett Brothers») – американская фолк-рок-группа из Северной Каролины. Сет Эйвитт играет на гитаре, его брат Скотт Эйвитт – на банджо. – Здесь и далее примеч. перев.

4

Не надо много слов,
Чтобы рассказать тебе, кто я такой.
Ты ведь слышишь мой голос?
Вот кто я такой.
«Братья Эйвитт». Поцелуй меня

5

Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) – американская поэтесса. Ее личность и судьба стали легендой, символом высокого духа и мудрой простоты.

6

Роберт Ли Фрост (1874–1963) – один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулицеровской премии (1924, 1931, 1937, 1943).

7

Но, глядя на тебя, могу сказать:
С тобой нам вместе не бывать,
Ведь против нас судьба сама,
И первая любовь тебе и мне не суждена.
«Братья Эйвитт». Мне будет грустно

8

Мне надоело хотеть,
Но я попался в сеть,
И с каждым днем
Становится все хуже.
«Братья Эйветт». Я и желание

9

Все будет хорошо,
Постоянно твержу я себе,
Но нельзя сделать всех счастливыми
Наперекор судьбе.
«Братья Эйвитт». Паранойя в си-бемоль мажоре

10

Сердце шепчет: «Неужели опять?
Неужели мне снова придется страдать?»
Но поздно жалеть, ведь любовь уже здесь,
Унесет тебя прочь и поможет взлететь.
«Братья Эйвитт». Жизнь любви

11

Таким, как я, тебе не стать,
Так и радуйся, ведь я целый век
Вижу боль, но ничего не чувствую сам,
Я – старый Железный Дровосек.
«Братья Эйвитт». Железный Дровосек

12

Элизабет Кюблер-Росс (1926–2004) – американский психолог швейцарского происхождения, создательница концепции психологической помощи умирающим больным.

13

Хочу иметь друзей,
которые позволят мне
Остаться одному, когда мне захочется
побыть в одиночестве.
«Братья Эйвитт». Идеальное пространство

14

Всего лишь фигура речи:
Я разрываю себе грудь.
Они приходят и смотрят, как мы истекаем кровью,
Неужели это и есть искусство?
«Братья Эйвитт». Всего лишь фигура речи

15

Она отталкивает свою
жизнь прочь.
Блаженное неведение,
Души темная ночь.
И никто не знает, что будет потом,
Перед днем, в который мы умрем.
«Братья Эйвитт». Умри! Умри! Умри!

16

Кому какое дело, что будет завтра?
Ведь завтра лишь такой же
День, как и любой другой?
«Братья Эйвитт». Унесенные

17

Бегу от паранойи как от огня,
Будешь ли ты любить меня,
Когда мы проснемся и ты увидишь
Безумие в моем взгляде?
«Братья Эйвитт». Паранойя в си-бемоль мажоре

18

Извергая потоки
жестоких слов,
неудачники строят жизнь
на обрывках фраз и снов.
А я изо всех сил пытаюсь
защитить их.
«Братья Эйвитт». Все мои ошибки

19

Алан Вульф – современный американский поэт, перформер и преподаватель поэзии.

20

И я знаю, что ты ждешь меня в соседней комнате,
Но я застрял здесь, не в силах сдвинуться с места.
«Братья Эйвитт». 10 000 слов

21

Как земля под моими ногами, буду вечно вращаться
и я,
А когда голова закружится, стану пристально в небо
смотреть.
И когда тьма накроет землю черным плащом,
Покорюсь я судьбе и вспомню однажды,
Что все это случается с каждым,
Если помнить, что жизнь – это дар, то не страшно
и умереть.
«Братья Эйвитт». Плотник из будущего

22

Инструментальная композиция группы «Братья Эйвитт».

23

Если меня убьют на улицах города,
не вздумай мстить за меня.
Достаточно того, что умер человек,
И незачем сажать еще кого-то под замок.
«Братья Эйвитт». Убийство в городе

24

Ложь грузом ляжет на твои плечи, преследуя тебя по разным городам,
ведь ничего не происходит здесь, что не случилось бы и там.

25

Игра слов: имя главной героини «Lake» в переводе с английского
означает «озеро».

26

Дверь прачечной ты за собой прикрой,
Потом на цыпочках крадись домой,

Одежду не снимай.
У меня есть все, что нужно,
Но научи меня, как быть
С любовью, – говорят, ты ею занимался.
«Братья Эйвитт». Прачечная

27

Ведь так почти у всех,
И я не исключение.
Мы любим говорить о вещах,
В которых ничего не понимаем.
«Братья Эйвитт». 10 000 слов

28

Я сижу взаперти, знает бог сколько дней,
Я читаю, пишу, чтоб не думать о ней,
Я причины ищу, я хочу изменений,
Хотя бы в природе, но чтоб без сомнений.
Осень, лето, весна, пусть даже и снег,
Пластинка играет уже целый век.
Защелки защелкнули наглухо окна,
И собака уходит, чтобы снова вернуться.
Кофеин поднимает, выстрел на пол кладет.
Постоянно волнуясь, чтобы не промахнуться,
Хотя знаю, что дань свою время возьмет.
То верю в себя, то вообще ни во что.
Мне паденье на дно или в небо полет,
Замечаю, как будто бы мимо идет
Жизнь своим чередом, чередом, чередом, чередом...
«Братья Эйвитт». Разговор о забытыи

29

Только не говори, что это финал.
«Все кончено» – что может быть хуже?
Я клянусь сделать все, чтобы день твой стал

Легким и радостным – таким, какой тебе нужен.
И пусть мне тяжело вполголоса жить,
Скрывать свои чувства, тебя не любить,
Я поменяю свои планы и стану другим
Ради тебя.
«Братья Эйвитт». Если все дело в пляжах

30

Мои родители научили меня одному:
Когда проигрываешь,
Просто старайся изо всех сил,
Просто старайся изо всех сил.
«Братья Эйвитт». Когда я пью